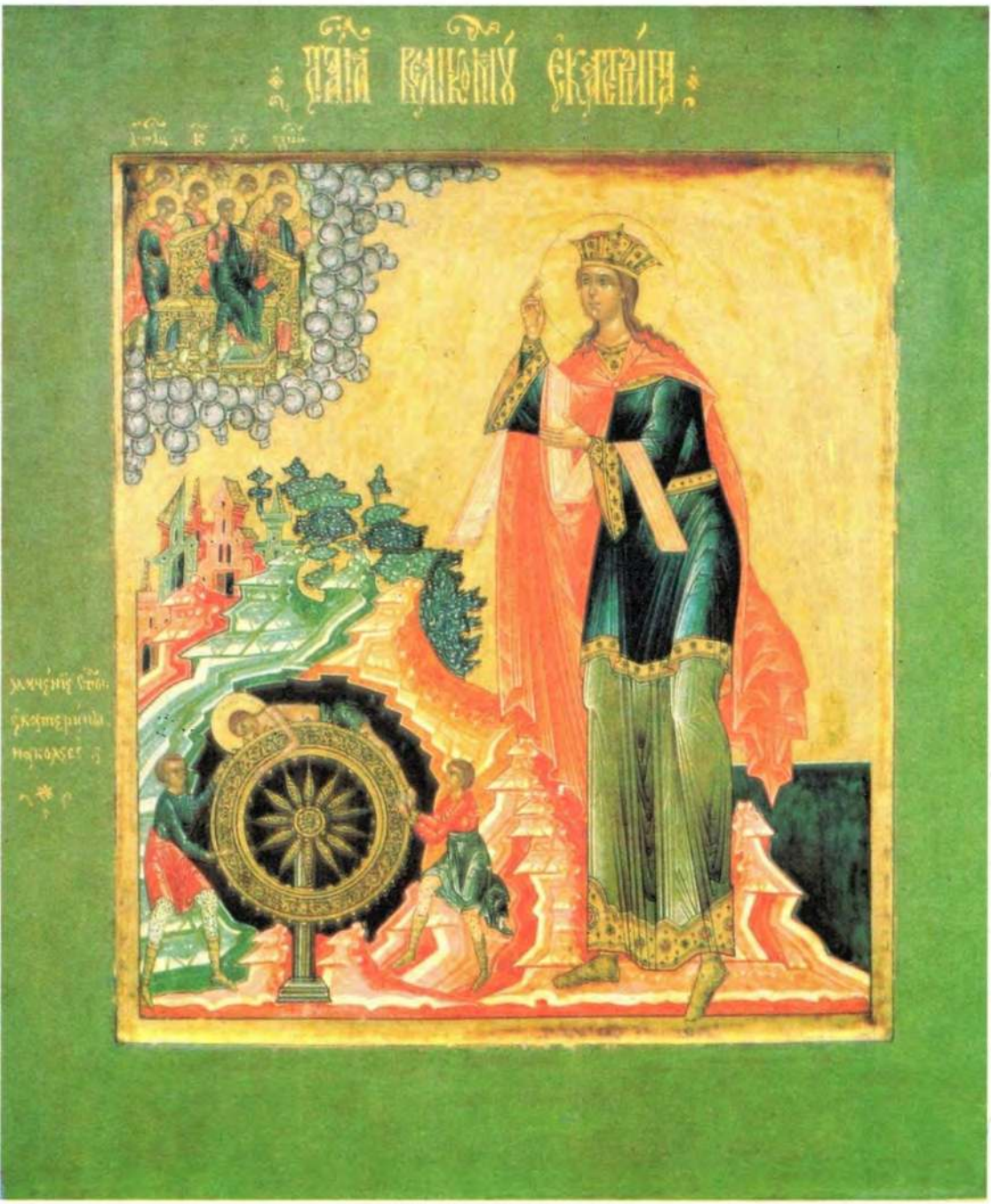
ISSN 0132-862X

12
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТАЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА ЕКАТЕРИНА

Икона середины XIX века.
Из собрания музея имени Андрея Рублева
(б. Спасо-Андроников монастырь). День памяти 24/7 декабря

1993 • 12

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Владимир Козлов. Возрождение святыни. Казанский собор Москвы и век XX 2

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Епископ Дмитровский Филарет. Слово на торжественном собрании в Московских Духовных школах, 1 сентября 1993 года... 7

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников *(Окончание)* 11
Борис Костин. За други своя 24
Воспоминания архиепископа Луки 37
Евгений Воршевский. Памяти архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) (1877–1961) . . 58
Михаил Вострышев. 1922 год. Постановили: обобрать и расстрелять. (По архивам КГБ и ЦК КПСС) 60

ПРОПОВЕДЬ

Священник Вячеслав Резников. Благодатная помощь 65
Протоиерей Александр Клеменев. В Неделю Святых Отец 66
Протоиерей Алексий Мечев. О мощах угодников Божиих 68

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

Профессор протоиерей Н. Афанасьев. Таинства и тайнодействия 72
А. Колодяжная. К Рождеству 83
О. В. Шведов. Чинопоследование утрени – структура и симметрия 84

ИЗ ДУХОВНОГО ОПЫТА

Мытарства (частный суд по смерти) 97
Рассказы о частном суде вслед за смертию человека 104
Как происходит частный суд 105

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

Людмила Колодяжная. Молитвы русских поэтов 107

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

С. А. Голубцов. Протоиерей храма Илии Обыденного в Москве Владимир Иванович Смирнов (1903–1981) 111
Памяти протоиерея Георгия Малахова 115

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. С. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. "Нева – Ладога – Онега". М. П. "Русло", М., 1992 116

Возрождение святыни

Казанский собор Москвы и век XX

Москвичи и гости столицы, бывавшие в этом году на Красной площади, с изумлением наблюдали, как напротив ГУМа быстро вырастают стены, своды, кокошники и купола небольшого красивого храма. Сегодня мы являемся живыми свидетелями невиданного за последние 70 лет: на Красной площади созидается разрушенный в 1936 году храм — знаменитый Казанский собор. Построенный в 1636 году, он был посвящен Казанскому образу Божией Матери. Эта чудотворная икона, сопровождавшая в боях князя Димитрия Пожарского и 22 октября 1612 года торжественно внесенная в освобожденный от поляков Китай-город, стала почитаться как заступница и покровительница Москвы.

Собор-памятник, символизирующий победу над внутренними и внешними врагами, был свидетелем многих событий в истории России. Собор на Красной площади пережил и страшные московские пожары. Время не пощадило его древней архитектуры — были утрачены старинная колокольня, декоративные украшения...

Видел собор и начало новой русской смуты. Ей предшествовало событие, поразившее православную державу: 29 июня 1904 года из Казанского женского монастыря была похищена заветная святыня русского народа — чудотворная Казанская икона Божией Матери. Это стало грозным предвестием беды, первой революции 1905—1907 годов.

Тяжкие времена для собора, как и для всех церквей и монастырей Москвы, наступили после переворота 1917 года. В октябрьские дни рядом с собором пролетали снаряды, попадавшие в кремлевские соборы, во фрески и иконы Никольской башни.

Особо трагичным для святынь Красной площади стало то, что с марта 1918 года сердце и алтарь России, Кремль, стал резиденцией атеистического правительства большевиков. В 1919 году были закрыты часовни святого Александра Невского и Святителя Николая Чудотворца у Никольских ворот, принадлежавшие Казанскому собору. Эти небольшие часовни, как и собор, имели мемориальное значение и были сооружены в память победы над Наполеоном. А в 1920-х годах руками реставраторов была уничтожена находившаяся на Никольской башне большая фреска Казанского образа Божией Матери (XVIII—XIX века).

Таким образом, уже тогда Красная площадь лишилась образа Освободительницы и Заступницы Первопрестольной. В апреле 1922 года руки безбожников дотянулись и в Казанский собор — по декрету ВЦИКа из него вынесли более 30 серебряных риз, 70 лампад, множество серебряной утвари общим весом в 15 пудов.

Постепенно власти переходили к уничтожению и самих московских часовен и храмов. Вокруг Казанского собора рушились памятные святыни, дорогие сердцу русского человека. В 1922 году была снесена часовня святого Александра Невского, построенная у начала Тверской в память воинов, погибших в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. В середине 1920-х годов разрушили и исторические часовни у Никольской башни Кремля. Ну а первым снесенным в Москве храмом (1924 год) оказалась именно церковь Введения на Лубянке, в которой до Казанского собора находилась Казанская икона Божией Матери. Летом 1928 года начался варварский снос огромного храма во имя преподобной Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Эту старинную церковь не спасло и то, что незадолго до разрушения реставраторы обнаружили на ее главах под побелкой великолепные изразцы и на защиту исторического памятника выступили многие деятели культуры.

Все эти часовни и церкви находились вблизи Казанского собора и были

Статья написана на основе архивных документов Центрального муниципального архива Москвы: дела о регистрации общины Казанского собора и его закрытии (фонд 1215, опись 3, дело 41); протоколов Центральных государственных реставрационных мастерских (фонд Р-1 дела 11—16), протоколов президиума Моссовета (фонд 150, оп. 3, д. 369 и др.). — *Авт.*

Казанский собор на Красной площади до начала реставрации.
1920-е годы
Фото из ГНИМА им. А. В. Щусева

построены в память исторических событий, побед русского оружия. Мало кто знает, что Параскевский храм до постройки храма Христа Спасителя был своеобразным памятником Отечественной войне 1812 года: в нем находились иконы, празднование которых приходилось на даты Бородинской битвы, освобождения Москвы и Смоленска, сражения под Лейпцигом и др. Православная община Казанского собора объединяла москвичей, живших на Красной площади, на Никольской, Тверской улицах. Многие прихожане были простыми рабочими, выходцами из крестьян. В общине было немало и сотрудников расположенного рядом Исторического музея. Были и дворяне (Калиновские), и потомки известных купцов (Карзинкиных). Настоятелем Казанского собора в 1920-е годы был известный специалист по церковному пению профессор Московской консерватории отец Василий Металлов.

Приходская община Казанского собора неожиданно расширилась осенью 1928 года после сноса Параскево-Пятницкого храма. Новая объединенная община получила название "Православная Казанско-Параскевская церковная община при Казанском соборе г. Москвы". В собор были перенесены престолы, антиминсы, некоторые почитаемые иконы из разрушаемого храма, и Казанский собор стал храмом-памятником двух великих событий российской истории — освобождения Москвы от интервентов в 1612 году и победы в Отечественной войне 1812 года.

На средства религиозной общины с середины 1920-х годов началась реставрация памятника. Энергичному, молодому тогда, реставратору П. Д. Барановскому удалось под толстым слоем штукатурки обнаружить остатки кокошников, наличников и других старинных украшений. Когда в 1928 году иссякли собранные прихожанами деньги, община, желая закончить реставрацию, даже просила продать большой (190 пудов) колокол. Но именно тогда для Казанского собора началась своя Голгофа. В январе 1928 года Президиум Моссовета принял решение "О сносе некоторых церковных зданий, мешающих уличному движению". Среди обреченных памятников была и колокольня Казанского собора. Увы, советские реставраторы и музейные работники поддержали это варварское решение,

Казанский собор. Вид после сломки трапезной.
1936 год
Фото из ГНИМА им. А. В. Щусева

считая, что поздняя колокольня искажает собор. Еще в 1924 году заведующая музейным отделом Н. И. Троцкая и руководитель реставрационных мастерских И. Э. Грабарь выступили за "разборку" колокольни.

Снос колокольни совпал с началом роковых изменений в общественно-политической жизни. Массовое наступление на Церковь, разжигаемая властями антирелигиозная истерия вкупе с хозяйственными фантазиями Моссовета, означали закрытие и верную гибель многих церквей. Одним из первых заложников этой политики стал и Казанский собор на Красной площади, которая стремительно превращалась в политический центр страны, место грандиозных демонстраций и военных парадов.

Летом 1929 года после долгой секретной переписки Президиум ВЦИК разрешил снести знаменитую Иверскую часовню, в которой находилась любимая москвичами чудотворная Иверская икона Божией Матери. А в мае 1929 года Президиум Моссовета, "принимая во внимание, что здание церкви Василия Блаженного на Красной площади является музеем и что совершение религиозных обрядов в ней представляет существенное неудобство; что группа верующих этой церкви малочисленна...", принял решение о закрытии собора и передаче его целиком под музей.

Казанский собор остался единственным действующим храмом в центре города, на Красной площади. Оставалось лишь выдумать повод к его закрытию. Власти вспомнили, что еще в 1924 году директор Исторического музея Щекотов просил Моссовет передать им под фонды здание Казанского собора, "упразднив в этой бесприходной церкви богослужения".

Не отрицая, конечно, больших заслуг советских музейных работников в деле охраны и реставрации исторических памятников, нельзя не коснуться и другой малоизвестной стороны музейной политики тех лет. Музейщики нередко выступали инициаторами и ходатаями закрытия храмов. Третьяковская галерея практически "поглотила" Николо-Толмачевский храм, Исторический музей — собор Василия Блаженного, Центральные государственные реставрационные мастерские — храм Николы на Берсеневке, музейный фонд МОНО — старообрядческий храм Успения на Апухтинке; музей в Коломенском — соседние храмы Вознесения и Святого Георгия... В 1929 году "Главнаука" Наркомпроса РСФСР, руководившая музейным делом и охраной памятников, добилась от Моссовета закрытия последних храмов Богоявленского, Донского и Новодевичьего монастырей.

Осенью 1929 года Исторический музей перешел в наступление и на Казанский собор — обратился к городским властям с просьбой закрыть храм. Моссовет направил это ходатайство в административный отдел, занимавшийся церковными делами. Руководители отдела Подчуфарова и Ермаков поддержали просьбу музея, откровенно заявив, что "здание культа расположено на углу Никольской улицы и Красной площади, что создает большое неудобство во время революционных празднеств и демонстраций на Красной площади". Притязания музейщиков поддержала и "Главнаука".

За Моссоветом дело не стало: 1 февраля 1930 года его Президиум закрыл Казанский собор и передал его здание "Главнауке" — "под расширение Исторического музея". В марте председатель культовой комиссии при Президиуме ВЦИК П. Г. Смидович сообщил городским властям, что их постановление вступает в законную силу.

Черным днем Казанского собора стало 13 мая 1930 года, когда священник Н. Рождественский сдал ключи от храма представителю Мосадмотдела. Началось обычное в таких случаях

разграбление церковного имущества. Госбанку по цене серебряного лома (30 руб. за 1 кг) было сдано более 30 кг риз, окладов, Евангелий, дарохранительниц и других церковных предметов. Но не все церковное имущество пошло на утилизацию. 18 мая 1930 года представителю музейного фонда А. А. Глазунову по акту было передано 72 предмета историко-художественной ценности. Среди них были старинные тарелочки, дароносица (нач. XIX века), воздух и орарь XVIII века, часть церковного архива. Главную же ценность представляли 65 старинных икон. В музейные фонды были переданы все иконостасные иконы: 12 пророческого чина (XVII век), 12 деисусного чина, 12 икон праотцев (XVII век), 14 праздничного чина (XVII век) и др. В музейные запасники ушла и дорогая для собора храмовая икона святых Гурия и Варсонофия Казанских (XVII век).

К сожалению, пока не обнаружены документы о том, в какой музей были перевезены позже иконы Казанского собора. По всей видимости, они попали в фонды Исторического музея или Третьяковской галереи и, возможно, до сих пор пребывают там.

Община Казанского собора перешла в старинный храм святителя Николая в Хлыновском переулке (ул. Б. Никитская). Туда же верующим удалось перенести часть церковной утвари, архиерейское облачение, несколько икон, в том числе список Казанской иконы Божией Матери. Параскевская же община, которую в 1928 году приютил собор, также с частью церковного имущества перешла в Георгиевский храм на Большой Дмитровке, взяв с собою церковные сосуды, кресты, купель, облачения и 33 иконы.

Между тем ситуация на Красной площади закономерно ухудшалась. Напротив памятника Минину и Пожарскому в 1929—1930 годах вчерашний зодчий православных храмов А. В. Щусев строил приземистый языческой архитектуры гранитный мавзолей. Памятник же освободителям Москвы задвинули за ограду собора Василия Блаженного. На Спасской и Никольской башнях замазывались или снимались еще остававшиеся там древние фрески. Летом 1931 года неожиданно были остановлены реставрационные работы на древних двухшатровых Иверских воротах, и городские власти приступили к их слому в целях расширения прохода для демонстрантов на Красную площадь.

Сгустилась угроза закрытия и над Казанским собором, который благодаря усилиям реставраторов засиял своим великолепным древним обликом. Но

Снос Казанского собора на Красной площади.
1936 год
Фото из ГНИМА им. А. В. Щусева

такой собор тем более не вписывался в новую Красную площадь с мавзолеем, некрополем революционеров и демонстрациями. Желание властей снести собор еще в 1932 году не осуществилось благодаря твердой позиции реставраторов и тому, что в марте 1933 года здание собора Моссовет отдал Метрострою под столовую для рабочих. Собственно столовая устраивалась в трапезной, в самом же соборе на верхнем этаже устроили склад, на нижнем — кухню. Западный фасад обезобразила пристроенная каменная труба. Но даже в этих невыносимых условиях П. Д. Барановский с помощниками пытался восстановить древнее крыльцо, западный и южный фасады, окна. Но вскоре и сам Петр Дмитриевич был арестован и выслан в Сибирь. Вернувшись из ссылки, он успел произвести фиксацию и обмеры памятника.

Приближался страшный для православной Москвы и ее памятников 1936 год. Именно в этом году были безжалостно снесены великолепные шедевры старой Москвы: храмы Успения на Покровке, Николы в Столпах, Триумфальные ворота и др.

История сноса Казанского собора во многом пока неясна. Известно, что 21 июля 1936 года путем опроса Прези-

Казанский собор на Красной площади. После крестного хода.
Фотооткрытка начала XX века

диум Моссовета принял решение о сносе здания Казанского собора и примыкавших к нему домов. Власти почему-то очень торопились: на переселение жильцов из дома отпустили лишь 10 дней. Метрострой был обязан срочно освободить помещение собора (с начала 1936 года там размещалась гидроаккумуляторная станция шахты № 69). Разборку Казанского собора и прилегающих к нему зданий указано было произвести не позднее 15 сентября. На снос выделили 120 тыс. руб. "Мосразборстрой" с честью справился с возложенной задачей и 1 октября 1936 года Президиум Моссовета уже обсуждал вопрос об асфальтировании площадки на месте храма.

Вспомним: новопостроенный Казанский собор с приделом во имя святого Аверкия Иерапольского был освящен 16 октября 1636 года Патриархом Всероссийским Иоасафом, то есть уничтожение великой православной святыни было приурочено к 300-летию собора.

А 19 апреля 1937 года в "Вечерней Москве" появилась короткая заметка "Новое летнее кафе", из которой москвичи узнали, что в начале мая Главкондитер открывает на углу улицы 25-го Октября и Исторического проезда летнее кафе-павильон на 150 человек и фонтан. И ни слова о разрушенном соборе.

После сноса Казанского собора волна уничтожения православных святынь Москвы пошла на спад. История Казанского собора как бы отразила судьбу Русской Православной Церкви. Поэтому весьма символично и то, что Казанский собор — первая московская святыня, которую решено восстановить в древних формах и на прежнем месте.

Закладка собора на фундаментах XVII века состоялась в ноябре 1990 года. За три года было возведено здание Казанского собора, украсившее Москву и Красную площадь.

4 ноября 1993 года, в день празднования иконы Казанской Божией Матери, состоялось торжественное освящение воссозданного Казанского собора. Освящение храма совершал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В торжествах 4 ноября принимали участие многие москвичи, представители московских властей. Дай Бог, чтобы восстановленная святыня помогла преодолению и новой Смуты в России.

Владимир КОЗЛОВ

Епископ Дмитровский Филарет,
ректор МДАиС

СЛОВО
на торжественном собрании в Московских Духовных школах
1 сентября 1993 года

Ваши Высокопреподобия, профессора, наставники и учащиеся Московских Духовных школ!

Поздравляю всех вас с началом нового учебного года, открывающего собой высокое и ответственное поприще ваших трудов и начинаний, ваших внутренних озарений и дерзаний, ваших надежд, вашего богословского умозрения и благодатного духовного опыта. В предстоящем учебном году вам надлежит подняться на новую ступень интеллектуального, нравственного и религиозно-духовного восхождения, в еще более совершенной полноте приобщиться к вечной мудрости и богословскому наследию Церкви, служению которой вы призваны словом, трудом, созерцанием и творчеством.

Сегодня в смиренном преклонении перед непрестанным действием всеблагого и спасительного Промысла мы можем сказать: жив Господь Бог и жива Церковь Его! Ибо вы — новое молодое поколение нашей Церкви — являетесь, по слову Апостола, живыми камнями, из которых созидается здание Церкви (см.: 1 Пет. 2, 5). Многие из вас жили по стихиям мира сего, но Бог коснулся Своей живоносной благодатью вашего сердца и таинственно зажег в нем огонь веры, перед которым отступили холод и мрак неверия. В благодати крещения и миропомазания вы были введены в новый и чудный свет и стали сонаследниками святой и таинственной реальности, имя которой — Вечная жизнь. По мысли святителя Григория Богослова, вы облеклись в нетление, очистили себя Духу, просветились светом ведения, приготовили себя к тому, чтобы стать достойными истолкователями Божественного Писания[1]. Ваше юное сознание, еще не перегруженное преходящим и обманчивым познанием окружающего нас мира, легче и яснее способно постигать духовные сущности вещей, составляющих в своей совокупной целостности глубокую бытийную основу жизни. Вступив в сознательном и зрелом возрасте внутрь священной ограды Церкви, вы имеете то неоспоримое преимущество, что в несравненно большей и сокровенной близости открыты для действия Святого Духа, производящего в вас благие намерения и желания и созидающего вашу личную веру.

Именно вера определила в первую очередь ваше избрание и ваш жизненный путь. В безмолвном погружении в таинство веры, в тихом веянии благодати вы услышали призыв избравшего вас Бога, голос Которого слышен во все времена. Ваш выбор — это сознательный акт исповедания веры, которая является первым и основополагающим условием принадлежности к Церкви. Вера и Церковь внутренне связаны между собой на всем протяжении истории христианства, и в центральный момент Евангельской истории исповедание апостольской веры совпадает во времени с обетованием Христа Спасителя о Церкви. Ученики Христовы на вопрос Спасителя: *За кого почитают Меня люди?* — исповедали Его Сыном Бога Живого (см.: Мф. 16, 15; Мк. 8, 29; Лк. 9, 20; Деян. 13, 25). С этого момента Господь впервые назвал общество Своих учеников почетным и величественным именем Церкви, Экклисии, которое могло употребляться лишь в отношении общества людей, наделенных достоинством и свободой. Достоинство и свобода в самом глубоком их значении сообщаются человеку верой во Христа, Сына Божиего, и поэтому пребывание в вере и в Церкви есть пребывание в достоинстве и свободе.

Епископ Дмитровский Филарет возглавляет шествие учащих и учащихся в Троицкий собор на традиционный молебен перед началом учебного года

Отсюда следует, что принадлежность к Церкви, возрастание в вере и утверждение в нравственном достоинстве взаимно определяют друг друга. Более того, очевидным и важным является приоритет нравственного начала над рационально-познавательным, и это составляет один из основополагающих принципов жизни Духовной школы в целом. Внутренние сокровища духа, христианские качества души, высокие нравственные добродетели — честность,

искренность, смирение, великодушие, кротость, вера и благоговение, — все это составляет неоценимое богатство и самое дорогое украшение личности. Но достигаются эти качества гораздо большим напряжением творческих сил, чем в процессе обыкновенного интеллектуального познания, ибо в процессе познания нет того элемента самоотречения, какой необходимо предполагается в подвиге веры.

Высокое и торжественное наименование Церкви содержит указание на христианский подвиг веры, силой которого при содействии Божественной благодати осуществилось победоносное распространение Церкви во Вселенной. Церковь есть величайшее, совершенное, абсолютное явление в жизни мира. Она — живая и безмолвная тайна, захватывающая самую глубину человеческой души и вовлекающая ее в стихию новой благодатной жизни.

Кто вы, во имя чего вы пришли сюда, к чему вы призваны — вот те вопросы, на которые вы должны ответить самим себе, чтобы свободно и сознательно, ответственно и целеустремленно готовиться к тому великому служению, которого нужно желать всем сердцем, перед которым нужно трепетать и благоговеть.

С того момента, когда Господь Иисус Христос заповедал Своим ученикам проповедовать Евангелие среди всех народов, миссия благовестия становится главной в историческом существовании Церкви. Господь пришел в мир, чтобы открыть миру вечную истину о Боге Отце и ввести людей в новую жизнь, исполненную Божественной благости и любви. Миссию благовестия Господь передал Своей Церкви, в которой Он присутствует Своей благодатью и в которой осуществляется спасение каждого конкретного человека и человечества в целом. Святой Дух руководит жизнью Христовой Церкви, поставляя в ней пастырей и епископов, являющихся преемниками святых апостолов. К этому высокому служению призываетесь теперь вы. Во время приемных экзаменов вы видели, что многие желали быть на вашем месте, но Бог избрал вас. Поэтому дорожите вашим избранием, работайте над собой, созидайте внутреннюю духовную жизнь, приобщайтесь к духу православной церковности, почитайте священноначалие, не надмевайтесь своими мнимыми знаниями, скромно и честно исполняйте свой долг, любите Духовную школу, будьте искренны, приветливы, великодушны, молитесь за наше Отечество, переживающее ныне тяжелые потрясения, готовьте себя к тому, чтобы в меру своих сил, в пределах вверяемого вам служения привести наш народ к спасительной и истинной вере, освятить его Божественной благодатью и ввести души людей в мир нетления и вечности.

Если раньше через свою личную веру вы определили вашу принадлежность к Церкви, то теперь, в новом достоинстве учащихся Духовной школы, вы возложили на себя обязательства несравненно более высокие и ответственные. Теперь вы призываетесь служить Церкви всеми своими силами, своим трудом, природными дарованиями, приобретаемыми знаниями, личной культурой, созерцанием, молитвенным подвигом. Период пребывания в Духовной школе — это время подготовки к миссии благовестия и освящения, служения и свидетельства. Верность Святому Православию, следование апостольскому и святоотеческому Преданию, каноническая верность Русской Православной Церкви и любовь к нашей великой Родине — вот что должно быть главными ориентирами в вашем предстоящем служении.

Вам известно, что в настоящее время лжемиссии и лжепророки вторгаются в пределы нашей земли и сеют свои тлетворные учения, восставая против Православной Церкви, ее иерархии, установлений и традиций. Надменно вещая о том, что они несут народам России истину Священного Писания, они в действительности вводят *пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении... они прельщают неутвержденные души... обещают им свободу, будучи сами рабы тления...* (Но) *знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания* (2 Пет. 2, 1; 2; 14; 19; 9).

Вы, будущие служители Православной Церкви, должны противостоять также натиску протестантизма и католицизма, руководствуясь Преданием и строгим научно-богословским подходом к изучению и пониманию Священного Писания. Главным в благовестии Церкви является учение о путях достижения святости, духовном совершенстве личности, о ее внутреннем обновлении, преображении и обожении благодатью Святого Духа в новой жизни во Христе.

Отныне вам предстоит изучать все то, что относится к учению Церкви, ее традиции и к ее миссии благовестия. Церковь обращается к каждой личности и в свете Священного Писания ориентирует ее в отношении к собственному существованию, окружающему миру и к Богу. Полнота благовестия Церкви проявляется в многообразии форм, и все это многообразие проявлений бытия Церкви становит-

ся отныне предметом вашего изучения, умозрения и духовного опыта.

"Православие, — говорит современный болгарский богослов епископ Николай Макариопольский, — не есть только доктрина, а жизнь по-Божиему и в Боге. Слова Господа — это *дух и жизнь* (Ин. 6, 63). Поэтому и христианское учение о Боге, особенно православное богословие, должно быть также духом и жизнью, а не только теорией. Оно должно уйти своими корнями в веру (веру как истинное исповедание Бога и как несомненную уверенность в существовании Бога) и благодатно оплодотворять жизнь"[2].

Оценивая в самых общих чертах перспективы и смысл пастырского и богословского образования и будущего церковного служения, мы, в осознании нашей общей причастности к истине Святого Православия, судьбе России, к делу Божиему, призваны преодолеть нашу инертность и ограниченность, нашу скудость и одичание, нашу бездуховность и самолюбие, наше слепое и холодное равнодушие ко всему высшему и священному. Тогда с помощью Божией мы начнем собирание нравственных и творческих сил, необходимых для подъема и процветания отечественной богословской науки, духовно-благодатной церковноприходской жизни, нашего национального религиозно-нравственного возрождения и обновления.

Сие и должно совершиться по непреложному замыслу Божиему. Неясны и неисповедимы пути нашего грядущего возрождения. Но пребывает незримо над нами Пречистый Покров Пресвятой Богородицы, и место сие и Отечество наше освящено молитвенными воздыханиями Преподобного Сергия. Озаренные его благодатным светом, окрыленные его дерзновенной надеждой, можем ли мы стоять на месте, сдерживая свой целеустремленный творческий порыв? Проникая все глубже в неизъяснимую тайну нашего избранничества, исполняясь обильно ниспосланной нам благодатью Божественной, будем стремиться к осуществлению нашего высокого и ответственного предназначения в мире. Зная, что великое и исключительное поприще ожидает каждого из нас в этой жизни и что другого, более достойного, служения на земле никому не дано, мы призываем в этот знаменательный и торжественный день на предстоящие нам в новом учебном году труды благословение Божие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 1. СПб., Б. г., с. 563, 645.

[2] Николай, епископ Макариопольский. Богословие и богопознание. – ЖМП, 1972, № 2, с. 69.

Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, был не только мудрым Святителем, стойким ревнителем Православия и хранителем чистоты Русской Православной Церкви, но и, по отзывам современников, удивительно добрым и отзывчивым человеком, у которого многие в трудную минуту своей жизни находили утешение и поддержку. О святительской деятельности Патриарха сохранились многие документы, о ней написано много книг и статей. А вот та душевная и духовная среда, которую Святитель создавал вокруг себя повсюду, где бы он ни находился, ушла с его кончиной, и ушла безвозвратно. А это был свой особый мир — мир любви, добра, — словом, всего того, чего нам так недостает сегодня. Вот почему так дороги сегодня те немногие крупицы живых переживаний лиц, которых Господь сподобил оказаться рядом со Святителем Тихоном в период несения им тяжелого креста патриаршества.

В ГОСТЯХ

...Вскоре после выхода из "заключения" (было это 9—22.7.1923 года в воскресенье вечером), Святейший собрал у себя в квартире приблизительно до двадцати женщин самого различного положения и возраста, заботившихся о нем в период нахождения его под стражей: на свои скудные средства, собираемые по знакомым и от доброхотов, и по своей инициативе они делали для него все, что могли, чтобы удовлетворить по возможности его бытовые нужды. Тут же в Донском они содержали специального человека, готовившего кушание для Святейшего, которое затем передавалось через конвоиров, стирали ему белье и по очереди постоянно дежурили под келлией у его домика — с внутренней стороны монастырских ворот — на случай: не пропустить бы момента, если бы Святейшего стали переводить в другое место заключения.

Нередко Святейший, видя из окна своей келлии некоторых из этих бескорыстных благотворительниц, в любую погоду дежуривших внизу под деревьями, открывал форточку своего окна и, высунув руку, благословлял их. Они кланялись ему, осенявшему их крестным знамением, и слезы при этом лились из их глаз; для них это было большой радостью и лучшим вознаграждением за их немалые труды и тяготы в попечении о дорогом и глубоколюбимом и почитаемом ими Святейшем...

Бывали — и не раз! — случаи, когда этих женщин, дежуривших под окнами заключенного Патриарха, разгоняли, ловили, переписывали, фотографировали и всячески "стращали" различными полицейскими приемами. Но они мужественно и безропотно сносили все эти "наваждения" бесовские, продолжая свое служение всеми оставленному Главе Русской Церкви.

Среди женщин, приглашенных к себе Святейшим, были и интеллигентные, высокообразованные и безукоризненно воспитанные дамы, и старуха-прачка, и "серые" бабы, и девочки-подростки с наивно-полуоткрытыми ртами... Но основной состав этого безымянного, самодеятельного благотворительного общества состоял из так называемых "простых" женщин" — везде нас окружающих и никем не замечаемых, но, кто знает их, тот согласится с тем, что они, по всей справедливости, являются лучшими и наиболее стойкими представительницами нашего верующего народа, ибо в простоте сердечной прекрасно усвоили Христовы заповеди и стараются всеми доступными их пониманию и возможностям средствами претворять их повседневно в окружающей их жизни.

И сейчас, собравшись у Святейшего "в гостях", женщины эти задумали было, по привычке, и здесь взять на себя роль попечительных хозяек в обслуживании Святейшего и более аристократической части его гостей, — но не тут-то было... Патриарх терпеливо усадил всех их за стол, просил "не беспокоиться" и сказал при этом примерно так:

— Сидите и не вставайте! Вы мне много послужили за последнее время, когда все покинули меня, вы ни на один день не оставили своих забот обо

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1993, № 11. Печатается с сокращениями.

мне — всеми забытом и оставленном. А теперь я сам хочу послужить вам в малости, чтобы хоть немного отблагодарить вас за все... А вы — сидите и угощайтесь; никого мне в помощники не нужно... Он сложил руки на груди и, поклонившись гостям, произнес:

— Спаси вас, Господи!.. Спаси вас, Господи!.. — и, оборачиваясь в стороны, делал поясные поклоны.

Все были взволнованы, сидели и чуть ли не плакали.

Наконец, обратившись к своему престарелому иподиакону отцу Викентию ("из простецов"!), искренне любившему Святейшего и служившему ему все это время, сказал с болью, указывая присутствующим женщинам на него рукою:

— А вот это — единственный представитель среди нас от русского духовенства!

Увы! — горькое замечание это было трагическим отражением печальной действительности того исторического момента.

Чаепитие продолжалось два часа, в течение которых Святейший без устали угощал своих дорогих гостей: сам наливал из самовара и разносил каждому чашки с чаем, потчевал вареньем и пирогами с рисом, с яблоками и прочим. Среди хозяйственных забот он успевал со всеми поговорить, каждому сказать ласковое или шутливое слово и ко всем вообще проявить свое теплое внимание и хозяйское радушие.

Так Святейший Патриарх Московский и всея России отблагодарил тех своих немногочисленных пасомых, которые, проявив добрую волю, бескорыстно и беззаветно послужили ему делом в один из самых тяжелых периодов его многотрудной жизни.

Что же касается до "единственного представителя русского духовенства" на этом скромном пиршестве — любимого Патриархом отца Викентия — благообразного пожилого человека с седеющей головой и смиренным взором, то он до конца дней Первосвятителя служил ему верой и правдой, пока не был сослан куда-то в глушь, где вскоре же (как говорили), направился вслед за своим — ушедшим уже — любимым Патриархом. Таков был этот "пир".

И действительно: "много званых, но мало избранных"...

ТРИ ЧЕРВОНЦА

...Могу вам еще рассказать, что, когда в 1924 году я лежала с очередной операцией в Боткинской больнице, то и там была обрадована и поддержана вниманием дорогого Святейшего...

21.IV—4.V 1924 года, на пасхальной неделе, Святейший служил в храме Благовещения в Петровском парке... Потом его закрыли. И вот, в этот же день, в больнице я получила записочку от него с приложением трех червонцев. В записочке он пишет (писал, наверное, в алтаре, после богослужения): "Ты сейчас больная; заработка у тебя нет. Поэтому, когда выпишешься из больницы — купи себе ботинки". С этой же запиской мне передан был и пасхальный подарок Патриарха — огромное шоколадное яйцо с сюрпризом, — в те годы их еще продавали в кондитерских магазинах. Помните?..*

Из воспоминаний В. М. Мироновой.

"НА ХОДУ"

Много лет подряд я работал на одном заводе за Даниловской заставой и брел туда обычно через Каменный мост и дальше по Большой Якиманке.

Однажды, году в 1923 или 1924 (точно сейчас не припомню), идя своим обычным путем и подходя уже почти к Калужской площади, встречаю едущих мне навстречу трех извозчиков. У первого из них сидели двое или трое молодых людей, один из которых держал обеими руками большой, знакомый мне, предносный крест. У второго сидели двое духовных лиц, один из которых одет был в штатское платье.

А у третьего... Тут я снял шапку.

У третьего извозчика сидел Патриарх, а рядом с ним известный всей Москве архимандрит Анемподист (Алексеев). Ехали, по-видимому, из Донского куда-либо служить, что и по времени совпадало.

Когда последний из этих извозчиков поравнялся со мною, я сбежал с тротуара и мигом очутился около Патриарха; сложил руки для принятия благословения и еле выговорил впопыхах: "Благословите... Ваше... Святейшество..."

Ткнув рукою в спину извозчика, Патриарх остановил на минуту экипаж, благословил меня, и они тронулись дальше. Я же продолжал свой путь на завод...

Николай Васильевич Бойцов.
Москва, 1946.

У НИКОЛЫ — УГРЕШИ

В пятницу, 9 (22) августа 1924 года, на память святого апостола Матфея, в большом соборе Николо-Угрешского монастыря торжественную литургию совершал Святейший Патриарх Тихон в

---

* Публикуется по еженедельнику "Русский вестник" (1993, № 8–10).

сослужении множества епископов. Весь обширный монастырь был заполнен богомольцами, прибывшими не только из окрестных сел и деревень, но — в большом количестве — из Москвы.

Святейший, окончив благословение народа, которое он неизменно совершал после каждого своего богослужения, независимо от усталости и количества молящихся, исчислявшихся иногда тысячами, проследовал к митрополиту Макарию (Невскому), своему предшественнику по Московской кафедре, проживавшему здесь на покое в отведенном ему маленьком домике, окруженном зеленью и цветами. Престарелый митрополит давно уже не совершал богослужений, так как был разбит параличом и передвигался по комнатам только в коляске, специально устроенной для этой цели. Он жил здесь совместно со своим былым соратником по просвещению Алтая светом Христовой истины — также немощным и согбенным, престарелым архиепископом, бывшим Бийским, Иннокентием (Соколовым). Оба старичка впали уже в детство и опекались заботами и любовью нескольких монахинь, ходивших за ними буквально как за малыми детьми.

Святейший очень чтил и любил митрополита за его кротость и детское незлобие и, когда представлялся к тому случай, всегда оказывал ему всякого рода знаки внимания. Со своей стороны и митрополит Макарий платил Святейшему тем же.

Во дворе монастыря, по выходе Святейшего из собора, к нему подвели сопротивлявшуюся кликушу, выкрикивающую непонятные слова. Но несколько человек, невзирая на ее сопротивление, все-таки подвели ее к Патриарху, который еще издали, слыша крики и вопли, — поглядывал на нее с состраданием. Он благословил ее, положив свою руку ей на голову, причем сказал несколько успокоительных (как всем показалось) слов, расслышать и понять которые среди общей суматохи и криков было невозможно... Она сейчас же как-то осела, смолкла; перестала корчиться, а затем, отойдя немного, уселась в сторонке — бледная и изможденная. Она тихо плакала, утирая и размазывая слезы концом головного платка, сбившегося на затылок... Сейчас же ее обступили бабы и толпа любопытных, как известно, крайне бесцеремонных в подобных случаях. Начались "охи да ахи". Старухи, из тех, что построже, отгоняли от нее мальчишек, норовивших протиснуться вперед.

Святейший довольно долго задержался в келлиях митрополита Макария, куда зашли и некоторые архиереи, сослужившие Патриарху.

В стороне, среди заброшенных могил, виднелась фигура Преосвященного Клинского Иннокентия (Летяева). Не старый, но болезненного вида, этот святитель присел возле одной из могил и, подперев голову рукою, о чем-то, казалось, грустно размышлял. Кругом была зелень, чистое небо, пенье птиц... а он, по-видимому, ничего не замечая, неподвижно сидел наедине со своими невеселыми думами...

Пока Святейший Патриарх и некоторые из архиереев задерживались у митрополита Макария, очевидно за беседой, в одной из соседних комнат набралось довольно много всякого звания и вида народу. Тут были и батюшки, и монахи, свои и приезжие: и какие-то светские лица, по виду довольно неопределенного положения. Попал сюда и кое-кто из более именитых или более настойчивых богомольцев. Не обошлось, конечно, и без "блаженных" и "юродивых", которых тогда еще было немало: из дореволюционных "калик-перехожих", каких-то полумирских-полумонахов, в рваных зипунах и подрясниках, с котомками, с посохами, иногда — с большими медными крестами или образами на груди. Все эти странные люди из прежней "Святой Руси" продолжали свою, давно начатую скитальческую жизнь, как из-под земли вырастая и располагаясь на папертях храмов, где совершались торжественные архиерейские или патриаршие служения. Некоторые из них в потрепанных куртках, с монашескими скуфьями на головах, другие — в подрясниках или драных рясах и — в шапках. Эта живописная публика чувствовала себя около церковных стен как у себя дома; и здесь, в монастыре, среди множества богомольцев их было можно видеть всюду. В комнате таких оказалось несколько человек, но на них все остальные смотрели без удивления...

Шли разговоры и споры на различные церковные злободневные темы. Говорили о протодиаконе Михаиле Лебедеве, служившем только что со Святейшим Патриархом (несколько позже его расстреляли), ему прочили блистательную будущность, сравнивали с покойным К. В. Розовым. Говорили о моих певчих: хвалили их, да и меня заодно; о проповеди епископа Серпуховского Алексия (Готовцева) (впоследствии снявшего с себя сан, и, кажется, женившегося), а также, без конца, — об обновленцах, о закрытии церквей и монастырей и тому подобном. Все это запомнилось мне. Запомнилось и то, что в самый разгар общей беседы внезапно распахнулись двери и появился Святейший...

Он окинул собравшихся приветливым взглядом и весело спросил:

– Ну!.. О чем шумите вы, народные витии?..

Все "витии", конечно, сейчас же примолкли и устремились к Святейшему за благословением...

Епископ Сергий (Ларин). Обновленческий раскол. Рукопись. 1953–1959.

ПАТРИАРХ ТИХОН И НОВЫЙ КАЛЕНДАРНЫЙ СТИЛЬ

В свое время большое волнение и растерянность в церковном обществе возникли в связи с решением Патриарха Тихона о переходе нашей Церкви на "новый стиль".

На этой почве по местам были даже отходы от Патриаршей Церкви, и дело грозило окончиться новым расколом. Положение было очень серьезное. На волнующееся море церковное надвигался еще один страшный вал... Царила полная неразбериха в календарно-богослужебной практике: кое-где совершались церковные службы уже по новому стилю, местами – по старому.

И вдруг, в это смутное время, – новое распоряжение Святейшего: отказ от нового стиля и бесповоротный переход к старому! Растерянность стала всеобщей... Как быть? Чему верить и чего держаться? Где истина?!

Кто-то догадался обратиться по этому поводу к затворнику отцу Алексию (Соловьеву), проживавшему в ту пору в какой-то каморке, на частной квартире (в Сергиевом Посаде).

Спросили его. И ответ был, примерно, таков:

– Если Святейший и десять раз будет переходить с одного стиля на другой, то и нам всем тоже десять раз надлежит переходить вслед за Патриархом!..

Таковым оказался глас истинного смиренномудрия.

Ваянов Дмитрий Федорович, протоиерей, композитор; 1928.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ У ЗАТВОРНИКА СТАРЦА АЛЕКСИЯ (СОЛОВЬЕВА)

В Загорске (Сергиевом Посаде) маленькому домику в четыре комнатки, с двумя белыми березками в палисаднике на будущей Пионерской ул., под № 7, суждено было вскорости стать убежищем мудрости и света духовного.

...От Лавры по дороге в Александров стояла и процветала Зосимова пустынь. Сколько людей спешило по живописной дороге через лес и перелески, которая их приводила к вратам тихой обители.

В ее стенах подвизался дивный старец отец Алексий, бывший пресвитер Успенского Московского собора в Кремле (с 4 (16) июня 1895 г. по 8 (20) июля 1897 г.), обладатель замечательного глубокого ("бархатного") баса. Овдовев, отец Алексий принимает монашество в Зосимовой пустыни, с настоятелем которой, отцом Германом († 17 (30) января 1923 г.)... его связывала теплая дружба. Множество людей тянулось к благодатному источнику духовной силы, врачевания, помощи и утешения. Величавый старец – внимательный взор черных глаз на широком крупном лице, обрамленном обилием белоснежных волос, – он вначале мог показаться суровым и строгим, но при первом же общении с ним открывался такой источник добра, такая глубина мудрости, бережного внимания к нужде пришедшего, такая тщательная, любвеобильная работа над его душой, что связь между ним и пасомым становилась крепкой и нерушимой на всю последующую жизнь.

Вот этот-то старец и схимник, прославленный в пустыньке и далеко за ее пределами, слабый и больной, был принужден выехать в Москву искать себе пристанища по закрытии обители. Заехав к Преподобному (Сергию Радонежскому. – *Сост.*) на поклонение, он по воле Божией, с благословения отца наместника, остается в двух комнатах второй половины нашего домика, только-только освободившихся. Это было в мае 1923 года, когда над маленьким домиком воистину зажегся могучий светильник веры и подвига. И потянулись к его порогу, как некогда в Зосимову пустынь, духовные дети со своими печалями и напастями, горем и душевной нуждой. Тяжело болеющий старец совсем ушел в затвор, и только некоторым, с разрешения отца наместника, удавалось к нему проникнуть.

Монашествующие и миряне, духовенство и святители Церкви... сколько побывало в чаянии приема у скромного крылечка маленького дома. Получившие разрешение, в ожидании заходили в соседнюю горенку мамы и терпеливо ждали часами возможности быть принятыми в связи с великими немощами старца.

На нашем историческом диванчике, на котором некогда скончался наш отец, сидел и Святейший Патриарх Тихон. От этого памятного дня храню я карточку, его рукой подписанную. Святейший Патриарх любил и чтил старца, рука которого вынимала в храме Христа Спасителя жребий на его Патриаршество. Приход Святейшего в

сопровождении отца наместника взволновал старца. Он торопливо стал опускать свои больные, отекшие ноги, намереваясь привстать, но Святейший со столь свойственной ему доброй улыбкой, сам такой простой и ясный, с лаской поднял ножки старца и положил их обратно в постель, не разрешая ему вставать, и, близко присев около него, повел с ним беседу*.

Верховцева. Воспоминания. Рукопись.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ПАТРИАРХОМ ТИХОНОМ

От автора. *Статья "Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном" написана мною по просьбе одного весьма и глубоко уважаемого мною почитателя Патриарха Тихона. Для него представляет большую ценность каждая деталь, каждая подробность из жизни покойного Патриарха, память о котором он хранит и с любовью чтит...*

Покойного Патриарха Тихона первый раз я увидел, когда он был Московским архиепископом.

Было это в Москве в начале лета, в воскресенье. Мой путь лежал из Замоскворечья на Красную площадь. Стоял ясный, чудесный день, дыхание легкого ветерка обдавало теплом, на ярко-голубом небе ни облачка, вся необъятная ширь раскинувшегося во все стороны города сверкала серебром.

Было тихо. Но невозмутимая тишина была необычайная. Всюду царил революционный пафос — знамение эпохи. Дух торжества революции и дух тревоги переселили беспокойный человеческий муравейник из мирных жилищ на площади и улицы городов — логическое развитие времени. И вдруг здесь, в центре событий, — тишина и безлюдье.

На какую-то минуту я задержался у Лобного места. Слева, из храма Василия Блаженного, вышла небольшая горстка богомольцев, почти здесь же растворившаяся.

Но иллюзия безлюдья исчезла, едва я поднялся к верхним торговым рядам. Здесь было оживленно. Пешеходы торопились, натыкались друг на друга, одни шли мне навстречу, другие обгоняли. На углу Никольской толпился народ: легко было понять, что та толпа — часть какой-то процессии, потому что дальше, внизу площади, у Воскресенских ворот колыхалось человеческое море. Там я попал в такую давку, что уж и не чаял выбраться из нее. Двигаться дальше было бесполезно, и я остановился.

Такое стечение народа объяснялось просто: архиепископ Московский Тихон служил молебен в Иверской часовне. Издалека, через затихшую площадь доносилось неясное молебное пение. Вскоре раздался колокольный звон — звонили в Казанском соборе. Толпа заволновалась, площадь загудела, процессия возвращалась в церковь.

Чтобы лучше рассмотреть архиепископа, люди лепились на каждом выступе, на каждой площадке — везде, где только можно было стать ногой, иные карабкались по церковным сооружениям. Мне удалось пробраться на верхнюю ступеньку паперти, и с этой позиции, на которой я удерживался с необычайной трудностью, я увидел архиепископа Тихона. Он прошел мимо меня на расстоянии одного шага, и я мог рассмотреть его во всех подробностях, возможных в тех условиях давки и тесноты. После я даже уверял многих, что архиепископ внимательно посмотрел на меня. Конечно, это был самый настоящий вздор: многие могли уверять точно так же, что архиепископ посмотрел именно на них, но тогда мне так показалось, и я долго верил своей выдумке — результату возбуждения и обостренных чувств.

Архиепископ Тихон был в фиолетовой мантии, на голове переливалась многочисленными огоньками золотая митра. Белый омофор сливался с белым цветом его лица. Борода у него была серая, с ровной густой сединой. Он шел твердой походкой, немного склонив голову к левому плечу. Лицо его было радостным и растворялось в какой-то тонкой, едва уловимой и, пожалуй, немного застенчивой улыбке.

Я знаю, такие улыбки существуют, но они рождаются не из желания улыбаться — нет, они отражают внутренний мир человека, высота и глубина добродетелей которого образуют основные начала развития духа. Нравственная жизнь таких людей состоит в постоян-

---

* В мемуарах Е. Четверухиной "Старец отец Алексий, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни", читаем следующий вариант описания посещения отца Алексия (Соловьева) Святейшим Патриархом: "Нам передали, что однажды, когда Батюшка о. Алексий лежал по приказанию врача в постели, после того как он упал (по старческой слабости. – *Сост.*) и сильно расшибся, приехал его навестить Святейший Патриарх Тихон. Батюшка, всегда относившийся с глубоким почтением к лицам, высоко стоящим в иерархическом отношении, был глубоко тронут вниманием Святейшего и чувствовал себя крайне неловко оттого, что встречал и беседовал с ним, лежа на кровати. Поэтому Батюшка несколько раз порывался спустить свои ножки на пол, но Святейший брал их своими руками и снова их клал на постель. У кого из этих старцев было больше смирения..."

ном эстетическом воспитании самого себя, то есть в приобретении чуткости к правде, добру и красоте и укреплении неодолимого органического отвращения к безобразию всякого вида и рода. Это большой духовный процесс — процесс одухотворения, преображающий весь внутренний строй человека. Печать такого преображенного состояния лежит на всем внешнем облике человека. Это — глубокий созерцательный взор, какое-то ясное и светлое выражение лица — застенчивое и незлобивое, мягкие движения и теплая очаровывающая улыбка.

Мне приходилось встречать такие открытые лица, бесконечно симпатичные, в которых, как в зеркале, отражаются внутренние духовные процессы, будто огнем озаряющие красоту и силу их духа.

Однако толпа, хлынувшая вслед за архиепископом, оттеснила меня, и я не мог попасть в церковь. Оказавшись на тротуаре, я, не раздумывая, направился к Воскресенским воротам. Там гудела толпа, и только через час я мог подойти к Иверской. Помнится, в гостинице я силился воссоздать в памяти внешний облик архиепископа, и, кажется, ничто не ускользнуло от меня, и особенно, конечно, покоряющая улыбка. Правда, воображение почему-то исказило рост архиепископа. Показался он мне очень высоким, и я долго верил наблюдениям своей памяти, пока не увидел его снова.

Однако, среди всех различных впечатлений этого дня, меня не оставляло непонятное, щемящее душу чувство — мне было грустно. С этим чувством я уехал из Москвы. Отчего это? Чтобы объяснить непонятное состояние грусти, я ловил себя на разных мыслях, но ничего мрачного или тревожного не приходило в голову.

Разве вот что... Случайность встречи с архиепископом Тихоном?

Да, но почему эта случайность, тем более приятная, могла отозваться в моей душе грустью?

И все-таки это было так. Почему? Не знаю. Спустя несколько лет, я неоднократно испытывал такое непонятное состояние грусти от встреч с Владыкою Фаддеем (Успенским). Смирение, детская незлобивость души, застенчивая до наивности улыбка этого святого человека волновали меня, покоряли мое воображение и открывали в нем для моего внутреннего созерцания неисчерпаемые источники человеческих добродетелей. Но мы расставались с ним, и мне становилось грустно. Не правда ли — парадокс? Может быть, оттого становилось мне грустно, что высота и глубина его духа лишь подчеркивали его одиночество в этом мире — глухом и неотзывчивом, в мире равнодушия, в котором все закрывается для прекрасного, и только тупое безразличие объективирует жизнь?

... Спустя несколько месяцев Собор провозгласил архиепископа Тихона Всероссийским Патриархом.

Мне приятно было думать, что именно его я видел в торжественной процессии у Воскресенских ворот и что именно он произвел на меня неизгладимое впечатление.

* * *

Второй раз я увидел Святейшего Патриарха Тихона через несколько лет.

Было это в тяжелые дни русской церковной жизни — весной 1924 года. Тогда бушевали страсти обновленческого раскола, разъедавшего организм Церкви. Наглые раздиратели хитона Христова, предатели, непризванные руководители "нового" церковного сознания насильственным образом, путем обмана и подлогов, овладевали православными храмами, обрекая их на неминуемое закрытие и уничтожение.

Раскольники, владевшие абсолютно пустовавшими храмами, обращались в местные государственные органы с просьбой передать им еще какой-либо храм, изъяв его у православных верующих. Такие просьбы обычно удовлетворялись, обновленцы занимали очередной храм, но верующие уходили и больше в него не возвращались. Еще вчера переполненный молящимися, ныне, в руках обновленцев, уже опустевший, храм начинал жить одинокой жизнью, а потом закрывался, передавался государству под какой-нибудь гараж или кузницу. Но обновленцы шли дальше и уже овладевали очередным православным храмом.

Православные люди понимали, что теряют храм безвозвратно, но даже такая страшная цена не останавливала их высокого понимания своей преданности Святому Православию, в слезах они покидали храмы, но к обновленцам не шли.

Так было и по всем городам и весям, и Астрахань, разумеется, не являлась исключением. Положение становилось угрожающим, протесты верующих и их церковных советов не помогали. В таких обстоятельствах родилась мысль жаловаться в Москву.

Я находился в очень близких отношениях с Астраханским архиепископом Фаддеем (Успенским). Как-то вечером Владыка долго и обстоятельно рассказывал мне о наглых действиях обновленцев, доказывал необходимость жалобы в Москву, просил меня составить

жалобу и с двумя-тремя делегатами от общин выехать в Москву. Я горячо принял эту просьбу архиепископа, составил жалобу, в которой в ярких красках и самых решительных тонах осуждал действия обновленцев, посягавших на храмы, и руководителей местных органов, способствовавших обновленцам в их антицерковных делах. Затем где-то в церковных собраниях были избраны делегаты: Ф. Е. Баринов и И. Ф. Осипов...

И вот мы в дороге, напутствуемые благословениями и добрыми пожеланиями Владыки Фаддея.

В Москву мы приехали поздно вечером и, переночевав в гостинице "Балчуг", утром на другой день отправились в патриаршую резиденцию — в Донской монастырь (Владыка Фаддей дал наказ получить благословение Патриарха).

В монастырь мы приехали к самому началу поздней литургии, был вторник на неделе перед Троицей, но служба совершалась в большом монастырском соборе. Приложившись к кресту, мы отправились в патриаршие покои. Дорожка, идущая от северной паперти собора, привела нас к красному кирпичному зданию с порогом в две ступеньки. Дверь была открыта, мы вошли, по внутренней короткой лестнице поднялись выше и вступили в небольшую комнату-приемную. Здесь стояла тишина, на скамейках сидело несколько человек, почти все из духовных, за маленьким столиком у окна сидел монах. Монах подошел к нам и каким-то таинственным шепотом спросил нас, кто мы и что нам нужно. Один из наших спутников достал из папки запечатанный сургучной печатью конверт, и, не говоря ни слова, вручил его монаху, который также молча прочитал то, что было написано на конверте и, повернувшись, ушел с конвертом в другую комнату. Долго он не возвращался, а вернувшись, спросил, кто из нас (он назвал мою фамилию), а затем подошел ко мне вплотную и прошептал, что Его Святейшество примет нас через час в таком порядке: сначала я пройду один, а после будут приглашены и остальные мои спутники.

Этот час мы употребили на экскурсию по монастырю. Хотя монастыря как такового не существовало, здания принадлежали светским учреждениям. Правда, каким-то образом оставалось там три или четыре монаха, обслуживавших церковные здания на положении наемных служащих; они ютились в маленьком помещении около колокольни. Я с большим интересом рассматривал монастырские стены, башни, побывал на монастырском кладбище, с увлечением читал епитафии, многое узнал и вообще с огромным удовольствием провел этот свободный час.

Ровно в назначенное время мы вернулись в патриаршую приемную, и едва я переступил порог, как был подхвачен уже известным нам монахом, который за руку повлек меня в патриарший кабинет и, отворив передо мною дубовую дверь, пропустил вперед. Дверь за мною закрылась, и я оказался перед Его Святейшеством. Помню, я был смущен неожиданностью. Обычно перед аудиенцией у сановного лица посетитель подготавливает себя к встрече, взволнованно ожидает ее, обдумывает, как вести себя, а здесь...

Комната, в которую я вступил, была довольно просторная и сводчатостью низкого потолка приятно напоминала старинные боярские хоромы или игуменскую келью большого монастыря. В левом углу стоял огромный кипарисовый киот с образом Богоматери, перед которым горела разными огоньками большая серебряная лампада, цепочками прикрепленная к потолку. Около киота на зеленой ковровой дорожке стоял аналой с раскрытой богослужебной толстой книгой. Справа — широкий книжный шкаф, этажерка с книгами, на стене висела зеленая мантия, около нее в углу — жезл, а на маленьком угольнике белый патриарший куколь. У ломберного стола, стоявшего у стены против входной двери и покрытого вязаной черной скатертью, из-под которой виднелись ярко-зеленые разводы, — два кресла с высокими спинками. Патриарх сидел в одном из кресел. Он заметил мое смущение. "Ничего, ничего, идите вот сюда", — услышал я немного хрипловатый баритон. Я подошел к креслу Патриарха, он встал, преподал мне благословение и, вероятно, чтобы вывести меня из замешательства, сразу же заговорил, указав рукою на кресло. Сели.

"Это вы от Астраханского архиепископа Фаддея? Владыка пишет мне о вас, просит оказать содействие. Какой же вы молодой! Вы не боитесь принимать на себя такие поручения?" Я ответил в героическом тоне, что, мол, я сообразуюсь больше с интересами Церкви, чем с личными. Патриарх посмотрел на меня все с той же знакомой мне улыбкой и, может быть, подумал: "Ах, герой, герой!" — однако вслух сказал: "Ну что же, храни вас Господь!"

Затем Его Святейшество спросил, кому и на что именно мы жалуемся, и неожиданно закончил эту часть беседы.

"Вы до завтра оставьте бумаги у меня, я их прочту. Теперь же мне скажите, как живет Преосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие?" Не ожидая моего

ответа, Патриарх продолжал: "Знаете ли вы, что Владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви — явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражаются на здоровье. Разумеется, Владыка избрал святой, но трудный путь, не многим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига". Здесь Патриарх встал, подошел к книжному шкафу, что-то там поискал, в раздумье широко развел руками.

"Я хотел было прочитать вам письмо Преосвященного Кирилла (Смирнова); они ведь вместе с Владыкой Фаддеем (Успенским) прошли несколько тюрем и этапов... Где же оно?.. Ах, да... Ну, все равно, я помню и так..." И Патриарх рассказал мне два эпизода из монашеских добродетелей Владыки Фаддея, приведших Преосвященного Кирилла в трепетное изумление.

Святейший Патриарх говорил все это медленно, низким голосом, с расстановкой, как это бывает всегда, когда человек хочет сказать очень важное. В его голосе слышались живые, взволнованные ноты, и светлые глаза, освещенные падавшим на его лицо солнечным лучом, с видимым любопытством обращались на собеседника. Патриарх был задумчив и величав, симпатичная улыбка придавала его словам задушевность. Я отчетливо помню этот момент. Среди многих томительных обязанностей в нашем скучном мире такие минуты запоминаются на всю жизнь. И сама обстановка, возвышающая и волнующая душу, располагала к такой тихой удивительной беседе. Я слушал и в душе удивлялся: как это верховный руководитель Церкви, убеленный сединами величавый Патриарх, свободно и задушевно ведет беседу с незнакомым человеком? И ведь это не из пустой галантности воспитанного человека и не из горделивого, показного и снисходительного великодушия. Беседует мудрец, черпающий мудрость из своей сокровищницы. Прикосновение к любезному его сердцу воспоминанию наполняет его душу восторгом, который он хочет передать собеседнику, чтобы и его душа загорелась таким же восторгом.

Мне хотелось о многом спросить Патриарха: так располагала к вопросам задушевная обстановка беседы, но я не мог нарушить этикета: таким людям вопросов не задают!

Затем Его Святейшество спрашивал меня об обновленческом епископе Анатолии (Соколове), сказал мне, что он ставленник его, Патриарха; наконец, после других церковных вопросов, спросил меня, как и где похоронены архиепископ Митрофан (Краснопольский) и епископ Леонтий (фон Вимпфен), есть ли следы их могил. Я ответил все, что знал со слов других.

Патриарх пригласил моих спутников, они вошли, его Святейшество поднялся с кресла, я тоже встал. Вся остальная часть беседы прошла стоя. Преподав вошедшим благословение, Патриарх сказал: "Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас останавливать и разочаровывать. Мы должны все время держать в курсе церковных событий правительство. Обновленцы наглеют, и все, что происходит у вас, то же самое происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья..."

После некоторой паузы Патриарх продолжал: "Хорошо бы вам попасть с жалобой к Смидовичу. Многие говорят, что он более внимателен и, кажется, не такой уж ожесточенный против Церкви человек... но к нему попасть тоже искусство". Здесь Его Святейшество широко улыбнулся: по-видимому, слово "искусство" ему понравилось своею меткостью и смешением понятий. Затем Патриарх расспрашивал моих спутников о приходских делах, посещаемости храмов, не преминул сказать о святости Владыки Фаддея (Успенского) и, уже благословляя, пригласил нас ко всенощному богослужению в соборе Донского монастыря в субботу под Троицу.

На этом окончилась наша аудиенция.

Утром на другой день я опять был в патриаршей резиденции. Я пришел туда раньше обычного, чтобы, управившись с получением моих бумаг, успеть во ВЦИК, где меня должны ожидать мои спутники. Но оказалось, что келейнику ничего не известно о бумагах, надо было ожидать Святейшего, а он еще не появлялся. Жду час-другой, волнуюсь. В 12 часов келейник пригласил меня в кабинет. Его Святейшество стоял на конце зеленой ковровой дорожки, в том же бледно-розовом подряснике с широким вышитым поясом на талии. В креслах сидел представительный человек, судя по панагии, — архиерей. Густая рыжая борода обрамляла его белое лицо. Он сидел, погрузившись в разбор каких-то бумаг, и на меня не обратил внимания. Его Святейшество преподал мне благословение и сейчас же передал мне большой пакет с надписью. Пакет был адресован Орлян-

скому. Мои бумаги находились в пакете. Что-то еще хотел сказать мне Патриарх, но к нему подошел митрополит Крутицкий Петр (Полянский) — это он сидел в кресле с какой-то бумагой. Взяв у митрополита бумагу, Святейший, представляя меня митрополиту, сказал: "Это молодой юрист от Владыки Фаддея из Астрахани... Вот астраханцы жалуются на обновленцев, отбирают у них храмы. Там командует Анатолий (Соколов). Какой был тихий, скромный человек, а теперь, поди, как воюет с Церковью... Боюсь за Владыку Фаддея, как бы они не сделали ему зла". Патриарх немного задумался, а потом уж продолжал: "Вот Владыка Фаддей все просился на Волгу, ведь он волжанин, откуда-то из-под Нижнего... Ну вот, теперь он на Волге. Надолго ли? Я ведь тоже люблю Волгу. Когда я служил в Ярославле — ходил на Волгу купаться, но в Рыбинске купаться лучше, я у Рыбинска Волгу переплывал. Бывало, еду с келейником купаться, а он дорогой уговаривает меня: не надо, дескать, так далеко плавать, можно и у берега. Я, конечно, соглашаюсь, а сам куда там у берега..." Он рассказывает, весело смеется, румянец расцвечивает его лицо. "Ну, благослови вас Господь", — говорит он мне и широким крестом осеняет меня, подставляя мне правую щеку. Я вышел. Я спешил. Кажется, на углу 3-го Донского переулка я бросился в первый попавшийся экипаж и, не торгуясь с извозчиком, поскакал на свидание со своими спутниками.

Орлянский... Кто-то мне сказал, что это был не Орлянский, а Орлеанский. Может быть, не спорю. В тогдашней моей миссии это лицо занимало маленькое место. Из памяти даже ускользнуло и то, где я передал адресованный ему пакет: во ВЦИКе ли — на углу Воздвиженки и Моховой или в Наркомюсте — на Кузнецком. Но тем не менее я ясно помню его лицо — этого начинавшего полнеть 38—40-летнего человека. Он был среднего роста, с очень белым, выхоленным лицом, черными волосами и наглым выражением глаз. Он ли устроил нам прием у Смидовича, тоже не помню. Смидович принимал нас в угловой комнате, выходящей окнами и на Воздвиженку, и на Моховую. Смидович был огромный мужчина, полный, едва умещавшийся в кресле. Он оказался очень внимательным и даже деликатным. Наша аудиенция у Смидовича окончилась его резолюцией на имя Красикова: "Красикову принять меры к устранению неправильных действий Астраханского Адмотдела".

Вот Красикова я помню. Едва мы переступили порог его кабинета и вручили ему жалобу с резолюцией, как он обрушился на меня, назвав меня тихоновским приспешником, контрреволюционером и еще как-то, а потом выпроводил нас, объявив свою "резолюцию": "Больше ко мне не приходите и вообще не приезжайте в Москву по мракобесовским делам. Жалобу разберем без вас, и ответ получите". Да, Красикова я хорошо помню! Я вспомнил о нем и тогда, когда в конце того же года у меня дома был обыск. При обыске были изъяты копии жалобы во ВЦИК со всеми приложенными документами. Жалко, что погибли важные для церковной истории документы. Был изъят и портрет Патриарха Тихона, подаренный мне Святейшим с трогательной надписью. Помнил я Красикова и тогда, когда вскоре после обыска был вынужден переехать в Сталинград. Да, Красикова я хорошо помню!

* * *

Вечером в Троицкую субботу — это было 1 или 2 июня (1(14) июня 1924 года. — *Сост.*) — мы приехали в Донской монастырь. Был солнечный вечер, кругом стояла тишина, вернее, все было погружено в тихую задумчивость, спокойную грусть. Даже размеренный колокольный звон не нарушал торжественной тишины вечера, напротив, он вливался в эту тишину как необходимое дополнение, как аккомпанемент, сообщавший окружающему особое очарование.

От патриарших покоев до лестницы в собор стоял народ, он вытянулся в две шеренги, образовав живую улицу. Сейчас по этой дороге, среди этого множества людей пройдет Патриарх. Дорога устлана сеном, пахнет мятой. Вот и процессия. Впереди идет иподиакон с крестом, вслед за ним несут подсвечник с горящей свечой, затем следуют иподиаконы с трикирием и дикирием. Вот и Патриарх. На нем зеленая шелковая мантия, длинный шлейф которой поддерживается сзади мальчиком в стихаре. На голове Патриарха белый куколь с ниспадающими на плечи херувимскими воскрилиями, на груди две панагии. Патриарх шел величественной, твердой походкой, опираясь на жезл. Все в нем исполнено величия, и в фигуре, и в походке чувствуется мужество. Сейчас мне это виднее в обстановке официальной, чем в кабинете, в условиях, близких к домашним.

Патриарх вошел в собор по яркокрасной суконной дорожке, устланной цветами. У входа в собор его встретило многочисленное духовенство во главе с епископом Сарапульским Алексием

(Кузнецовым), громадная фигура которого с густой рыжей до пояса бородой ярко выделялась на фоне всей процессии. Началось богослужение, отлично пел хор с канонархом. На величание Святейший вышел в богатом зеленом парчовом облачении, с омофором того же цвета, белая митра, увенчанная бриллиантовым крестом, сверкала всеми цветами радуги. Собор был переполнен молящимися. Елеопомазание совершал сам Патриарх. Мы подошли к нему в десятом часу, а вообще служба окончилась в половине одиннадцатого. Усталости я не чувствовал: торжественность богослужения, величие праздника, переполненный собор — все вносило в душу бодрость и духовное наслаждение.

Но уже закончены московские дела, пора собираться домой. В среду после Троицы мы вновь прибыли в патриаршую резиденцию, чтобы доложить Его Святейшеству о наших "успехах". Мы были приняты без осложнений и ожиданий, но аудиенция была короткой. Я доложил Патриарху все, что произошло с нашей жалобой. Патриарх внимательно выслушал меня, а потом сказал: "Вот я говорил вам, как трудно проходят такие жалобы. Но вы не останавливайтесь, напоминайте... мало ли что говорил Красиков, это ведь фигура второстепенная..." Затем Патриарх пожелал нам счастливого пути, просил приветствовать архиепископа Фаддея (Успенского). Приняв патриаршее благословение, мы отправились к себе, а на другой день покинули Москву.

* * *

Через два с половиной месяца я опять был в Москве и оказался случайным гостем Святейшего Патриарха. Вот как это произошло. Владыка Фаддей (Успенский) собирался в Москву по приглашению Святейшего по случаю праздника Донской иконы Божией Матери — 17 августа (1 сентября). Один он ехать не хотел и уговаривал меня поехать вместе с ним. "Тем более, — говорил Владыка, — ответа по жалобе нет, и не худо бы еще раз наведаться к Смидовичу". Я согласился. Из Астрахани мы выехали втроем, в сопровождении келейника, отца Халева, 16 (29) августа с намерением прибыть в Москву утром 18 (31) августа. Но в пути произошла задержка из-за железнодорожной катастрофы со встречным поездом. Это было страшное крушение на станции Палласовка. По подсчету железнодорожников, тогда погибло до 200 человек. Одним словом, поезд наш опоздал в Москву больше чем на сутки: мы приехали 19 августа (1 сентября) вечером, когда престольное торжество окончилось.

Я, по обычаю, остановился в гостинице "Балчуг", а мои спутники отправились к родственникам Владыки Фаддея — москвичам. Вечером 20 августа (2 сентября) отец Халев явился ко мне в гостиницу с запиской от Владыки. В записке говорилось, что завтра, 21 августа (3 сентября), он, Владыка, именинник, будет служить литургию в монастырском храме Донской иконы Божией Матери и хочет видеть меня за литургией. Я, конечно, приехал к обедне, отстоял ее и после молебна отправился в алтарь, чтобы поздравить Владыку с днем Ангела. Увидев меня, Владыка сейчас же подошел ко мне и сказал: "Вы не уходите, сейчас пойдем к Святейшему. Вчера он пригласил меня к себе завтракать сегодня. Узнав, что и вы со мною, Святейший пригласил и вас".

Около 13 часов прямо из церкви мы отправились в патриаршие покои. Это было в том же здании. Из той же приемной, о которой я уже несколько раз упоминал, только с левой стороны мы попали в жилые комнаты (кабинет — с правой стороны). Собственно, я видел только одну комнату, в которую нас привели. Это была столовая с большим столом посередине, с простой столовой мебелью и деревянной, очень искусной люстрой, спускавшейся над столом со сводчатого потолка. Едва мы вошли в эту комнату, как показался Патриарх. Он был в муаровой рясе с панагией на груди. Очень тепло Святейший поздравил Владыку Фаддея с днем Ангела, обнял его, и по русскому обычаю они трижды облобызались. Затем его Святейшество преподал мне благословение и крепко пожал мне руку.

Помнится, мы без промедления после молитвы сели за стол. Гостей, кроме нас, не было. Гостеприимный хозяин начал трапезу с того, что извинился за интимность завтрака: "Я знаю, Вы, Владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке". Во время завтрака Патриарх сказал теплую сердечную речь в адрес именинника. Он назвал Владыку Фаддея светочем Церкви, чудом нашего времени.

Владыка Фаддей, отвечая на это приветствие, отметил исповедническую деятельность Патриарха, его мужество и мудрость по управлению Церковью. "Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил Вашу драгоценную жизнь для блага Церкви". При этих словах Святейший прослезился.

Его Святейшество был очень любе-

зен ко мне: наливал мне сладкого вина и сам клал на мою тарелку то кусочек рыбы, икры или сыра, в каждом случае повторяя: "Чем богаты... не обессудьте..."

Наш любезный хозяин словоохотлив, он рассказывал смешные истории из своей семинарской жизни, о приключениях, курьезах, о своем пребывании в Америке, об американских нравах и обычаях и, чтобы немного пошутить, переходил к незатейливым сценкам из быта провинциального духовенства. Вероятно, в домашней обстановке Его Святейшество — веселого нрава, любил невинно посмеяться. Помню его один рассказ. "Когда я был архиепископом Алеутским, — говорит с характерной расстановкой Патриарх, — ко мне в 1904 году обратился англиканский священник доктор Ирвайн с просьбой принять его в Православие. Я запросил Святейший Синод, как быть, то есть снова его рукополагать или принимать без перерукоположения. Пришел ответ, что его англиканская хиротония недействительна, и я его рукоположил во священника. В Петербурге заинтересовались этим случаем и намеревались напечатать о нем в газетах, но для этого им понадобилась фотография Ирвайна. Я вызвал его и велел ему представить фотографию. Вдруг Ирвайн спрашивает меня: "Как мне фотографироваться: обычно или по примеру Мазарини?" Вижу, что Ирвайн хочет сказать какой-то каламбур, не отвечаю на его вопрос, а он, ничтоже сумняшеся, продолжает: "Мазарини проиграл все и остался только в гетрах. Вот проиграю гетры, говорит Мазарини, тогда пусть пишут с меня портрет Адама. Ведь многие, кажется, хотят видеть мое изображение". Конечно, Ирвайн сказал мне дерзость, и надо было мне обидеться, но рассказ был забавен, и я сам от души смеялся". Патриарх рассказывает, смеется, лицо его розовеет.

Меня Святейший спрашивал о том, как теперь работают суды, что в них отличного от дореволюционных судов, почему не введен суд присяжных?

Вообще говорили о многом, за исключением официальных предметов. Владыка Фаддей неоднократно начинал разговор об обновленцах, но Святейший как-то характерно махал руками: "Ну их, ну их..." — и переводил разговор на другую тему.

В перерыве, пока еще не подавали чай, Патриарх подозвал келейника и что-то тихо ему сказал. Келейник вышел, а потом вернулся со свертком.

"Ну вот, Преосвященнейший, вам именинный подарок — по русскому обычаю. Это облачение, притом красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы такой человек — все равно не сошьете или кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь ваша-то, поди, старенькая..." Владыка Фаддей принимает сверток, собирается благодарить Патриарха, но сверток выскальзывает из одной руки, и из него падает красный бархатный футляр. Я бросился поднимать футляр. "Да, тут еще маленькое прибавление... Как это я забыл сказать о нем", — широко улыбаясь, говорит Патриарх. Владыка Фаддей открывает футляр, в нем бриллиантовый крест для ношения на клобуке, белые, слоновой кости, четки.

"Вам, — говорит Патриарх, обращаясь ко мне, — я с удовольствием сделал бы такой же подарок, да ведь в нем в суд не пустят... хотя в Англии... там ведь юристы в мантиях..." Затем Его Святейшество подходит к ломберному столику, достает из ящика свою фотографию, делает на ней надпись и церемонно вручает мне. Я благодарю с нижайшим поклоном.

После чая все встали из-за стола и, помолившись по обычаю, стали прощаться с гостеприимным хозяином.

Я шел в гостиницу в приподнятом настроении. В руках у меня была фотография замечательного человека, в обществе которого я провел несколько незабываемых часов. Дорогой я останавливался и перечитывал надпись на фотографии: "Благословение Господа да сопровождает Вас всю Вашу жизнь. Смиренный Тихон. 23 августа (3 сентября) 1924 г.".

Это была та самая фотография, которая, к несчастью, была изъята у меня при обыске, о котором я говорил выше...

Кузнецов А. И. *Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном. Рукопись. Астрахань, 1962.*

"ГОРЬКО!"

...Рассказывают, что в бытность Святейшего Патриарха Тихона архиепископом Ярославским и Ростовским с ним произошел следующий эпизод, любопытный в том смысле, что он характеризует отношение сего Святителя к некоторым житейским вопросам и ситуациям, способным, казалось бы, озадачить и поставить в неловкое положение даже и немонаха... Христианская же мудрость и простота, с которой архипастырь вышел из несколько пикантного положения, должны вызвать, думается нам, искреннее умиление у непредубежденного читателя, тем более если принять во внимание, что происходило все это в отдаленное дореволю-

ционное время в глухой провинции, где "мещанские предрассудки", как теперь принято выражаться, когда хотят прикрыть нынешнюю разнузданность нравов, были еще в полной силе и являлись той базой, на которой строились вековые этические понятия и отношения в быту.

Эпизод этот незначителен, но, как нам кажется, очень характерен для нашего Первосвятителя.

В один из многочисленных объездов своей довольно обширной епархии Владыка Тихон заехал в какую-то пошехонскую глушь, в дебри, и посетил находящийся здесь приходской храм, священником в котором состоял только недавно получивший духовное образование и женившийся семинарист.

Естественно, что появление в такой тьмутаракани маститого и заслуженного архиепископа, хотя и известного своим благодушием и милостивым нравом, произвело "целое землетрясение".

Осмотрев храм, Владыка по обычаю посетил домик батюшки и угостился предложенным скудным деревенским яством: какими-нибудь пирогами с морошкой, селедкой с луком или солеными грибами — обычными деревенскими деликатесами. Выпил, чтобы не обидеть радушных хозяев, и стопку... Словом, все обошлось как следует.

Поговорив о деле и немного побеседовав о посторонних предметах, Владыка ввиду предстоящего ему дальнего пути стал собираться.

Когда он вышел в сени, здесь, по старой русской традиции, появилась снова молодая матушка со стопкой, которую она держала трясущимися руками на тарелке: "Посошок — на дорогу!"

И батюшка, и матушка, низко кланяясь, просили Владыку "не побрезговать". Умиленный радушием бесхитростных юных хозяев, архипастырь взял стопку и, пригубив, почувствовал, что это какая-то гадость, поморщился и произнес от неожиданности: "Горько"...

Услыхав это знакомое, еще недавно так часто слышанное ею слово, молодая матушка, приняв его за известный символический призыв, радостно и порывисто кинулась к своему молодому мужу и, крепко обняв, поцеловала его, смущенного и оторопевшего от неожиданности. Он и все присутствовавшие при проводах до невероятности смутились.

Не смутился только один Владыка.

"Вот так всегда и живите", — промолвил он при виде этой нежной пары, поцеловал их сам, благословил и уехал!..

(Со слов епископа Афанасия (Сахарова). Петушки, 1957.)

СОН ДОКТОРА М-НА

В 1925 году мне пришлось лечиться у одного известного в США, потом в Париже, доктора М... Рассказывали о нем самом, что сначала он был неверующим — как иные доктора и естественники. Но потом у него смертельно заболела любимая жена. Товарищи врачи объявили дело лечения безнадежным. Тогда он ночью стал горячо молиться: "Господи, если Ты есть, спаси жену мою!"

Утром с приятелем-доктором, который пришел, собственно, для того, чтобы убедиться в смерти больной, прошел в комнату жены... А она оказалась почти здоровой; скоро оправилась и совсем. И теперь живут благополучно.

Доктор сделался верующим. А после даже состоял членом приходского совета парижской церкви. И вот что он сам рассказывал мне на одном сеансе у него.

...Я видел замечательный сон о Патриархе Тихоне. Будто находился я перед каким-то огромным, огромным полем. Вдруг слышу чей-то голос:

— Сейчас пойдет мимо Пресвятая Богородица!

— Боже! — подумал я. — Окаянный и грешный я человек! Как я смею увидеть Богородицу?!

И на меня напал страшный ужас.

А в это время вдалеке послышался какой-то необыкновенный гром, величественные звуки. Я понял, что это идет Царица Небесная...

И от страха упал я на землю, боясь, как бы мне, грешному, не увидеть Ее лица и не умереть.

Гром или, иначе сказать, какой-то торжественный шум, гул, приближался все ближе ко мне... И вдруг я опять услышал голос:

— Вот идет Божия Матерь за душою Патриарха Тихона со святым Василием Великим, который много помогал ему при жизни в управлении Церковью.

Шум пронесся дальше. Сон кончился. Я в страхе проснулся с отчетливой памятью о необыкновенном видении.

Утром я еду к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и рассказываю ему все. И, между прочим, спрашиваю:

— А причем тут Василий Великий?

— Да как же?! — объясняет митрополит. — Ведь Патриарх Тихон до монашества назывался Василием Ивановичем Беллавиным и носил имя в честь святого Василия Великого.

— Вот что!

Доктор, конечно, и не подозревал, что Патриарх в миру был именинником на Новый год, в день святого Василия

Великого. И потому он не мог бы придумать во сне того, чего не знал. Ясно, что сон был сверхъестественный уже по одному этому признаку. Но еще более поразились и доктор, и митрополит, когда на следующий день газетные телеграммы принесли известие, что 25 марта (7 апреля), в Благовещение Божией Матери, ночью скончался в Москве Святейший Патриарх Тихон.

Значит, доктор видел сон во время самой его кончины...

И теперь он чтит его как угодника Божия.

...Достойно примечания: значит, наши святые, коих имена даны нам при крещении, пекутся о своих одноименниках не только тогда, когда носят их имя в миру, но даже и когда при пострижении в монашество дается им новое имя, новый покровитель (преимущественно инок, хотя и не обязательно), прежний наш небесный Ангел не перестает промышлять о порученном ему при крещении человеке. Да, это так и должно быть: ведь иночество есть житие покаянное, покаяние есть возобновление благодати крещения, а не отмена его. И потому и новый иноческий покровитель только присоединяется к основному Небесному покровителю, данному Богом при крещении...

Митрополит Вениамин (Федченков). Из того мира. Записки архиерея. Т. 1. С. 77–79.

Слово, сказанное протоиереем В. П. Свенцицким 26 марта (8 апреля) 1925 года в храме святого Панкратия у Сухаревой башни в Москве, в связи с кончиной Святейшего Патриарха Тихона

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Страшный час в судьбах Православной Церкви пробил: умер Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Осиротели мы. Осиротела Православная Церковь. Никакой мудрец не может так выразить искренней правды, как простое сердце простого человека. Утром, когда я шел с панихиды, ко мне на улице подошли простые женщины, и одна из них сказала: "Как же мы теперь жить будем, ведь мы точно крыльев лишились, всех он нас соблюдал!"

Чем же соблюдал паству свою Всероссийский Святейший Патриарх? Почему Господь дал его нам Первосвятителем Русской Церкви? Именно Господь дал, ибо когда на Соборе избирали Патриарха, то из намеченных трех кандидатов Тихон получил меньшее количество голосов. И после молитвы, когда был брошен жребий, Господь указал Тихону быть Российским Патриархом. Чем же был он для Русской Церкви?

Он был ее совестью.

В эпоху всеобщего распада, всеобщей лжи, всеобщего предательства, продажности, отступничества был человек, которому верил каждый, о котором каждый знал, что этот человек не предаст правды. Вот чувство, которое было в сердце каждого из нас. Пред престолом Российской Церкви горела белая свеча. У него не было ничего личного, ничего мелкого, своего — для него Церковь была все.

Вот что объединяло паству в тяжелые годы потрясений.

После трех лет недавно я вновь увидел Патриарха. Отворились двери. Я вошел в приемную. Трепет прошел по моему сердцу. Я увидел перед собой... живого угодника Божия, как изображает их Церковь на иконах. Это был образ слова, жития, любви, духа, веры, чистоты. Никакая клевета и никакая ложь, никакая злоба не могли отнять у верующих этой уверенности в духовном величии Патриарха.

Святейший Патриарх умер. От этой беды, от этого горя церковного мысль невольно обращается к судьбам Православия.

Неделю тому назад мне вновь пришлось быть у Святейшего Патриарха в лечебнице. И когда я шел оттуда, мне вспомнилось то, о чем на этих днях говорили всюду — о Папе Римском; будет или не будет при его дворе французский посол. Подумаешь, какая честь, какой блеск, какое величие! Как это ослепляет! Ведь внешнее могущество так ослепительно для рабских сердец! И вот — маленькая комнатка Патриарха Великой Российской Православной Церкви: кровать, покрытая сереньким одеялом, и сам он, старенький, в подрясничке, опоясанном широким поясом. Никаких "послов", никакого величия! Но ведь и Христос не был во дворце римских императоров. Он не имел где приклонить главу. Так ясно чувствовалось, что здесь Христос, что в этой смиренной, в этой уничиженной обстановке своей великий наш Патриарх — со Христом!

Тяжелые потрясения ожидают Православную Церковь и многие соблазны: будет усиление лжи и беззакония. Но ложь не станет правдой оттого, что ее станет повторять большинство. Черное не станет белым оттого, что многие это черное станут признавать за белое.

Пусть остающиеся верными Православной Церкви не смущаются ни внешним величием еретиков, ни могуществом их, ни тем, что их большинство. Ибо

Господь предрек это страшным вопросом: *Когда Сын Человеческий приидет, найдет ли Он веру на земле?* Это сказал Спаситель мира, который дал обетование: *Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ее.* Но это не значит, что то время, когда Сын Человеческий, грядущий во славе Своей, найдет лишь немногих истинных своих учеников, это не значит, что в то время не будет именующих себя христианами. Напротив, Господь предрек нам, Он сказал: многие придут тогда под Моим Именем и будут говорить: Я Христос! — И многие прельстятся. Истинную Церковь Христову будут тогда заслонять эти, называющие себя христианами, называющие себя Церковью. Возникнут лжехристы и лжепророки, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. И ложь о Христе будет так соблазнительна, что нужно особенно соблюдать себя, нужно особенно молиться, чтобы не впасть в искушение.

Со стороны канонической смерть Патриарха не создаст затруднений. До Собора Первосвятитель Церкви по завещанию Патриарха назначен. За отсутствием митрополитов Кирилла (Смирнова) и Агафангела (Преображенского) власть первосвятительская переходит к Местоблюстителю Патриаршему митрополиту Петру (Полянскому). Признать эту высшую церковную власть — обязанность православного христианина независимо от личных симпатий и антипатий, ибо непризнание законно поставленного Местоблюстителя возможно лишь при одном условии: отпадении его от Православия.

Не внешнее страшно нам, а внутреннее. Страшно наше собственное духовное состояние, особенно когда между нами идут распри, когда нет единства в среде самих православных христиан.

Мы будем молиться за Святейшего Патриарха Тихона, о упокоении души его. Но в то же время мы будем чувствовать, что и там, у Престола Всевышнего, все так же соблюдает он Российскую Православную Церковь. Ради его предстательства пощадит Господь православную паству. Лишь бы мы-то остались верными Православию.

Какие бы соблазны, какие бы потрясения нас ни ожидали, были бы мы тверды, была бы тверда наша преданность Христу. Лишь бы мы сохранили свою веру и свое единение с истинною Святою Соборною Апостольскою Церковью. Аминь.

Проповеди протоиерея В. Свенцицкого. Рукопись. Казань.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее (Мк. 8, 35)

Известие о начале войны, видимо, оглушило Сталина, заставив осознать человеческую никчемность, в полной мере вкусить доселе неизвестное чувство беспомощности и незащищенности. "Не теряйте времени на сомнения в себе" — чуть ли не ежедневно говорил ему внутренний голос словами бунтаря Михаила Бакунина. Но в этом "пустейшем занятии, из всех выдуманных человечеством", Сталин пребывал почти две недели, доверив Молотову сказать стране то, что должен был произнести он — "отец и вождь всех времен и народов".

Доклады о потерях, об отступлении Красной Армии воспринимались Сталиным с сумрачным видом, без проявления эмоций, и когда однажды Молотов обмолвился, что 26 июня в Кафедральном соборе Москвы Патриарший Местоблюститель Митрополит Московский и Коломенский Сергий в присутствии собравшихся произнес речь, благословил православных и отслужил молебен "о даровании победы русскому оружию", он на непродолжительное время вышел из состояния шока. Услужливый Берия достал из зловещей папки листок и положил перед Сталиным на стол. Это было послание к "Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви", написанное Митрополитом Сергием в первый день войны и разосланное по приходам.

"В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и

морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью он и на сей раз развеет в прах вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то истинно нам нужно помнить заповедь Христову: *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13).

Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех нас на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и воле Божией. А если сверх того молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объясняется еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно "ради Иисуса, а не ради хлеба куса", как выражается святитель Димитрий Ростовский. Положим души своя вместе с нашею паствой.

Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу".

Что вспоминалось несостоявшемуся священнику Джугашвили, когда он читал Послание? Может быть, строки Священного Писания о конце мира, о пришествии антихриста, грозившего истреблением рода человеческого? Или вспомнились долгие вечера, проводимые им при свете лампадки за чтением книг Ветхого и Нового Завета, по которым он пытался познать истину? А может, посетило его прозрение о необходимости сближения с Православной Церковью, изрядно претерпевшей от советской власти? О всех мыслях Сталина можно строить лишь предположения, но то, что Патриарший Местоблюститель опередил его с публичным выступлением, сомнению не подлежало, и это могло обернуться для Первоиерарха непредсказуемыми последствиями.

С октябрьского переворота воинствующие атеисты зорко следили за Православной Церковью, пуская "в расход" сотни неугодных правдолюбцев. Но и пути отцов Русской Православной Церкви разошлись. Раскол произошел не по их собственной вине. На оставшихся в России навесили ярлык соглашателей с богоборческой властью, не подозревая, скольких душевных мук и терзаний стоили им усилия сохранить легальность бытия Церкви.

Но в данном случае гневу властелина не суждено было вырваться наружу.

Митрополит Сергий продолжал возглавлять Церковь. Отныне он мог без помех делать великое дело объединения верующих, а многие мысли и слова его Послания к пастве перекочевали в известные речи Сталина, произнесенные 3 июля по радио и 7 ноября с трибуны мавзолея...

"Война — священное дело для тех, кто предпринимает ее из необходимости, — обращался к верующим митрополит Ленинградский Алексий, — в защиту правды... Берущие оружие в таком случае совершают подвиг... и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу".

А Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергий еще трижды обращался к священнослужителям и прихожанам с воззваниями, в которых разъяснял суть происходящего, клеймил фашизм. Послания были проникнуты надеждой на Бога, который, "как и в прежнее время, не оставит нас и теперь и дарует нам конечную победу".

Без сомнения, она непосредственно ковалась на полях сражений, где, не щадя жизней своих, выполняли ратный долг воины Красной Армии, ее приближали и труженики тыла, неимоверными усилиями создававшие непревзойденные образцы техники и вооружения. Старания земледельцев цементировали общие усилия по разгрому врага. Существовал еще один важный фактор, силу и мощь которого в количественном выражении невозможно определить, — это православная вера.

К каким только ухищрениям ни прибегали новоявленные "отцы Отечества", чтобы растоптать в русских людях духовное начало, уходившее глубокими корнями в многие столетия, чем только ни пытались опоить народ, чтобы исчезли из его памяти образы Творца и Иисуса, на какое варварство ни пускались, чтобы искалечить и разрушить созданное творческим гением и великим трудом поколений, каким изуверским пыткам ни подвергали служителей Церкви и верных Церкви мирян, но не по зубам доморощенным инквизиторам оказалась великая сила духа, коль сохранились в домах красные углы с иконами и лампадками, а тайком от властей и от продажных соглядатаев родители крестили младенцев, молодожены получали благословение на совместный жизненный путь. Те же, кто закончил его под песнопение "Со святыми упокой", уходили навсегда в родную землю, завещая оставшимся в живых оберегать ее.

Возможно, потому даже с уст некоторых крещеных политических борцов в моменты наивысшего напряжения срывались слова, обращенные не к творцу социализма на земле, а к Тому, чье Имя испокон веков служило русским воинам надеждой и опорой. С Богом поднимались в атаки, Его вспоминали в смертный час, Его Именем напутствовали любимых, Оно несло в себе согревающую веру в победу, к Его Образу прибегали в горькие дни, к Нему приходили исповедоваться в страданиях и печали.

Всеобщая беда объединила верующих, заставила забыть обиды, послужила началом всеобщего патриотического подъема. Православная Церковь устами своего Первосвятителя предупреждала, что "всякий виновный в измене общенародному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана".

Не менее суровому церковному осуждению подвергались и те, кто преступил законы Отечества. Их пособничество врагам расценивалось как "полная измена и самому христианству".

Прикрываясь псевдохристианской фразеологией (на пряжке каждого немецкого солдата имелась надпись: "С нами Бог"), Гитлер вещал миру о необходимости вырвать Церковь из рук большевиков. Но если учесть, что фашизм целиком и полностью воспринял философию Ницше, то нетрудно распознать в этом заведомую ложь. Ведь основоположник теории сверхчеловека называл христианские добродетели — сострадание, любовь к ближнему, кротость, милосердие — плебейскими, якобы набрасывающими узду на страсти человека и гасящие в нем способности преодоления самого себя к возведению в высшую ступень.

В ноябре 1941 года стрелы ударов вермахта указывали на Москву. В памяти современников отложились слова представительницы церковного совета московской Успенской церкви в Гончарах Анны Митрофановны Цивиной. Отдавая свои сбережения, она сказала: "Для армии, которая защищает нашу Родину, мы не должны ничего жалеть".

Бескорыстие во все времена отличало верующего русского человека, и московские священники одними из первых доказали это своими вкладами в общенародную копилку победы. По призыву настоятеля церкви Пятницкого кладбища Василия Романова прихожане собрали теплые вещи для бойцов Красной Армии и более полумиллиона рублей. Когда над столицей разразился свинцовый град, многие священнослужители пренебрегли чувством самосохранения и нашли свое место там, где требовала обстановка. В районе Воскресенской церкви в Брюсовском переулке в дни налетов немецкой авиации возглавлял противопожарную охрану настоятель церкви Николай Бажанов. Медаль "За оборону Москвы", которой он был награжден 6 октября 1944 года, — наглядное свидетельство мужест-

ва отца Николая в нелегкие месяцы боев за столицу. Сколько зажигалок ликвидировали дружинники за период боев под Москвой, сколько домов убегли от пожаров, скольким жителям города оказали помощь!

В день награждения в зале Моссовета прозвучали и имена пресвитеров Николая Колчицкого, Павла Успенского, Павла Цветкова, Михаила Кузнецова, Вячеслава Соллертинского, Павла Лепехина, Федора Казанского и Петра Турбина. Историкам Православной Церкви еще предстоит поведать о них.

Название небольшого поселка Троицкий погост в Калининской области затерялось в сводках Верховного Главнокомандования, но именно оно, как в кринице, отразило боль и муки России.

Знал ли командир стрелкового батальона, выделенного для обороны этого небольшого поселка, располагаясь со штабом в каменной церкви Святой Троицы, что сражается за российскую память, которую бережно хранили эти тихие приистровские места? Пожалуй, нет. Да и настоятель собора отец Александр Смородинов, с разрешения которого управление батальона разместилось в церкви, едва ли успел поведать офицерам и бойцам, что защищают они древнерусские святыни. Что здесь, на пути к своему ученику, Савве Звенигородскому, некогда останавливался Преподобный Сергий Радонежский, имя которого навеки связано со славой воинства российского. Что в годы великой смуты московская рать не раз отбивала на берегах Истры набеги литовцев. Что Россия молодая в лице юного Петра здесь одержала, может быть, одну из главных побед над войсками царевны Софьи и, наконец, в войну Отечественную 1812 года у Троицкого погоста изрядно досталось французским грабителям.

Над командным пунктом батальона размещался алтарь, а в нем с извечным состраданием к страждущим, которое являл лик Божией Матери Скорбящей, располагалась ее икона. Некогда она принадлежала внуку Александра Невского Всеволоду Ярославичу и почиталась одной из главных святынь церковного прихода, мирная жизнь которого была нарушена войной.

Она заявила о себе лязгом гусениц немецких танков, гулом артиллерийского обстрела. Сильный мороз, сковавший непроходимые по осени болота и проселки, позволил фашистам прорваться от города Рузы к Троицкому погосту. Население сбежалось в храмы каменной постройки XX столетия и деревянный, срубленный в допетровские времена. Оба храма были посвящены Святой Троице. И в том и в другом светились под образами лампады, люди молились о спасении.

Уличный бой был скоротечен и жесток. Малочисленность защитников поселка предопределила его исход. Давно уже замолчал пулемет на колокольне, все реже и реже в ответ на длинные автоматные очереди шмайсеров звучали нестройные залпы и одиночные выстрелы трехлинеек, и, наконец, утихли и они. У красноармейцев кончились патроны. Фашисты согнали израненных и безоружных бойцов в кучу и совершили самосуд на глазах жителей поселка. Отец Александр отслужил по убиенным панихиду, а ночью вместе с несколькими помощниками тайно предал их тела земле. На рассвете он принялся осматривать храмы, и каково же было удивление, когда он обнаружил, что варварский обстрел, которому они подвергались в течение нескольких часов, не только не принес значительных разрушений, но и не принес никакого вреда деревянному храму. О дне 26 ноября очевидец вспоминал, что "огненные нити снарядов проносились над храмом, не задевая его".

В каменный храм попало четырнадцать снарядов, четыре из них были найдены неразорвавшимися. Уцелели образа Божией Матери, Спасителя. На иконе Святителя Николая, под мечом, который он держал в правой руке, защищая церковь, на ладони левой руки зияла пробоина. Не пострадал и резной дубовый иконостас с образом Преподобного Сергия Радонежского с примечательной надписью: "Господи, охрани и защити место сие святое".

Фашисты пробыли в поселке две недели. Все это время жители не покидали храмы. Отец Александр Смородинов с небольшими перерывами служил молебны. Стоицизм верующих, как явление непонятное и необъяснимое, не прошел мимо внимания коменданта поселка, который пригласил убедиться в этом немецкого пастора. Презрительно и недоуменно взглянув на толпу, склонившуюся в смиренном поклоне перед иконами, пастор что-то буркнул коменданту и махнул рукой. Что означал сей жест, отцу Александру осталось непонятно, только вечером в деревянном храме он обнаружил исчезновение запасов церковного вина и свечей. Бесценный иконостас пересекли из одного конца в другой рваные пулевые отверстия.

9 декабря фашисты согнали всех уцелевших жителей Троицкого погоста в подвал храма и намеревались его взорвать. Поселок, который они вынуждены были оставить под ударами советских войск, запылал, словно огромный

костер. Храмы выстояли в этом море огня и дыма, а жители были освобождены от плена, который уготовили им фашистские изверги. 11 декабря гул канонады стал удаляться на запад, и через Троицкий погост потянулись перешедшие в наступление части 16-й армии Западного фронта. Ею командовал генерал К. К. Рокоссовский. Всякое повидавший на своем боевом веку прославленный полководец был в недоумении: среди множества пепелищ каким-то чудом уцелели два православных храма. Командиры и бойцы выполнили просьбу К. К. Рокоссовского о бережном отношении к христианским святыням и покидали Троицкий погост с чувством благодарности за то тепло, которое подарили они им в лютую стужу памятного всему миру декабря 1941 года. Ведь именно в этом месяце рухнул миф о непобедимости фашистской армии.

В уцелевшем каменном храме во имя Святой Троицы на торжественном богослужении отец Александр Дмитриевич Смородинов словами из книги Премудростей Соломона обратился к жителям несуществующего поселка: "Господь возьмет всеоружие — ревность свою и тварь вооружит к отмщению к врагам... строгий гнев изощрит, как меч, и мир ополчится с ним против безумцев. Понесутся меткие стрелы молний, и из облаков, как из туго натянутого лука, полетят в цель и как из камнеметного орудия с яростью посыплются грады, — восстанет против них дух силы, и как вихрь развеет их. Господь всех не убоится лица их, и не устрашится величия их" (см.: Прем. 3—5).

Слезы наполняли глаза людей, бывших на волосок от смерти, незримой преградой на пути которой стала православная вера. К сожалению, даже она оказалась бессильной в сохранении сотен повергнутых в прах храмов и монастырей России, Украины, Белоруссии. До 23 сентября 1941 года величественное творение Петра Великого и его преемников — пригород Ленинграда Новый Петергоф — имел пять замечательных храмов. После его взятия немцами не суждено было уцелеть ни одному. Во вместительной Троицкой церкви собралось около двух тысяч верующих. Фашисты, зная об этом, направили весь огонь на святыню, и она рухнула, став общей могилой для ее верных прихожан. Леденящим душу холодом веет от строк сообщений о злодеяниях гитлеровцев на оккупированных территориях, о расстрелах и репрессиях священнослужителей, о мытарствах верующих, об осквернении церквей. И все же они не дают повода к сомнению в окончательном победном исходе народной войны и еще меньше свидетельствуют о растерянности и потере надежды.

В сентябре 1943 года в жизни Русской Православной Церкви произошло знаменательное событие. 8 сентября в зале заседаний Московской Патриархии собрались высшие священнослужители России, чтобы избрать Святейшего Патриарха. Незадолго до этого события Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергий, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий и Экзарх Украины митрополит Крутицкий Николай были приняты Сталиным и Молотовым. На этой встрече митрополиты рассказали о намерении провести сбор епископов по избранию Патриарха. В короткой заметке в "Известиях" от 5 сентября 1943 года сообщалось, что "глава правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий".

Девятнадцать лет (1925—1944) обязанности Главы Церкви исполнял Митрополит Московский и Коломенский Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский; † 1944). Выдающийся архипастырь, миссионер, богослов, строитель церковной жизни и горячий патриот России, он не оставил ее в годину великих испытаний, мужественно и стойко перенес травлю и горечь многочисленных потерь среди священнослужителей, превозмог гонения на Православную Церковь, выстоял в нелегкой борьбе с раскольниками.

Единодушие епископата было полным, и под возгласы "Аксиос" Митрополит Сергий был утвержден Патриархом Московским и всея Руси. Одновременно произошло и восстановление Священного Синода.

Известие об избрании Патриарха Русской Православной Церкви всколыхнуло весь мир. На имя Его Святейшества Патриарха Сергия шел поток приветственных телеграмм и поздравлений.

Своеобразную оценку получило избрание Патриарха Московского и всея Руси в Берлине, в логове фашизма — имперской канцелярии. Там тоже были знакомы с Посланиями Митрополита Сергия верующим. Они вызывали у лидеров нацизма раздражение и всплеск площадной брани. Еще бы! В них Гитлер сравнивался с Иродом.

На Западе сообщение об избрании Патриарха вызвало неоднозначную реакцию: от восторженной до резко критической. Основывалась критика на официальном мнении: "Советское правительство, одобрив шаг православного духовенства, расписалось в своей слабости и призвало на помощь потусторонние силы".

Единение Церкви и государства, как это не раз случалось в прошлом, сулило нашествию печальный исход.

Разрушая недоверие и сомнения, из Москвы призывно прозвучал голос Православной Церкви, которая обратилась в воззванием "Ко всем христианам мира".

"...Русская Православная Церковь обращается прежде всего к вам, братья воины-христиане, сражающиеся сей час в армиях всех союзных с нами стран. С крепкой верой в сердце, в твердом убеждении в правоте своего дела, с ясным сознанием, что эта война — война идейная, война подвига, война за угнетенных, война за спасение вековых святынь, — с этой верой идите, во Имя Господа, восстановить захваченные врагом земли, освободить порабощенные им народы, прекратить его беспримерные злодеяния...

Да благословит же Господь всех Вас, братья во Христе, на борьбу за правое дело, за торжество в мире свободы, добра и правды".

Вдохновенные послания расплавляли лед недоверия, вызванного отчуждением и различием взглядов, несхожестью исторических судеб. Но не только словом, но и делом помогала Церковь в великой борьбе с силами зла. О танковой колонне "Дмитрий Донской" широко известно. А вот что сказал семидесятидвухлетний священник Михаил Михайлович Колоколов из села Дмитровская Гора Калининской области, когда раздался призыв к сбору средств на эскадрилью самолетов "Александр Невский": "Прошу принять мою малую жертву, посылаемую от искренней души для сокрушения диких полчищ осатанелого врага".

Духовенство и верующие Горьковской области собрали на эскадрилью, носящую имя святого благоверного князя, 104 тысячи рублей, в Новосибирске на создание авиаэскадрильи церковь собрала 110 тысяч рублей. От имени верующих Свердловска протоиерей Андриановский сделал взнос в 100 тысяч рублей. Церковный совет Казанской церкви города Кузнеца Пензенской области внес в казну 150 тысяч рублей. Деньги представителям власти вручил протоиерей Авраамий Михайлов. Священник Успенской церкви Ижевска Владимир Александрович Стефанов внес от имени верующих 273 тысячи рублей. На них были построены два самолета.

В 1943—1944 годах денежные средства от Русской Православной Церкви шли непрерывным потоком, и общий итог составил "150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода". И все-таки есть среди этих миллионов деньги особые. Они собраны в осажденном Ленинграде. Митрополит Алексий, когда было прорвано кольцо блокады, назвал сумму в тринадцать миллионов рублей. У скептиков эта цифра, может быть, вызовет грустную улыбку: дескать, что в то время значили в Ленинграде деньги, на которые ничего нельзя было купить. Но не следует забывать, что заработаны они честным трудом горожан, которые часто вместе с последними рублями отдавали и саму жизнь, и священникам приходилось зачастую тут же в храме служить заупокойную.

Священнослужители мало чем отличались от своих прихожан. Чаша горя и слез была выпита ими до конца. На многострадальной ленинградской земле слова святого апостола Павла будто обрели свое второе рождение. *До нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся, и труждаемся, делающе своими руками* — так мог сказать о себе каждый из священнослужителей города на Неве, независимо от сана (см.: 1 Кор. 4, 11—12).

И все же был среди них человек, которого многие ленинградцы считали совестью и надеждой осажденного Ленинграда. Я вспоминаю возвращение нашей семьи из эвакуации, комнатушку, в которой мы долгие годы теснились, лампадку перед скромными образами Божией Матери и Николая Чудотворца. Увы, молитвы отца оказались запоздалыми: мне так и не суждено было встретиться со многими из моих родственников. Но те, кто остался в живых, часто с благоговением и преклонением произносили имя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (в миру Сергей Владимирович Симанский). Много позже я увидел его лицо на фотографии в церковном календаре. Но тогда, в детстве, он казался мне богатырем, с голосом, подобным иерихонской трубе, коль слышали его в самых отдаленных уголках города. "Хоть наш град и находился в особо трудных условиях, но мы твердо верим, что его хранит и сохраняет Покров Матери Божией и небесное предстательство его покровителя святого Александра Невского".

При упоминании имени митрополита Алексия в памяти невольно возникал рассказ тетки, которая находилась в Питере с первого до последнего дня блокады. Детали его изрядно позабылись, но когда я спрашивал ее: "Так почему же немцы не смогли взять город осенью сорок первого, ведь они же были на его окраине?" — она, незлобивая и миролюбивая, раздраженно отвечала: "Нехристи они, вот что, и свастика ихняя от племени языческого. Потому-то и не суждено им было пройти по

Питеру победным маршем, что встретили перед собой преграду неодолимую. Той преградой был круг, который очертил перстом на карте первосвященник города Алексий, а затем облетел на самолете по этому кругу и окропил его святой водой. Тут-то и стали немецкие танки, словно вкопанные, и ни на метр не продвинулись вперед, хотя им путь был открыт..."

С юношеской запальчивостью я кричал: "А наши бойцы, танкисты, артиллеристы, моряки, летчики, что, все три года сидели руки сложа?!" На это тетка спокойно отвечала: "Ни они, ни мы ни дня без дела не обходились. Митрополит же Алексий молился за нас всех денно и нощно. От того Господь и даровал многим жизнь, — и, как бы упреждая мой очередной вопрос о жертвах, добавляла: — Но даже и он не всемогущ; покарал нас Господь за грехи и безверие".

Лишь много позже я осознал, что эту обыкновенную русскую женщину, которая ежедневно спозаранку отправлялась с лопатой на строительство укреплений, питало высокое христианское чувство жертвенности. Для нее оно было естественным так же, как и обостренное понимание личной сопричастности к судьбе Родины. Я не совершу открытия, если скажу, что именно с этими чувствами, смиренно и незлобиво, твердо веря в необходимость искупительной жертвы России, ушли из жизни сотни тысяч ленинградцев.

Факт облета города митрополитом Алексием мне не удалось подтвердить документально, но это, однако, не уменьшает его роли в деле защиты Ленинграда. Многим иногда казалось, что он был вездесущ, хотя и не имел автомобиля, а пользовался попутками и трамваем, предупреждающие звонки которого замолкали иногда на целые месяца. Он спешил туда, где было крайне необходимо его пастырское слово. Нет, он вовсе не стремился подменить священников того или иного храма, но, видя, что они выбиваются из сил, голодают, делятся последними крохами с жителями, выходят на дежурство, как рядовые бойцы МПВО, желал всячески помочь им в их важном деле.

Его знал, наверное, каждый житель осажденного Ленинграда, а слова, сказанные им в Никольском соборе в самом начале войны, передавались из уст в уста. "Никогда не забывайте, — обращался митрополит Алексий к прихожанам, — что только в дружном сотрудничестве фронта и тыла кроется успех полной и скорой победы над врагами". До нее оставалось почти четыре года.

В одну из первых пасхальных ночей 1942 года фашисты особенно неистовствовали. Ощущение было такое, точно разверзлась бездна, город тонул в грохоте и пламени. Причем основную массу артиллерийского огня и бомбовых ударов немцы сосредоточили на ленинградских храмах. Митрополит Алексий в эту ночь отправлял службу в Князь-Владимирском соборе. Внезапно один за другим раздались два взрыва, и когда Владыка Алексий с диаконом Пискуновым вышли на улицу, то обнаружили истерзанный угол собора и большую воронку возле стены. "И это в пасхальную ночь! — с горечью сказал митрополит Алексий. — Ничего! Будет и по-другому. Христос воскресе!.. Наш долг быть твердыми: мы — русские, мы — православные христиане".

Оценивая патриотические усилия священнослужителей Ленинграда, Сталин в телеграмме на имя митрополита Алексия просил: "Передать православному русскому духовенству и верующим Ленинградской епархии мой привет и благодарность Красной Армии за их заботу о Красной Армии".

В выполнении христианского долга митрополиту Алексию большую помощь оказала его родная сестра, монахиня Евфросиния. Ее женские руки, казалось, умели делать все: справляться с хлопотным церковным хозяйством, готовить скромные обеды, которые помогли сохранить силы многим прихожанам, ухаживать за больными и ранеными. Терпение и жертвенность, которые олицетворяла монахиня Евфросиния, стали символом величия души всех ленинградских женщин.

11 октября 1943 года в Смольном группе православного духовенства из одиннадцати человек были вручены медали "За оборону Ленинграда". Первым получил награду митрополит Алексий. Следом за ним к столу, на котором стояла стопка коробочек, подходили священнослужители, удостоенные награды. В этот день медалью были награждены настоятель Преображенского собора Павел Тарасов, настоятель кафедрального Никольского собора Владимир Румянцев, настоятель Никольской церкви Охтинского кладбища Михаил Ставнинский, священник Преображенского собора Лев Егоровский, диакон Князь-Владимирского собора Пискунов и другие.

Впервые за годы советской власти свершалось награждение "служителей культа", притом боевой наградой. Тем самым официально признавались их заслуги и вклад в дело обороны. И когда в январе 1944 года прогремел победный салют, возвестивший о полном снятии блокады, в залпах орудий не

потонул разливистый звон колоколов ленинградских храмов. В Никольском соборе служил сам митрополит. Начал он службу со здравицы: "Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном Ленинградском фронте".

Стойкость и мужество города на Неве, победа на берегах Волги коренным образом изменили положение Русской Православной Церкви. Совершенно неожиданно для себя несколько лет назад при посещении Волгограда я стал невольным свидетелем разговора двух фронтовых друзей, которых, по всей вероятности, свела Сталинградская битва. Они стояли возле известного всему миру Дома Павлова. Я путешествовал без экскурсовода и полагал, что сведений, которые почерпнул на лекциях по истории военного искусства, вполне достаточно, чтобы иметь представление о кровопролитных боях, развернувшихся за ранее ничем не примечательное здание. Я знал, что старший сержант Павлов возглавлял штурмовую группу, которая вначале выбила немцев из дома, а затем, превратив его в неприступную крепость, удерживала несколько месяцев вплоть до ликвидации сталинградского "котла". Каково же было мое удивление, когда я услышал, что один из бывших воинов сказал:

— Знаешь, Петр (за точность имени не ручаюсь. — *Б.К.*), а ведь наш Павлов до армии будто в монашестве пребывал, и родитель у него священник. Может быть, Господнее благословение и помогло ему выстоять...

Но возвратимся к памятному для Русской Православной Церкви 1943 году. Ее авторитет утверждался с каждым днем. Об этом свидетельствует и возобновление издательской деятельности Московской Патриархии, прерванной в 1936 году. В 1942 году увидела свет весьма примечательная книга "Правда о религии в России", а в сентябре 1943 года вышел первый номер "Журнала Московской Патриархии".

Фактическое руководство журналом осуществлял ближайший помощник Святейшего Патриарха Сергия митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), по воспоминаниям современников, — человек редкой деликатности, большого ума и замечательный литератор, придавший печатному органу Российской Церкви яркую патриотическую направленность.

Издание Московской Патриархии завоевало в кратчайший срок популярность не только в церковных, но и в широких общественных кругах. С первого номера деятельность редколлегии была направлена на консолидацию православного мира.

С февральской революции 1917 года были прерваны канонические отношения между Православными Церквами России и Грузии. После продолжительных переговоров Патриарх Грузии Католикос Каллистрат и представители Московского Патриарха в совместном заявлении, сделанном 19 ноября 1943 года, широковещательно объявили, что "молитвенное и евхаристическое общение между обеими Автокефальными Церквами-Сестрами, Русской и Грузинской, к нашей общей радости восстановляем".

Примеру последовала Эстонская Православная Церковь. От имени мирян протоиерей Христофор Винк, священник Николай Кокла и другие дали клятвенное заверение в прекращении раскола и искренне обещали "в дальнейшей церковной работе блюсти верность и послушание Матери-Церкви Российской и ее Главе — Патриарху Московскому и всея Руси".

В конце 1943 года в Московской Патриархии было получено послание из Иерусалима. "Святейшая в Сионе Матерь Церквей радуется и веселится чудесным событиям в России, — писал Патриарх Иерусалимский Тимофей, — благословляет и славит трепетное Имя Господне, что Он вознаградил веру благочестивого русского народа и увенчал оружием правды его священную борьбу за свободу, даруя выдающиеся победы и блестящие триумфы над напавшими".

Среди них были и те, с кем Россию связывали узы кровной дружбы и совместная борьба за свободу против мусульманского ига. Какая идея направляла штык румынского солдата к груди его православного собрата-россиянина, что искали единоверцы на огромных пространствах России? Теперь, по прошествии многих лет, можно ответить, что нашли они на ее земле бесславный и печальный конец, о котором предупреждало "Обращение к румынским пастырям и пастве". Его заключал проникновенный призыв: "Румынские собратья — архипастыри и пастыри и все православные люди Румынии! Отрекитесь от союза с Гитлером и будем с вами едиными устами умолять Господа нашего вернуть странам нашим мир и процветание". К сожалению, раскаяние к румынам пришло с опозданием, когда были пролиты реки христианской крови. Промыслом Божиим они не пополнились кровью славянской. И хотя Болгария официально находилась в состоянии войны с СССР, ни один солдат не перешел ее границу, а с территории не прозвучало ни одного выст-

рела. В том, что этого не произошло, есть немалая заслуга православных священников. "Слава Богу! — говорилось в послании Митрополита Софийского русскому народу. — На страх врагам, на радость друзьям в последние два года величественно в беспримерной силе и славе выявилась несокрушимая мощь русской страны... Я, благоговеющий перед освободительницей моей родины (в войну 1877—1878 гг. — *В.К.*), обязан ей и своим вторым духовным рождением".

Под натиском Красной Армии фашистская военная машина откатывалась на Запад. Среди тех, кто нес свободу попранной нашествием земле, были и представители Церкви.

Почетный настоятель Тихвинского храма протоиерей Александр Васильевич Солертовский прожил долгую и трудную жизнь, и лишь немногим было известно, что в боях на сталинградском направлении он был тяжело ранен и, обливаясь кровью, дополз до медсанбата. Уже там он услышал безапелляционное — инвалид. Награды за мужество он получил в госпитале. Но не смирился с физической немощью отец Александр, выдюжил и после лечения взошел на амвон. В воспоминаниях прихожан он навсегда остался священнослужителем, который истово и усердно молился за други своя и воспитал многих "духовных чад... в духе любви к храму Божиему".

В краткой автобиографической справке, написанной в 1975 году, архиепископ Харьковский и Богодуховский Леонид Лобаче сообщал: "Вступил я в ряды Советской Армии добровольцем и включился в общенародный подвиг в боях на Волге. В июльские дни 1943 года наша часть была гвардейской; 23 августа она водрузила знамя победы над многострадальным Харьковом. Боевая армия крепла, в ней было большое число Героев Советского Союза, и наша гвардейская часть несла знамя через всю Украину и одной из первых, преследуя врага, с жестокими битвами прошла через Румынию, Трансильванию; она несла свои знамена над горными перевалами Карпат, Трансильванских Альп, над Венгерской долиной, перешагнула десятки рек, участвовала в сражениях за Будапешт, штурмом овладела главным городом Словакии — Братиславой; громила гитлеровцев в Австрии и в своем победном шествии дошла до столицы братской нам Чехословакии.

У меня, принимавшего участие во всех этих исторических сражениях, особенно остались в памяти бои в Харькове. Враг в своем отступлении делался злее: он знал, что больше не придет на святую землю русскую..."

Скромность написавшего эти строки не вызывает сомнения. Не потому ли, что тяжелейшие бои под Харьковом остались в памяти, Владыка Леонид с особым чувством относился к этому городу, который стал его последней архиерейской кафедрой и в котором он приложил немалые усилия для восстановления здешних храмов.

Протоиерей Владимир Елховский, Клирик храма Воскресения Словущего на Успенском вражке в Москве, принял решение посвятить жизнь служению Церкви не в одночасье. Для этого ему понадобилось пройти трудные версты отступления, пережить тревожные окопные будни, гибель товарищей, боль людей на пепелищах, ощутить радость победы над врагом и обрести твердое намерение не допустить впредь вселенского кровопролития.

Став накануне тридцатилетия Победы председателем Хозяйственного управления Московской Патриархии, отец Владимир Елховский рассказывал: "Объявление войны застало меня на родине, в Переславле-Залесском, куда я 21 июня приехал в отпуск. Через день я уже был в Орле, где с группой таких же командиров запаса принимал батальон расквартированного в городе полка. Для меня началась третья в моей жизни война... Следующие этапы моей службы — Курск, Воронеж, 40-дневное вынужденное отступление... за Волгу. Затем, наконец, перелом, и мы двинулись на Запад... Дальше бои на Курской дуге... От артиллерийских залпов дрожит земля, за тучами взрывов скрывается яркое июльское солнце. Далее с боями подошли к польской границе, переправа через Буг, города Ковель, Холм, Ровно, Лодзь, Люблин, а возле него — Майданек... Население Польши встречало нас овациями, машины забрасывали цветами, спелыми вишнями. Дальше — от Вислы до Одера..."

Светлый день 40-летия Победы старшина в отставке Виктор Александрович Коноплев встретил в сане митрополита Калининградского и Кашинского, хотя, по словам самого митрополита Алексия, был он "в двух шагах от смерти, но, по милости Божией, выжил".

Короткая автобиографическая справка, к сожалению, не смогла поведать о многих событиях памятных военных лет. "Я был мобилизован в октябре 1941 года, — сообщал о себе митрополит Алексий. — Вскоре был направлен на Северо-Западный фронт, а 5 мая (1942 г. — *Б.К.*) получил ранение. После излечения направлен на

передовую, где, будучи рядовым, исполнял обязанности помкомвзвода... За выполнение приказов командования (а мне после гибели командира роты приходилось вести ее в бой) было присвоено звание старшего сержанта и вручена награда — медаль "За боевые заслуги".

Фронтовикам доподлинно известно, что вакансии взводных и ротных освобождались с необычайной быстротой. Для них не является тайной, что в человеке, решившемся поднять бойцов в атаку навстречу смерти, сплетался комплекс сложных чувств, преодолеть которые было по силам только обладавшим мужеством. За командирами всех степеней буквально охотились немецкие снайперы. Одна из пуль не миновала старшего сержанта Коноплева. Вновь был госпиталь и мучительная борьба за жизнь. Выдюжил Виктор Александрович и при увольнении в запас в 1945 году вместе со старшинскими погонами стал обладателем грамоты за подписью командующего войсками Ленинградского военного округа Маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

И пусть в этот день подобные напутствия получили сотни воинов, слова его, казалось старшине Коноплеву, были адресованы ему одному. "В суровое время войны вы вместе с войсками Ленинградского фронта прошли большой и тяжелый боевой путь, мужественно сражались за Родину, за Ленинград, за свободу и независимость советского народа. Провожая вас, мы говорим от всей души: спасибо вам, дорогой товарищ, за честную службу Отечеству. Ваших боевых заслуг в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Родина и Ленинград не забудут никогда. Желаем вам, дорогой товарищ, счастливого пути, радостной жизни и успеха в труде. Будьте и впредь верным сыном своей любимой Родины".

Когда жители города Звенигородки Черкасской области обнаружили на расклеенных немцами объявлениях знакомое лицо священника отца Георгия, а под ним цифру в десять тысяч марок, у многих от строк, в которых священнослужитель обвинялся во многих смертных грехах, пробегал по телу озноб. Сам же отец Георгий Писанко много позже вспоминал: "16 ноября 1942 года для меня памятный день... гебитс-комиссар г. Звенигородки объявил вознаграждение за мою голову..."

Чем же была вызвана такая ярость немцев в отношении православного священника? Отец Георгий встретил войну в сорокапятилетнем возрасте и как нестроевой по мобилизации был причислен к тыловым частям. Но кто в первые месяцы войны мог дать гарантию, что тыл вдруг не станет передовой? Так и случилось с полком, в котором служил рядовой Писанко. Окопы, которые воины готовили для отходивших подразделений, пришлось занять им самим и выдержать неравный бой. Оглушенный разрывом снаряда, отец Георгий попал в плен. Выждав благоприятный момент, бежал, но безуспешно — сопровождаемый обычным для гитлеровских лагерей эскортом овчарок, был водворен в тюрьму. После пыток и издевательств оказался в рабочей команде, на рытье окопов, откуда вновь совершил побег. Оттого-то и гнев местного фюрера на мятежного священника вылился в неуемное желание поскорее увидеть его на виселице. Но люди, укрывавшие с опасностью для собственной жизни отца Георгия, лишили фашистов этой возможности.

Проповеди священнослужителей, оставшихся на оккупированных территориях, имели зачастую не меньший вес, чем сводки Информбюро. В деревню Одражин, что на Гомельщине, в начале войны они и вовсе не доходили. Но однажды в партизанской почте, полученной из Москвы, было обнаружено известное послание Митрополита Сергия. Партизаны переправили его священнику одражинской Успенской церкви отцу Василию Копычко. Еще до получения его отец Василий стал внушать прихожанам мысль о неправедности войны со стороны Гитлера, Германии, о неизбежном ее крахе, а богослужения заканчивал, как правило, молитвами о даровании победы Красной Армии. Прихожане часто слышали такие слова: "Что вы сидите дома? Почему терпите супостатов? Нужно брать оружие и идти к партизанам".

Сам же отец Василий попал к ним при обстоятельствах, которые подробно описал командир партизанской бригады Н. Шубитидзе в книге воспоминаний о войне "Полесские были", вышедшей в издательстве "Беларусь" в 1969 году.

Я служил тогда под Полоцком и многих партизанских вожаков знал не понаслышке, а с некоторыми из них несколько позднее стал поддерживать личные отношения. От них я и услышал несколько рассказов о большой помощи партизанам священников. К сожалению, имена и фамилии их стерлись в памяти (я надеюсь все-таки найти их в архивах), и потому воспользуюсь воспоминаниями Шубитидзе. "Мы шутя называли его (отца Василия. — *Б.К.*) своим агитатором и однажды пригласили в лагерь... Копычко долго присматривался к нашей жизни, к порядкам, обошел около десяти землянок и за ужином... разговорился: "Вот и верь этим немцам! Дикари, безбожники,

бандиты. Я же вижу, все вы православные, дай Бог вам здоровья!"... Было видно, что Копычко... не ошибся в своих представлениях, обещал молиться за нас и помогать, чем может".

Дорого обошлось "партизанскому попу" единомыслие с народными мстителями. В конце 1943 года ищейкам удалось установить его связь с лесом и выяснить подлинное значение проповедей отца Василия. Ему и его семье удалось укрыться в отряде, а вот церковь и дом каратели сожгли.

Когда в Калуге после освобождения разместилось несколько госпиталей, им верующие пожертвовали пятьдесят тысяч рублей.

Они же денно и нощно несли дежурство у постели тяжелораненых.

Примером жертвенного служения может служить монахиня Серафима (Зубарева). Коллеги по эвакогоспиталю не подозревали, что военврач Зубарева для облегчения страдания раненых в перерывах между операциями и перевязками творит молитвы. Слова, шедшие от души, настраивали на долготерпение, укрепляли надежду на выздоровление. Не сосчитать нелегкие военные версты, которые матушка Серафима проделала с 3-м Украинским фронтом по дорогам России, Болгарии, Венгрии и Румынии...

В женском монастыре в Домбоке близ Мукачева, словно на островке свободы, жили двести пятнадцать детей, которых спасли послушницы из разбитого эшелона, направлявшегося в Германию. Вокруг монастыря рыскали фашистские ищейки, но за все пять месяцев, что отделяли обитателей монастыря до прихода Красной Армии, ни один волосок не упал с ершистых голов мальчишек и девчонок. Где они сейчас? Помнят ли слова молитв, которым обучила их матушка Феврония и ее помощницы? Не забыли ли о них, повзрослев?..

15 мая 1944 года православный мир потрясло известие о смерти Патриарха Московского и всея Руси Сергия. В некрологе, подводя итог его трудам, сообщалось, что "скончался великий иерарх, приведший корабль нашей Церкви к тихому пристанищу, отошел в надгробный мир Первосвятитель, возведший Русскую Церковь на прежнюю высоту ее величия". По духовному завещанию Патриарха Сергия и согласно старшинству среди епископата Русской Церкви, Местоблюстителем Патриаршего престола стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий.

Уже с первых дней своего правления Алексий заявил, что будет неизменно следовать по пути, начертанному Патриархом Сергием, что намерен отстаивать интересы Русской Православной Церкви как Церкви великой страны. На Поместном Соборе, который проходил в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 года, митрополит Алексий был избран Патриархом Московским и всея Руси. Связанные с избранием нового Патриарха события, как отмечалось в печати, стали "манифестацией русского религиозно-патриотического единства". Торжества завершились концертом в зале имени П. И. Чайковского, где впервые за многие годы величественно и проникновенно звучали духовные песнопения.

Среди присутствовавших находился человек в сане митрополита, который невольно приковывал к себе внимание. Впрочем, и сам иерарх Североамериканской Церкви отец Вениамин наблюдал за происходившим с большим интересом. И он объясним. С тех пор как корабль, на котором находился он, духовный наставник армии Врангеля и член Совета министров, отплыл от берегов Крыма, прошло почти четверть века.

Сложная и противоречивая судьба русского православного зарубежья будто сконцентрировалась в одной человеческой жизни. Попытаемся проследить ее.

Выходец из тамбовских крестьян Иван Федченков сызмальства приобщился к храму. Не мысля иного пути, кроме служения Церкви, он в 1903 году окончил Тамбовскую Духовную Семинарию, а в 1907 году – Духовную Академию в Санкт-Петербурге, где в том же году принял постриг с именем Вениамин.

Первую мировую войну он встретил как патриот Отечества. Гражданская война отбросила его в лагерь "врагов пролетариата". С таким ярлыком он вынужден был покинуть Россию. В Константинополе обсуждал с митрополитом Антонием (Храповицким) организацию за границей духовного окормления русской эмиграции. На известном Карловацком церковном Соборе, прошедшем под антисоветскими лозунгами, на его имя не раз ссылались выступавшие как на активного приверженца жесткого политического курса.

В июле 1927 года Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополит Сергий направил архипастырям, находящимся в клире Русской Православной Церкви, Указ с предложением определить свою политическую позицию. В нем Заместитель Владыки Сергия призвал священнослужителей к лояльности в отношении Советского государства и предупредил, что отказавшиеся будут исключены из состава

клира, подведомственного Московской Патриархии. Ровно через три года эта участь постигла митрополита Евлогия (Георгиевского, † 1946), который управлял тогда западноевропейскими приходами. В июне 1927 года в Париже собрались иерархи зарубежья, и на Соборе прозвучал твердый голос Владыки Вениамина: "А я от Митрополита Сергия не отделяюсь". Воистину надо было многое переосмыслить и мужественно выдержать нападки, чтобы произнести эти слова.

Так в столице Франции на ничем не примечательной улице Петель, в одном из подвальных помещений, начал свое существование первый патриарший приход — Трехсвятительное подворье. Прихожане уважительно назвали его "святой подвал". Впоследствии он разросся до нескольких приходов в Париже и в других городах Франции.

Весь состав православного клира с первых дней нападения Германии на СССР включился в оказание помощи Родине. В движении Французского Сопротивления есть лепта и русских православных священников. За связь с ним были арестованы немцами архимандрит Афанасий Нечаев, староста патриарших приходов профессор И. Стратонов, священники Димитрий Соболев и Михаил Бельский.

Сам же основатель подворья находился в это время за океаном, в Америке, где по поручению Патриарха Московского и всея Руси продолжил православное строительство фактически на пустом месте. Всеразрушающей наглой силе фашистского нашествия митрополит Вениамин (возведен в этот сан в 1938 году. — *Б.К.*) и его сподвижники противопоставили контрпропаганду, развенчивающую нацизм, единение прихожан, человеческое сострадание и полнейшее бескорыстие. Мы не знаем суммы, которую внесли русские, белорусские, украинские и другие американцы в фонд помощи сражающемуся Советскому Союзу, но то, что она была значительной, сомнению не подлежит.

В своих воспоминаниях о пребывании на Поместном Соборе митрополит Вениамин вопрошает: "Не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву?" О русском народе говорил он так: "За месяц общения с ним... в храмах, в вагонах, в метро, в трамваях, в частных посещениях, в беседах, в случайных встречах — я достаточно мог наблюдать родной народ и понять его... Прежде всего скажу о верующих. Боже, какая горячая вера в них... Теперь я могу без всяких сомнений утверждать: жива православная вера в русском народе... и уезжаю я в Америку спокойный и радостный за веру и Церковь".

В 1946 году митрополит Вениамин получил советское гражданство и закончил свой жизненный путь в 1961 году в Псково-Печерском монастыре.

Повествуя о православном зарубежье, было бы несправедливо обойти молчанием монахиню Марию (Скобцеву), имя которой превратилось в легенду. Мать Мария всей своей жизнью доказала, что христианская любовь должна быть деятельной. Не потому ли в памяти парижан она осталась вечно спешащей с котомкой за плечами, наполненной едой для многочисленных своих подопечных. Многим из них грозила либо виселица, либо расстрел. Она спасала их, рискуя своей жизнью. Когда арест не миновал ее, то палачам так и не удалось услышать просьб о пощаде. В печально известном лагере Равенсбрюк Евангелие, которое ей удалось сохранить, часто звучало в бараке для советских девушек. Благая весть растворяла яд безысходности, воскрешала почти исчезнувшую надежду на избавление. Уже слышался гул канонады, когда 31 марта 1945 года фашисты спешно начали ликвидировать в газовых камерах "русский материал". Мать Мария заняла место той, которой, по всей вероятности, удалось произнести желанное слово "победа".

За месяц до нее Патриарх Московский и всея Руси Алексий был приглашен к Сталину. Сопровождали его митрополит Крутицкий Николай и протопресвитер Н. Ф. Колчицкий. Подарив вождю кубок "высокой художественной работы", представители Православной Церкви высказали намерение и впредь служить верой и правдой своему народу. "Ко всем нашим планам и нуждам, — вспоминал отец Николай, — Иосиф Виссарионович отнесся в высшей степени сочувственно и сердечно и обещал поддержку нам и в дальнейшем".

Было бы неверно идеализировать взаимоотношения между православным клиром и Сталиным. Хотя все официальные приемы и встречи завершались здравицами в адрес Верховного Главнокомандующего, а на страницах газет часто появлялись тексты, подобные нижеследующему: "Русская Православная Церковь молитвенно благословляет подвиг, какой он (Сталин. — *Б. К.*) несет во имя блага и счастья нашей Родины и молит Бога о помощи нашему вождю" — червь сомнения, что милость правителя в любой момент готова обернуться гневом, точил многих священнослужителей. Но тягостные раздумья были запрятаны глубоко в душе и уступили чувству всеобщего ликования, которое вызвало известие о победном

завершении войны. Произошло это на первой пасхальной неделе и невольно вызвало сравнение: начавшиеся с разницей в два июньских дня наполеоновское и гитлеровское нашествия бесславно завершились, одно на Рождество Христово, другое — в пасхальные дни.

Невозможно полностью отринуть мысль, которую разделяло большинство верующих, что война воистину стала всенародной Голгофой, на которой фашизм предпринял попытку распять наше Отечество. В победном мае 1945 года, в Воскресении Христовом отчетливо просматривалась надежда на грядущее воскресение России.

9 мая 1945 года пришла долгожданная победа. В этот день в церквах читалось послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия: "Пробил последний час фашистской Германии. Разбита и сокрушена сила ее. В прах повержена Германия. Знамя победы развевается над вражьей страной. Слава и благодарение Богу! Мир на земле Российской и, благодаря соединенным усилиям союзных правительств и воинств, — мир на землях многих... Бог посрамил дерзкие мечты злодеев и разбойников, и мы видим их теперь несущих грозное возмездие за свои злодеяния...

Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня... и православная Русь после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа... ныне предстоит Господу в молитве, благодарно взывая к самому источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани...

Много еще предстоит нам трудного дела; но мы теперь можем дышать свободно и радостно приняться за труд — тяжкий, но созидательный...

Святую же Церковь нашу в лице ее архипастырей, пастырей и верных чад призываю с таким же усердием и с такой же пламенной верой молиться о мирном преуспеянии нашей страны..."

Цели, которые ставила перед собой Православная Церковь в мирных условиях, по значимости были не меньше, чем в годы войны. Предстояло поднять из руин села, города, храмы; молясь о павших, не оставить без внимания здравствующих, протянуть руку помощи калекам и сиротам.

Общеизвестное милосердие Церкви проявилось в сборе средств, направляемых на помощь детям и сиротам воинов. Уже через месяц после окончания войны Сталин телеграфирует на имя Патриарха: "Благодарим Вас за заботу о детях и семьях бойцов Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии". Вскоре Патриарх Московский и всея Руси Алексий был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Когда корреспондент "Известий" попросил Святейшего Патриарха ответить на вопрос: "Чем занималась Церковь во время войны?", — он коротко ответил: "Церковь прежде всего молилась".

Перечень фашистских злодеяний составляет сотни томов, за которыми — труд многих комиссий. В состав Государственной комиссии по расследованию зверств, чинимых гитлеровцами на оккупированной территории, входил митрополит Крутицкий Николай. Церковь могла предъявить на Нюрнбергском процессе свой особый счет, и потому приговор над фашистскими преступниками был воспринят ее Полнотой как закономерный финал, завершивший напряженную борьбу добра со злом.

Нацисты не единожды протягивали руки к православным храмам в Берлине, Дрездене, Лейпциге с тем, чтобы в самой Германии исчезло даже понятие Православия. К счастью, храмы устояли. На фоне руин поверженного Берлина своей целостностью и гармонией притягивал взор выстроенный в древнерусском стиле Воскресенский собор. Настоятель его, протоиерей Димитрий Кратиров, некогда закончивший Петербургскую Духовную Академию, заявил прибывшим в столицу Германии священникам из России: "У нас единственный путь, единственное желание — соединиться с Матерью Церковью, и мы счастливы, что этот момент настал".

Подобные же мысли высказал и человек, которого Геббельс называл "врагом номер два". Чем же досадил фюреру от пропаганды епископ Брюссельский и Бельгийский Преосвященный Александр (Немоловский, † 1960), что занял "почетное" место в шеренге важнейших противников Германии? Тем, что после оккупации Бельгии решительно выступил против Гитлера. Прервали антигитлеровское содержание его проповедей арест в 1940 году, высылка в Германию, заточение в Берлинскую тюрьму. Там-то Владыка Александр и обрел легкую деревянную табличку с порядковым номером два, а в придачу тяжелые кандалы, которые проносил более года, а затем был выпущен под домашний арест в Берлине. Власти запретили ему произносить проповеди, выходить за пределы русского кладбища в Тегеле, а весь круг обязанностей в Константино-Еленинской церкви ограничили служением панихид.

По призыву отца Александра ни один из священников православных

приходов Германии не покинул их. Совсем не случайными, а продуманными и взвешенными звучат слова его послания Святейшему Патриарху Алексию, в котором митрополит Александр, ссылаясь на "непомерные угнетения, лишения и гонения" (на чужбине), просил главу российского духовенства "о воссоединении и принятии под свой святой омофор".

14 октября 1945 года Берлин переживал небывалое событие. В день Покрова Божией Матери в Воскресенском соборе торжественно отмечалось возвращение русского православного клира Берлина и еще нескольких городов Германии в ограду Матери — Русской православной Церкви. Там, где еще не так давно гремели пушки, раздавалось величественное церковное песнопение и звучали здравицы Патриарху Алексию, архиепископу Александру, победоносному русскому воинству.

Война длилась 1418 дней и стала великим испытанием для народа и Православной Церкви. Она не уронила в ней своей чести и достоинства и ныне продолжает отстаивать и утверждать высокие миротворческие принципы. Каждый день ее бытия пронизан особой ответственностью за судьбу Отечества.

Борис КОСТИН

Воспоминания архиепископа Луки

ТЕТРАДЬ 1

Мой отец был католиком, весьма набожным, всегда ходившим в костел и подолгу молившимся дома. Он был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видевшим ничего дурного, всем доверявшим, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В нашей православной семье он, как католик, был несколько отчужден.

Мать усердно молилась дома, но в церковь, по-видимому, никогда не ходила. Причиной этого было ее возмущение крайней жадностью и ссорами священников, происходившими на ее глазах. Два брата-юриста не проявляли признаков религиозности. Однако они всегда ходили к выносу Плащаницы и целовали ее и всегда бывали на Пасхальной утрени. Старшая сестра-курсистка, потрясенная ужасом катастрофы на Ходынском поле, психически заболела и выбросилась из окна третьего этажа, получив тяжелые переломы ребра и плечевой кости и разрыв почек, на почве которых позже образовались почечные камни, от которых она умерла, прожив только 25 лет.

Младшая сестра, доселе здравствующая — прекрасная и очень благочестивая женщина.

Религиозного воспитания я в семье не получил, и если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень благочестивого отца.

С детства у меня была страсть к рисованию, и одновременно с гимназией я окончил Киевскую художественную школу, в которой проявлял немало художественных способностей.

Влечение к живописи у меня было настолько сильным, что по окончании гимназии решил поступать в Петербургскую академию художеств.

Но во время вступительного экзамена задумался о том, правильный ли жизненный путь я избрал. Недолгие колебания кончились тем, что я не должен заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет, с тем чтобы после перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам, ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии и истории. Поэтому я предпочел поступать на юридический факультет, и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право.

Но через год меня опять неодолимо повлекло к живописи. Я отправился в Мюнхен, где поступил в частную школу профессора Книрр.

Однако уже через три недели тоска по родине неудержимо повлекла меня домой, и еще с группой товарищей я год занимался живописью.

По возвращении из Мюнхена впервые проявилась моя религиозность, ярко отразившаяся на моих художественных занятиях. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, дома срисовывал то, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, прихо-

дивших за тысячи верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилась основная религиозная тенденция в моих занятиях живописью. К этому времени я ясно понял процесс художественного творчества. Повсюду на улицах и в трамваях, на площадях и базарах я наблюдал все ярко выраженные черты лиц, фигур, движений и по возвращении домой все это зарисовывал.

На выставке в Киевской художественной школе я получил премию за эти свои наброски.

Я даже участвовал в одной из передвижных выставок небольшой картинкой, изображавшей старика-нищего, стоящего с протянутой рукой.

После усердных занятий живописью с группой товарищей я каждый день ходил для отдыха версты за две по берегу Днепра, по дороге усиленно размышляя о весьма трудных богословских и философских вопросах. Из этих размышлений, конечно, ничего не вышло, ибо я не имел никакой научной подготовки.

В это же время я страстно увлекся этическим учением Льва Толстого и стал, можно сказать, завзятым толстовцем: спал на полу на ковре, а летом, уезжая на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами, не отставая от них.

Однако мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение "В чем моя вера", резко оттолкнувшее меня издевательством над Православной Верой. Я сразу понял, что Толстой еретик, весьма далекий от подлинного христианства.

Правильное представление о Христовом учении я незадолго до этого вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, я получил от директора гимназии при вручении мне аттестата зрелости как напутствие в жизнь.

Очень многие места этой святой Книги, сохранившейся у меня с детских лет, произвели на меня глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом. Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на созревшее поле пшеницы, сказал им: *Жатвы много, а делателей мало. Итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою* (*Мф. 9, 37*).

У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: "О, Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!"

Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему. Так прошел довольно странный год.

Можно было бы поступить на медицинский факультет, но опять взяло раздумье народнического порядка, и по юношеской горячности я решил, что нужно, как можно скорее, приняться за полезную практическую для простого народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении я однажды отправился к директору народных училищ киевского учебного округа с просьбой устроить меня в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком: он хорошо оценил мои народнические стремления, но очень энергично меня отговаривал от того, что я затевал, и убедил поступить на медицинский факультет.

Это соответствовало моим стремлениям быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но поперек стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета.

Когда я изучал физику, химию, минералогию, у меня было почти физическое ощущение, что я насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо. Мозг, точно сжатый резиновый шар, стремился вытолкнуть чуждое ему содержание.

Тем не менее учился на сплошных пятерках и неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией. Изучал кости, рисовал их и дома лепил их из глины, а своей препаровкой трупов сразу обратил внимание всех товарищей и профессора анатомии.

Уже на втором курсе мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и их пророчество действительно сбылось. Через 20 лет я действительно стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии.

На третьем курсе я с страстным интересом занимался изучением операций на трупах. Произошла интересная эволюция моих способностей: уменье весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешла в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах.

Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии.

На третьем курсе я неожиданно был избран старостой. Это случилось так:

перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу — поляк ударил по щеке другого товарища — еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все притихли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды.

Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой и назвали "совестью курса".

Так рано появилась черта глубокого морализма, которая через десятки лет красной нитью проходила в моих проповедях.

Государственные экзамены я сдавал блестяще, на сплошных пятерках, и профессор общей хирургии сказал мне на экзамене: "Доктор, вы теперь знаете гораздо больше, чем я, ибо вы прекрасно знаете все отделы медицины, а я уж многое забыл, что не относится прямо к моей специальности".

Только на экзамене по медицинской химии (теперь она называется биохимией) я получил тройку благодаря своей правдивости. На теоретическом экзамене я отвечал отлично, но надо было сделать еще исследование мочи. Как это, к сожалению, было в обычае, служитель лаборатории за получаемые от студентов деньги рассказывал, что надо найти в первой колбе и пробирке, и я знал, что в моче, которую мне предложили исследовать, есть сахар. Однако благодаря маленькой ошибке троммеровская реакция у меня не вышла, и когда профессор, не глядя на меня, спросил: "Ну, что вы там нашли?" — я мог сказать, что нашел сахар, но сказал, что троммеровская реакция сахара не обнаружила.

Эта единственная тройка не помешала мне получить диплом лекаря с отличием.

Когда все мы получили дипломы, товарищи по курсу спросили меня, чем я намерен заняться. Когда я ответил, что намерен быть земским врачом, они с широко открытыми глазами сказали: "Как, вы будете земским врачом?! Ведь вы ученый по призванию!"

Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям.

Сразу стать земским врачом мне не пришлось, так как я окончил университет осенью 1903 года, перед началом войны с Японией, и началом моей медицинской работы была военно-полевая хирургия в госпитале Красного киевского креста возле города Читы.

В новом госпитале было два хирургических отделения: одним заведовал опытный одесский хирург, а другое главный врач отряда поручил мне, хотя в отряде были еще два хирурга значительно старше меня.

Однако главный врач не ошибся, ибо я сразу же развил большую хирургическую работу на раненых и, не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими, ошибок я не делал, несчастий не бывало.

В работе мне помогала недавно вышедшая блестящая книга французского хирурга Лежара "Неотложная хирургия", которую я основательно проштудировал перед поездкой на Дальний Восток.

Я не был кадровым врачом и военной формы никогда не носил.

В Чите я женился на сестре милосердия, работавшей прежде в Киевском военном госпитале, где ее называли святой сестрой. Там два врача просили ее руки, но она дала обет девства. Выйдя за меня замуж, она нарушила этот обет, и в эту ночь перед нашим венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя, и вдруг ей показалось, что Христос отвернул Свой Лик и образ Его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминанием об ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью.

Мы уехали из Читы до окончания войны, и я поступил врачом в Ардатовское земство Сибирской губернии.

Там мне пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии.

Однако через несколько месяцев мне пришлось отказаться от работы в Ардатове ввиду ее невыносимой трудности.

Надо отметить, что в ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости, по возможности, избегать наркоза и как можно шире заменять его местной анестезией. Я решил перейти на работу в

маленькую участковую больницу и нашел такую в селе Верхний Любеж Фатежского уезда Курской губернии. Однако и там было не легче, ибо в маленькой больничке на 10 коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон и с других уездов Курской губернии и соседней, Орловской.

Вспоминаю курьезный случай, когда молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел с помощью сделанной мной операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки, ища исцеления.

В это время вышла первым изданием книга профессора Брауна "Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения". Я с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой весьма недавно были опубликованы. Я запомнил, между прочим, что задачу регионарной анестезии седалищного нерва Браун считает едва ли возможной. У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее.

В Любеже мне встретилось несколько редких и весьма интересных хирургических случаев, и с них я там же записал две мои первые статьи: "Элефантиас лица, лексиформная неврома" и другую — "Ретроградное ущемление в грыже кишечной петли".

Чрезмерная слава сделала мое положение в Любеже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с 9 часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не хватало для огромной работы и моих молодых сил.

Заслуживает внимания и моя первая трахеотомия, сделанная совершенно в исключительных условиях.

Я приехал для осмотра земской школы в недалекую от Любежа деревню. Занятия уже кончились. Неожиданно прибежала в школу девочка, неся в руках совершенно задыхающегося ребенка. Он поперхнулся маленьким кусочком сахара, который попал ему в гортань. У меня был только перочинный ножик, немного ваты и немного раствора сулемы. Тем не менее я решил сделать трахеотомию и попросил учительницу помочь мне. Но она, закрыв глаза, убежала. Немного храбрее оказалась старуха-уборщица, но и она оставила меня одного, когда я приступил к операции. Я положил спеленутого ребенка к себе на колени и быстро сделал ему трахеотомию, протекшую как нельзя лучше, вместо трахеотомической трубки я ввел в трахею гусиное перо, заранее приготовленное старухой. К сожалению, операция не помогла, так как кусочек сахара застрял ниже — по-видимому, в бронхе.

Земской управой я был переведен в уездную Фатежскую больницу, но и там недолго пришлось мне поработать. Фатежский уезд был гнездом самых редких зубров-черносотенцев. И самым крайним из них был председатель земуправы Батезатул, незадолго до того прославившийся своим законопроектом о принудительной эмиграции в Россию китайских крестьян для передачи их в рабство помещикам.

Батезатул счел меня революционером за то, что я не отправился немедленно, оставив все дела, к заболевшему исправнику, и постановлением управы я был уволен со службы.

Это, однако, не обошлось благополучно. В базарный день один из исцеленных мной слепых влез на бочку, произнес зажигательную речь по поводу моего увольнения, и под его предводительством толпа народа пошла громить земскую управу, здание которой находилось на базарной площади. Там был только один член управы, от страха залезший под стол. Мне, конечно, пришлось поскорее уехать из Фатежа. Это было в 1909 году.

В 1907 году в Любеже родился мой первенец — Миша. А в следующем, 1908 году родилась моя дочь Елена. Должность акушерки пришлось мне исполнять самому.

Из Фатежа я уехал в Москву и там не много менее года был экстерном хирургической клиники Дьяконова. По правилам этой клиники врачи-экстерны должны были писать докторскую диссертацию, и мне предложена была тема "Туберкулез коленного сустава". Через две-три недели меня пригласил профессор Дьяконов и спросил, как идет работа по диссертации. Я ответил, что уже прочел литературу, но у меня нет интереса к этой теме. Умный профессор с глубоким вниманием отнесся к моему ответу и, когда узнал, что у меня есть собственная тема, моя тема, с живым интересом стал расспрашивать о ней. Оказалось, что он ничего не знает о регионарной анестезии, и мне пришлось рассказывать

ему о книге Брауна. К моей радости, он предложил мне продолжать работу над регионарной анестезией, оставив работу на предложенную тему. Так как моя тема требовала анатомических исследований и опытов с инъекциями окрашенной желатины на трупах, то мне пришлось перейти в Институт топографической анатомии кооперативной хирургии, директором которой был профессор Рейн, председатель Московского хирургического общества. Но оказалось, что и он не слышал и ничего не читал о регионарной анестезии.

Скоро мне удалось найти простой и верный способ инъекции и к седалищному нерву у самого выхода его из полости таза, что Генрих Браун считал вряд ли разрешимой задачей. Нашел я и способ инъекции к среднему нерву и регионарной анестезии всей кисти руки. Об этих моих открытиях я сделал доклад в Московском хирургическом обществе, вызвавший большой интерес.

Но не на что мне было жить в Москве с женой и двумя маленькими детьми, и я должен был уехать в с. Романовку Балашовского уезда Саратовской губернии в больницу на 25 коек, где развил большую хирургическую работу и напечатал отчет по ней по образцу отчетов клиники профессора Дьяконова. Работу над регионарной анестезией я продолжал в Москве во время месячных отпусков, работая с утра до вечера в Институте профессора Рейна и профессора Карузина при кафедре описательной анатомии, где исследовал триста черепов и нашел очень ценный способ инъекции ко второй ветви тройничного нерва у самого выхода. К концу этой работы я был уже не в Романовке, а состоял главным врачом и хирургом уездной больницы на 50 коек в г. Переславль-Залесском.

Незадолго до отъезда из Романовки там родился мой сын Алеша, с большим приключением. Близилось время родов, но я рискнул ехать в Балашов на заседание санитарного совета, надеясь скоро вернуться. Не дождавшись окончания заседания совета, я поспешил на станцию и увидел поезд, уже давший второй свисток. Не успев взять билета, я сел в вагон поезда, но скоро увидел в нем много татар, чего не бывало в романовском поезде. Оказалось, что я попал не в свой, а в харьковский поезд и должен был с ближайшей станции вернуться в Балашов. Но Бог помог, и в Романовке я нашел уже новорожденного сына, которого принимала женщина-врач, раньше меня вернувшаяся из санитарного совета, по дороге в свой врачебный участок.

В 1916 году, живя в Переславле, я защитил в Москве докторскую диссертацию о регионарной анестезии. Оппонентами были профессор Мартынов, приват-доцент топографической анатомии и оперативной хирургии, фамилии которого не помню, и Карузин.

Интересен был отзыв профессора Мартынова. Он сказал: "Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее". А профессор Карузин, очень взволнованный, подбежал ко мне и, потрясая мою руку, усердно просил прощения в том, что не интересовался моей работой на чердаке, где хранятся черепа, и не подозревал, что там творится такая блестящая работа.

За свою диссертацию я получил от Варшавского университета крупную премию имени Хайнацкого в девятьсот рублей золотом, предназначавшуюся за лучшие сочинения, пролагающие новый путь в медицине. Однако денег этих мне не пришлось получить, потому что книга была напечатана небольшим тиражом, только в 750 экземпляров, и быстро распродана в книжных магазинах, куда я неосторожно разослал их, и я не мог представить в Варшавский университет требуемого количества экземпляров.

У земского врача, каким я был 13 лет, воскресные и праздничные дни — самые занятые и обремененные работой. Поэтому я не имел возможности ни в Любеже, ни в Романовке, ни в Переславль-Залесском бывать на богослужениях в церквах и многие годы не говел. Однако в последние годы моей жизни в Переславле я с большим трудом нашел возможность бывать в соборе, где у меня было свое постоянное место, и это возбудило большую радость среди верующих жителей Переславля. Было еще одно великое событие в моей жизни, начало которому Господь положил в Переславле.

С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любеже и Романовке я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней вынес я из университета. Я поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. Последнее время в Переславле пришло мне на мысль изложить свои достижения в особой книге — "Очерки гнойной хирургии". Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя Епископ".

Быть священнослужителем, а тем более Епископом мне и во сне не снилось, но неожиданные и неведомые нами пути жизни нашей вполне известны Всевышнему Богу уже во чреве матери нашея. Как увидите дальше, уже через несколько лет стала и полной реальностью моя неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя Епископ".

В Переславле-Залесском мы прожили шесть с половиной лет. Там родился мой младший сын — Валентин.

В городских и фабричных больницах я развил очень широкую хирургическую работу и был одним из пионеров в новых тогда крупнейших операциях на желчных путях, желудке, селезенке и даже на головном мозге. В 1915—1916 годах, кроме того, заведовал небольшим госпиталем для раненых.

В начале 1917 года к нам приехала старшая сестра моей жены, только что похоронившая в Крыму свою молоденькую дочь, умершую от скоротечной чахотки. На великую беду, она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь. Я говорил своей Ане, что в одеяле привезена к нам смерть. Так и случилось: сестра Ани прожила у нас всего недели две, и вскоре после ее отъезда я обнаружил у Ани явные признаки туберкулеза легких. Это совпало с тем временем, когда я по объявлению в газете при очень большом конкурсе получил приглашение в г. Ташкент на должность хирурга и главного врача большой хирургической больницы. С нами ехала девушка-прислуга, недавно родившая ребенка. На полдороге от Переславля до Москвы пришлось остановиться на неделю в гостинице Троице-Сергиевой Лавры вследствие высокой лихорадки у Ани. Посадка на поезд в Москве и дальнейший путь до Ташкента с малыми детьми были крайне трудными, так как было уже сильно расстроено железнодорожное движение.

В Ташкенте у нас была отличная квартира главврача при больнице, пять комнат, в которых, однако, мне самому нередко приходилось мыть полы из-за неизбежного при революции расстройства жизни. В 1917 году в городе происходила междоусобная война между Ташкентским гарнизоном и полком туркменских солдат под предводительством изменившего революции военного комиссара. Через весь город над самой больницей летали со всех сторон во множестве пушечные снаряды, и под ними мне приходилось ходить в больницу.

Восстание Туркменского полка было подавлено, началась расправа с участниками контрреволюции. При этом и мне и завхозу больницы пришлось пережить страшные часы. Мы были арестованы некиим Андреем, служителем больничного морга, питавшим ненависть ко мне за наказание, полученное им по моей жалобе от начальства города. Меня и завхоза больницы повели в железнодорожные мастерские, в которых происходил суд над Туркменским полком. Когда мы проходили по железнодорожному мосту, стоявшие на рельсах рабочие что-то кричали Андрею: как я после узнал, они советовали Андрею не возиться с нами, а расстрелять нас под мостом. Огромное помещение было полно солдатами восставшего полка, и их по очереди вызывали в отдельную комнату и там почти всем в списке имен ставили кресты. В трибунале участвовал Андрей и другой служащий больницы, который успел предупредить других участников суда, что меня и завхоза по личной злобе арестовал Андрей. Нам крестов не поставили и быстро отпустили. Когда нас провожали обратно в больницу, то встречавшиеся по дороге рабочие крайне удивлялись тому, что нас отпустили из мастерских.

Позже мы узнали, что в тот же день вечером в огромной казарме мастерских была произведена ужасная человеческая бойня над солдатами Туркменского полка и многими горожанами.

А моя бедная больная Аня знала, что меня арестовали, знала, куда увели, и пережила ужасные часы до моего возвращения. Это тяжелое душевное потрясение крайне вредно отразилось на ее здоровье, и болезнь стала быстро прогрессировать. Настали и последние дни ее жизни. Она горела в лихорадке, совсем потеряла сон и очень мучилась. Последние 12 ночей я сидел у ее смертного одра и днем работал в больнице. Настала последняя страшная ночь. Чтобы облегчить страдание умиравшей, я впрыснул ей шприц морфия, и она заметно успокоилась. Минут через двадцать слышу: "Впрысни еще". Через полчаса это повторилось опять, и в течение двух-трех часов я много впрыснул ей шприцов морфия, далеко превысив допустимую дозу. Но отравляющего действия его не видел. Вдруг Аня быстро поднялась и села, довольно громко сказала: "Позови детей". Пришли дети, и всех их она перекрестила, но не целовала, вероятно боясь заразить. Простившись с детьми, она легла, спокойно лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее становилось все реже и реже... Настал и последний вздох.

Гроб заранее был приготовлен. Утром пришли мои операционные служанки, обмыли и одели мертвое тело и уложили в гроб. Аня умерла 38 лет.

Две ночи я сам читал над гробом Псалтирь, стоя у ног покойной в полном

одиночестве. Часа в три второй ночи я читал 112-й псалом, начало которого поется при встрече архиерея в храме: *От восток солнца до запада* (Пс. 112, 3), и последние слова псалма поразили и потрясли меня, ибо я с совершенной ясностью воспринял их как слова Самого Бога, обращенные ко мне: *Неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях.* (Пс. 112, 9).

Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет меня тотчас после смерти матери моих детей. Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Велецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была неплодной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: *неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях,*— я без сомнения принял как Божий приказ возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их.

Я едва дождался семи часов утра и пошел к Софии Сергеевне, жившей в хирургическом отделении. Я постучал в дверь. Открыв ее, она с изумлением отступила назад, увидев в столь ранний час своего сурового начальника.

"Простите, София Сергеевна,— сказал я ей,— я очень мало знаю вас, не знаю даже, веруете ли вы в Бога, но пришел к вам с Божиим повелением ввести вас в свой дом *матерью, радующеюся о детях*".

Она с глубоким волнением выслушала, что случилось со мной ночью, и сказала, что ей очень больно было только издали смотреть, как мучилась моя жена, и страстно хотелось помочь нам, но сама она не решалась предложить нам свою помощь. Она с радостью согласилась исполнить Божие повеление о ней. Она издали любила моих младших детей, но опасалась, что не сладит с Мишей, моим старшим сыном, потому что он обижает младших.

Так и случилось. Трех младших детей она очень любила, и особенно самый младший, Валя, не слезал с ее колен. А Мишу пришлось ей перевоспитывать.

Моя квартира главврача состояла из пяти комнат, так удачно расположенных, что София Сергеевна могла получить отдельную комнату, вполне изолированную от тех, которые я занимал. Она долго жила в моей семье, но была только второй матерью для детей, ибо Богу Всевышнему известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым. На этом остановлюсь, а после расскажу о тех великих благодеяниях, которые получали мои дети от Бога через Софию Сергеевну.

ТЕТРАДЬ 2

Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его.

По одному из обсуждавшихся вопросов я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы.

Настоятель привокзальной церкви протоиерей Михаил Андреев в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы на темы Священного Писания. Я, конечно, не знал, что эти мои беседы будут началом огромной работы в будущем.

Когда возникла недоброй памяти "Живая церковь", то, как известно, везде и всюду на епархиальных съездах духовенства и мирян обсуждалась деятельность Епископов и некоторых из них смещали с кафедр.

Так съезд суда над Епископом Ташкентским и Туркменским происходил в Ташкенте в большой певческой комнате, очень близко от кафедрального собора. На нем присутствовал и я в качестве гостя и по какому-то очень важному вопросу я выступил с большой, горячей речью.

Резких выступлений на съезде не было, и деятельность Преосвященного Иннокентия получила положительную оценку. Когда кончился съезд и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с Владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Обойдя два раза вокруг собора, он говорил о большом впечатлении, которое произвела моя речь на собрании, восторгался глубиной и искренностью моей веры и, неожиданно остановившись, сказал мне: "Доктор, вам надо быть священником!"

Как я уже говорил раньше, у меня никогда не было и мысли о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, ответил: "Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!"

Впрочем, позже я говорил с Владыкою о том, что в моем доме живет моя операционная сестра Вилецкая, которую я, по явному, чудесному повелению Божию, ввел в дом *матерью, радующеюся о детях*, а священник не может жить в одном доме с чужой женщиной. Но Владыка не придал значения этому моему возражению, сказав, что не сомневается в моей верности седьмой заповеди.

Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я, провожаемый двумя диаконами, вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре Архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время литургии — и в сан диакона — уже получившего высшую оценку профессора хирургии.

Конечно, это необыкновенное событие посвящения во диакона произвело огромную сенсацию в Ташкенте, и ко мне пришли большой группой во главе с одним профессором студенты медицинского факультета.

Конечно, они не могли понять и оценить моего поступка, ибо сами были далеки от религии. Что поняли бы они, если бы я им сказал, что при виде карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: "Не могу молчать!" И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому.

Я забыл раньше сказать о том, что в Ташкенте я был одним из инициаторов открытия университета. Большинство кафедр было замещено избранными из числа ташкентских докторов медицины, и только я один был почему-то избран в Москве на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии.

Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея Епископом Иннокентием. Мне пришлось совмещать свое священство с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили в большом числе студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди, в то время еще было возможно невозможное теперь.

Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами Апостола Павла: "Ваше дело не крестити, а благовестити (см.: 1 Кор. 1, 17).

Он глубоко понимал, что говорил, и слово его было почти пророчеством, ибо теперь, на 38-м году своего священства и 36-м году своего архиерейства, я вполне ясно понимаю, что моим призванием от Бога была именно проповедь и исповедничество Имени Христова. За долгое время своего священства я почти никаких треб не совершал, даже ни разу не крестил полным чином крещения.

Кроме проповеди при богослужениях, совершаемых Преосвященным Иннокентием и мною самим, я проводил каждый воскресный день после вечерни в соборе беседы на важные и трудные богословские темы, и даже целую серию бесед по критике материализма.

Богословского образования я не имел, но с явной Божией помощью легко преодолевал трудности таких бесед. Кроме того, мне приходилось в течение двух лет вести публичные диспуты при множестве слушателей с неким отрекшимся от Бога протоиереем, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии.

Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: "Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?" Несчастный хулитель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от этого философа.

Однажды, неведомо для него, железнодорожные рабочие пригласили меня в свой клуб для участия в диспуте о религии. В ожидании начала диспута я сидел на сцене при опущенном занавесе и вдруг вижу — поднимается на сцену по лестнице мой всегдашний противник и, увидев меня, крайне смутился, поклонился и пошел вниз. Первым говорил на диспуте он, но, как всегда, мое выступление совершенно разбило все его доводы, и рабочие наградили меня громкими аплодисментами.

На несчастном хулителе Духа Святаго страшно сбылось слово псалмопевца Давида: смерть грешника люта. Он заболел раком прямой кишки и при операции оказалось, что опухоль уже проросла в мочевой пузырь. Операционная рана в тазу скоро превратилась в глубокую яму, наполненную гноем и мочой... Враг Божий пришел в крайнее озлобление от своих страданий, и даже партийные медицинские сестры, назначенные для ухода за ним, не могли выносить его злобу и проклятия и отказались от ухода за ним.

В это трудное для меня время мне приходилось совмещать одновременно несколько весьма трудных дел: кроме служения и проповеди в кафедральном соборе, заведования кафедрой топографической анатомии и чтения лекций, я

должен был спешно изучать богословие. И в этом деле мне помогал Господь Бог через одного из слушателей моих бесед и диспутов — верующего букиниста, который приносил мне так много богословских книг, что скоро образовалась у меня порядочная библиотека. Но и этого мало: я продолжал работать в качестве главврача в больнице, широко оперировал каждый день и даже по ночам в больнице и не мог не обрабатывать своих наблюдений научно. Для этого мне нередко приходилось делать исследования на трупах в больничном морге, куда ежедневно привозили повозки, горою нагруженные трупами беженцев из Поволжья, где свирепствовали тяжелый голод и эпидемии заразных болезней. Свою работу на этих трупах мне приходилось начинать с собственноручной очистки их от вшей и нечистот. Многие из этих исследований на трупах легли в основу моей книги "Очерки гнойной хирургии", выдержавшей три издания общим тиражом 60 000 экземпляров. За нее я получил Сталинскую премию первой степени, и многие ее называют классической.

Однако работа на покрытых вшами трупах обошлась мне недешево. Я заразился возвратным тифом в очень тяжелой форме, но, по милости Божией, болезнь ограничилась одним тяжелым приступом и вторым — незначительным.

Незадолго до церковного раскола и появления "Живой церкви" Епископ Иннокентий созвал съезд духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии, который должен был избрать двух кандидатов на возведение в архиерейский сан. Выбор пал на архимандрита Виссариона и на меня.

Вскоре произошло восстание против Патриарха Тихона московских и ленинградских священников, возглавляемое протоиереем Александром Введенским. По всей России произошло разделение духовенства на стойких и крепких духом, верных Православной Церкви и Патриарху Тихону, и на малодушных, неверных, или не разобравшихся в бурных церковных событиях, вошедших в "Живую церковь", возглавляемую Введенским и немногими его сообщниками, имена которых не помню.

Такой раскол произошел и в Ташкентской епархии, и Преосвященный Иннокентий поспешил произвести хиротонию архимандрита Виссариона. Совместно с Епископом Сергием Лавровым, недавно переведенным в Ташкент из ашхабадской ссылки, он произвел полным чином наречение во Епископа архимандрита Виссариона, но на другой же день нареченный Епископ был арестован и выслан из Ташкента. Позже он примкнул к Григорианскому расколу и получил сан митрополита.

Преосвященный Иннокентий был очень испуган и тайно уехал в Москву, надеясь оттуда попасть в Валаамский монастырь. Но это, конечно, ему не удалось.

В самом начале церковного бунта Преосвященный Иннокентий выступил со смелой, сильной проповедью, убеждая священников и старост сохранить верность Церкви Православной и Патриарху Тихону и ни в коем случае не подчиняться живоцерковному епископу, приезда которого ждали. Но два видных протоиерея стали на сторону "Живой церкви", к ним присоединились другие, и верных осталось немного.

Епископ уехал. В Церкви бунт. Тогда протоиерей Михаил Андреев и я стали во главе правления. Мы развили довольно большую деятельность. Мы объединили всех оставшихся верными священников и церковных старост. Мы устроили съезд оставшихся верными, предупредив об этом ГПУ, прося разрешения и присылки наблюдателя. Вскоре после этого из Ашхабада в Ташкент был переведен ссыльный Уфимский Епископ Андрей Ухтомский.

Незадолго до своего ареста и ссылки в Среднюю Азию он был в Москве, и Патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом, дал ему право избирать кандидатов для возведения в сан Епископа и тайным образом устраивать их хиротонию.

Приехав в Ташкент, Преосвященный Андрей одобрил избрание меня кандидатом во Епископа собором Ташкентского духовенства и тайно постриг меня в монахи в моей спальне, и направил меня в таджикский город Пенджикент, отстоявший за 90 верст от Самарканда. Он говорил мне, что хотел дать мне имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на литургии, совершенной мною, и услышал мою проповедь, то нашел, что мне гораздо больше подходит имя Апостола-Евангелиста, врача и художника Луки.

В Пенджикенте жили два ссыльных Епископа: Даниил Балаховский и Василий Суздальский, которым он написал переданное мною письмо с просьбой совершить надо мною архиерейскую хиротонию.

Как я выше писал, я был два года и четыре месяца священником Ташкентского кафедрального собора, не переставая работать главным хирургом городской больницы и читать лекции на медицинском факультете. Мой отъезд в Самарканд

должен был быть секретным, и потому я назначил на следующий день четыре операции для отвода глаз, а сам вечером уехал в Самарканд в сопровождении одного иеромонаха, диакона и своего старшего сына – 16-летнего Михаила. Утром приехали в Самарканд, но найти пароконного извозчика для дальнейшего пути в Педжикент оказалось почти невозможным, так как все боялись нападения басмачей. Наконец, нашелся один забулдыга, который решился нас везти. Ехали, ехали и на полдороге остановились в чайхане отдохнуть и покормить лошадей. Две последние ночи я не спал ни минуты и там, как только лег на деревянный помост, на котором пьют чай узбеки, в тот же миг точно в бездну провалился, заснул мертвым сном. Я спал только 3/4 часа, но сон укрепил меня, и я совершенно отдохнул.

Преосвященные Даниил и Василий, прочитав письмо Андрея Ухтомского, решили назначить назавтра литургию для совершения хиротонии, а немедленно отслужить вечерню и утреню в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, без звона и при закрытых дверях. С ними жил ссыльный московский священник протоиерей Свенцицкий, известный церковный писатель, который тоже принял участие в моей хиротонии. На вечерне и литургии читали и пели мои спутники и протоиерей Свенцицкий.

Преосвященных Даниила и Василия смущало то обстоятельство, что я не был архимандритом, а только иеромонахом, и не было наречения меня в сан Епископа. Однако недолго колебались и решили обойтись без чина наречения. На следующий день назначили литургию, чтобы совершить мою хиротонию. Все мы утром отправились в церковь. Заперли за собой дверь и не звонили, а сразу начали службу и в начале литургии совершили хиротонию во Епископа. При хиротонии хиротонисуемый склоняется над Престолом, а Архиерей держит над его головой разомкнутое Евангелие. В этот важный момент хиротонии, когда Архиерей разогнул над моей головой Евангелие и читали совершительные слова Таинства священства, я пришел в такое глубокое волнение, что всем телом дрожал, и потом Архиереи говорили, что подобного волнения не видели никогда. Из церкви Преосвященные Даниил и Василий вернулись домой несколько раньше и встретили меня архиерейским приветствием: "Тон деспотин, ке архиереа имон..." Архиереем я стал 18/31 мая 1923 года. В Ташкент мы вернулись на следующий день вполне благополучно.

Когда сообщили об этой хиротонии [ныне] покойному Патриарху Тихону, то он, ни минуты не задумываясь, утвердил и признал законной мою хиротонию.

Все священники кафедрального собора, узнав о моей хиротонии, разбежались, как крысы с тонущего корабля, и свою первую воскресную всенощную литургию, совпавшую с памятью равноапостольных Константина и Елены, я мог служить только с одним протоиереем Андреевым, с которым после бегства Епископа Иннокентия мы взяли на себя управление епархиальными делами и созывали в Ташкенте на епархиальное собрание священников и членов церковного совета, отвергнувших "Живую церковь". На эти собрания мы просили ГПУ прислать своих представителей, но ни разу они не приезжали.

На моей первой литургии в алтаре присутствовал Преосвященный Андрей Ухтомский и волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но я ни одной ошибки не сделал.

Спокойно прошла следующая неделя, и я спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, я читал правило ко причащению Святых Таин. В 11 часов вечера – стук во входную дверь, обыск и первый мой арест.

Четверо моих детей остались на попечении Софии Сергеевны Вилецкой. Ее и детей выгнали из квартиры главврача и поселили в небольшой коморке, где они могли поместиться только потому, что дети сделали нары и коморка стала двухэтажной. Однако Софию Сергеевну не выгнали со службы, она получала два червонца в месяц и на них кормилась с детьми. Меня посадили в подвал ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам тюрем и ссылок.

Первый допрос был совершенно нелепым. Меня спрашивали о знакомстве с совершенно неведомыми людьми, о сообществе с оренбургскими казаками, о которых я, конечно, ничего не знал. Однажды ночью вызвали на допрос, продолжавшийся часа два. Его вел очень крупный чекист, занимавший потом очень видную должность в Московском ГПУ. Он допрашивал меня о моих политических взглядах и моем отношении к советской власти. Услышав, что я всегда был демократом, он поставил вопрос ребром: так кто же вы – друг или враг наш? Я ответил: "И друг ваш и враг ваш, если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш". Меня на время оставили в покое и из подвала перевели в другое, более свободное помещение. Меня держали в наскоро приспособленном под тюрьму большом дворе с окружающими его постройками. На дальнейших

допросах мне предъявляли вздорные обвинения в сношениях с оренбургскими казаками и другие выдуманные обвинения.

В годы своего священства и работы главным врачом ташкентской больницы я не переставал писать свои "Очерки гнойной хирургии", которые хотел издать двумя частями и предполагал издать их вскоре: оставалось написать первого выпуска последний очерк — "О гнойных заболеваниях среднего уха и осложнениях его".

Я обратился к начальнику тюремного заключения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете до окончания его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе этого первого выпуска я написал: "Епископ Лука. Очерки гнойной хирургии". Так удивительно сбылось единственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переславль-Залесском несколько лет назад: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя Епископ".

Однажды, к моему большому удивлению, меня вызвали на свидание. Через решетку я разговаривал со своим старшим сыном Мишей, которому было лет 16. В поисках работы он испытывал немало злоключений. В Киеве ему пришлось красить железнодорожный мост, вися в люльке над Днепром.

В библиотеке Бутырской тюрьмы мне, к большой радости, удавалось получить Новый Завет на немецком языке, и я усердно читал его. Глубокой осенью большую часть арестантов Бутырской тюрьмы погнали пешком через всю Москву в Таганскую тюрьму. Я шел в первом ряду, а недалеко от меня шел матерый вор — старик, который был повелителем шпаны в соседней с моей камерой Бутырской тюрьмы. В Таганской тюрьме меня посадили не со шпаной, а в камеру политических заключенных. Все арестанты, в том числе и я, получили небольшие тулупчики от жены писателя Максима Горького. Проходя в клозет по длинному коридору, я увидел через решетчатую дверь пустой одиночной камеры, пол которой по щиколотку был залит водой, сидящего у колонны и дрожащего полуголого шпаненка и отдал ему ненужный мне полушубок. Это произвело огромное впечатление на старика, предводителя шпаны, и каждый раз, когда я проходил мимо уголовной камеры, он очень любезно приветствовал меня и именовал "батюшкой". Позже в других тюрьмах я не раз убеждался в том, как глубоко ценят воры и бандиты простое человеческое отношение к ним.

В Таганской тюрьме я заболел тяжелым гриппом, вероятно вирусным, и около недели пролежал в тюремной больнице с температурой около 40°. От тюремного врача получил справку, в которой было написано, что я не могу идти пешком и меня должны везти на подводе. В московских тюрьмах мне пришлось сидеть вместе с протоиереем Михаилом Андреевым, приехавшим из Ташкента вместе со мной. Вместе с ним уехал я и из Москвы в свою первую ссылку в начале зимы 1923 года.

Когда поезд пришел в город Тюмень, был тихий лунный вечер, и мне захотелось пройти в тюрьму пешком, хотя стража предлагала подводу. До тюрьмы было не более версты, но, на мою беду, нас погнали быстрым шагом, и в тюрьму я пришел с сильной одышкой. Пульс был мал и част, а на ногах появились большие отеки до колен.

Это было первое проявление миокарда, причиной которого надо считать возвратный тиф, который я перенес в Ташкенте через год после принятия священства. В Тюменской тюрьме наша остановка продолжалась недолго, около двух недель, и я все время лежал без врачебной помощи, так как единственную склянку дегиталиса получил только дней через двенадцать. В Тюменской тюрьме мы впервые встретились с протоиереем Илларионом Голубятниковым и дальше ехали вместе с ним.

Вторая этапная остановка была в городе Омске, но о ней у меня не осталось никаких воспоминаний. От Омска мы ехали до Новосибирска в "столыпинском" арестантском вагоне, состоявшем из отдельных камер с решетчатыми дверьми и узкого коридора с маленькими, высоко расположенными оконцами. В камеру, отведенную для меня и моих спутников — двух профессоров, посадили, кроме нас, бандита, убившего восемь человек, и проститутку, уходившую по ночам на практику к нашим стражникам. Бандит знал, что я в Таганской тюрьме отдал свой полушубок, и был очень вежлив со мной. Он уверял меня, что никогда нигде меня не обидит никто из их преступной братии. Однако уже в Новосибирской тюрьме при мытье в бане у меня украли несколько сот рублей, а после, в той же тюрьме, украли чемодан с вещами. В этой тюрьме нас сначала посадили в отдельную камеру, а вскоре перевели в большую уголовную камеру, где нас шпана встретила настолько враждебно, что я должен был спасаться бегством от них, стал стучать в дверь под предлогом необходимости выйти в клозет и, выйдя,

заявил надзирателю, что ни в коем случае не вернусь туда.

От Новосибирска до Красноярска ехали без особых приключений. В Красноярске были посажены в большой подвал двухэтажного дома ГПУ. Подвал был очень грязен и загажен человеческими испражнениями, которые нам пришлось чистить. Рядом с нашим подвалом был другой подвал, в котором находились казаки повстанческого отряда. Имени их предводителя я не запомнил, но никогда не забуду оружейных залпов, доносившихся до нас при расстреле казаков. В подвале ГПУ мы прожили недолго, и нас отправили по зимнему пути в г. Енисейск за 320 км к северу от Красноярска.

Об этом пути я мало помню, не забуду только операции, которую мне пришлось произвести на одном из ночлегов крестьянину лет 30-ти. После тяжелого остеомиелита, никем не леченный, у него торчала из зияющей раны в дальтовидной области вся верхняя треть и головка плечевой кости. Нечем было перевязать его, и рубаха и постель его всегда были залиты гноем. Я попросил найти слесарные щипцы и ими без всякого затруднения вытащил огромный секвестр.

В Енисейске мы получили хорошую квартиру в доме зажиточного человека и прожили в ней около двух месяцев. К нам присоединился еще один ссыльный священник, и все мы по воскресеньям и праздничным дням совершали всенощную и литургию в своей квартире, в которую входила и гостиная. В Енисейске было очень много церквей, но и здесь, как и в Красноярске, священники уклонились в живоцерковный раскол, и с ними, конечно, мы не могли молиться. Один диакон сохранил верность Православию, и я рукоположил его во пресвитера.

В один из праздничных дней я вошел в гостиную, чтобы совершить литургию, и неожиданно увидел стоявшего у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел при виде меня и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на вопрос мой, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск верст за 200 к югу от Красноярска, где жил православный Епископ, имени его не помню. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск ко мне. "Почему же ты так остолбенел, увидя меня?" — спросил я его. "Как было мне не остолбенеть?! — ответил он. — Десять лет тому назад я видел сон, который, как сейчас, помню. Мне снилось, что я в Божием храме и неведомый мне Архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда вы вошли, я увидел этого Архиерея!"

Монах сделал мне земной поклон, и за литургией я рукоположил его во иеромонаха.

Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в городе Переславль-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был Епископом. Так неисповедимы пути Господни.

Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими. По просьбе доктора Василия Александровича Бешурова, заведовавшего енисейской больницей, я начал оперировать у него и за два месяца жития в Енисейске сделал немало очень больших хирургических и гинекологических операций. В то время я имел большой прием у себя на дому, и было так много желающих попасть ко мне, что в первые же дни оказалась необходимость вести запись больных. Эта запись, начатая в первых числах марта, скоро достигла дня Святой Троицы.

Незадолго до моего приезда в Енисейск был закрыт женский монастырь, и две послушницы этого монастыря рассказали мне, каким кощунством и надругательством сопровождалось это закрытие храма Божия. Дело дошло до того, что комсомолка, бывшая в числе разорявших монастырь, задрала все свои юбки и села на Престол. Этих двух послушниц я постриг в монашество и дал им свои имена: старшую назвал Лукией, а младшую — Валентиной.

Незадолго до Благовещения я был послан в назначенное мне место ссылки — деревню Хая на реке Чуне, притоке Ангары. Лукия с Валентиной, с вещами, поехали вперед меня, а со мной до районного села Бугучан ехали протоиереи Илларион Голубятников и Михаил Андреев. Ехали мы на лошадях по замерзшему Енисею и Ангаре до Бугучан, где нас разлучили, послав Голубятникова и Андреева в недалекие от Богучан деревни, а меня за 120 км, в деревню Хая. В Богучанах я оперировал больного, у которого был нагноившийся эхинококк печени, и через несколько месяцев, возвращаясь из Хаи, нашел его вполне здоровым.

В Богучанах мне указали благочестивого крестьянина в селе Хая, у которого советовали поселиться, но предупредили, что у него злая старуха-мать. В Хае меня уже ожидали мои монашки, поселившиеся у этого крестьянина. Старуха-

мать встретила меня с большой радостью. Мне отвели две комнаты, в одной из которых я с монашками совершал богослужение, а в другой спал. К сожалению, нарушил правило, по которому служить литургию можно только в храме, и был за это наказан. Злая старуха только в первые дни приходила на наше богослужение, а потом не только оставалась на своей половине, но старалась всячески мешать нашим службам. Удивительным образом Господь запретил мне совершать литургию в доме злой старухи. У меня было вполне нормальное пищеварение, и литургия шла вполне хорошо, но после освящения Святых Даров я вдруг почувствовал очень сильные позывы на испражнение, несколько раз повторявшиеся, и едва-едва мог причаститься Святых Таин и с судорожной поспешностью окончить литургию.

На всю жизнь я запомнил этот тяжелый урок, и никогда больше не совершал литургию в жилых домах.

Злая старуха все больше и больше притесняла нас и стала прямо-таки выживать из дома. Дело дошло до того, что с монахинями вынес я из дома свои вещи и сел на них у стены. Видя нас выгнанными из дома, народ возмутился и заставил старуху принять нас обратно в дом.

В Хае мне довелось оперировать у старика катаракту в исключительной обстановке. У меня был с собой набор глазных инструментов и маленький стерилизатор. В пустой нежилой избе я уложил старика на узкую лавку под окном и в полном одиночестве сделал ему экстракцию катаракты. Операция прошла вполне успешно. За нее я получил десять беличьих шкур, ценившихся по рублю. Довелось мне совершить и погребение умершего крестьянина по пасхальному чину с моими монахинями.

В Хае мы прожили месяца два, и был получен приказ отправить меня снова в Енисейск. Нам дали двух провожатых крестьян и верховых лошадей. Монахини впервые сели на лошадей. Очень крупные оводы так нещадно жалили лошадей, что струи крови текли по их бокам и ногам. Лошадь, на которой ехала монахиня Лукия, не раз ложилась и каталась по земле, чтобы избавиться от овода, и сильно придавила ей ногу. На полдороге до Богучан мы побывали в лесной избушке, несмотря на требование провожатых ехать дальше всю ночь. На них подействовала только моя угроза, что они будут отвечать перед судом за бесчеловечное отношение ко мне — профессору. Не доезжая верст десять до Богучан прекратилась наша верховая езда. Меня, никогда прежде не ездившего верхом и крайне утомленного, пришлось снимать с лошади моим провожатым. Дальше до Богучан мы ехали на телеге. Дальше плыли по Ангаре на лодках, причем пришлось миновать опасные пороги. Вечером на берегу Енисея, против устья Ангары, мы с монахинями отслужили незабываемую вечерню.

По прибытии в Енисейск меня заключили в тюрьму в одиночную камеру. Ночью я подвергся такому нападению клопов, которого нельзя было и представить себе. Я быстро заснул, но вскоре проснулся, зажег электрическую лампочку и увидел, что вся подушка и постель, и стены камеры покрыты почти сплошным слоем клопов. Я зажег свечу, стал поджигать клопов, падавших на пол со стен и постели. Эффект этого поджигания был поразительным. После часа поджигания в камере не осталось ни одного клопа. Они, по-видимому, как-то сказали друг другу: "Спасайся, братцы! Здесь поджигают!" Последующие дни я больше не видел клопов, они все ушли в другие камеры.

В Енисейской тюрьме меня держали недолго и отправили дальше вниз по Енисею, когда пришел из Красноярска караван, состоявший из небольшого парохода, буксировавшего несколько барж, в одной из которых меня поместили вместе с отправленными в Туруханский край социал-революционерами. Монахини Лукия и Валентина хотели провожать меня, но этого им не позволили. Путь по широкому Енисею, текущему по безграничной тайге, был скучен и однообразен. На полдороге в Турухан была небольшая остановка в довольно крупном селении, название которого я не помню. На берегу меня встретила большая группа ссыльных, встречавших каждый пароход в надежде увидеть меня, ибо как-то прослышали о моей ссылке в Туруханск. Из этой группы ко мне подошел и представился пресвитер ленинградской баптистской общины Шилов, с особым нетерпением ожидавший меня. Позже, как увидим, он приезжал ко мне в Туруханск для долгих бесед со мной. Немного поодаль стояла другая группа людей, тоже ожидавших меня. Это были тунгусы, все больные трахомой. Одному из них, полуслепому от заворота век, я предложил приехать ко мне в Туруханск в больницу для операции. Он вскоре последовал моему совету, и я сделал ему пересадку слизистой оболочки губы на веки. По окончании ссылки, на обратном пути из Туруханска, я узнал, что он по-прежнему видит и по-прежнему стреляет бе́лок в глаз.

В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа, ожидавшая меня, вся опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы, поздно распознав у себя рак нижней губы, уехал в Красноярск, где ему была сделана операция, уже запоздалая, как оказалось впоследствии. В больнице оставался фельдшер и вместе со мной приехала сестра из Красноярска — молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекция верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных.

Уже начинался ледоход на Енисее, когда, к моему удивлению, приехал ко мне на лодке за 700 верст ленинградский пресвитер баптистов Шилов, о первой встрече с которым, на полпути от Енисейска до Туруханска, я уже упоминал раньше при описании моего пути. Шилов предпринял этот опасный, тяжелый путь только ради бесед со мною. Еще раньше его в Туруханск приехал маленький тщедушный еврейчик, который из Америки приехал в Москву под видом коммуниста, но чем-то возбудил подозрение и был заключен в упраздненный Соловецкий монастырь. Этот еврейчик однажды присутствовал при моей беседе с Шиловым, и я исполнил его просьбу о разрешении присутствовать на наших беседах, которые продолжались дня три по несколько часов ежедневно. Шилов просил меня разобрать целый ряд текстов Священного Писания, и, конечно, я разъяснил в православном духе. Но странным образом оказалось, как увидим в дальнейшем описании возвращения моего в Ташкент, Шилов счел меня убежденным в правоте баптизма. Наши беседы закончились, по предложению Шилова, молитвой, но не общей, как ему хотелось, а каждый молился в отдельности. Я прочел важнейшие православные молитвы, Шилов — шаблонную баптистскую импровизацию, а еврейчик сочинил довольно трогательную свою молитву. Шилов успел вернуться в Красноярск на каком-то запоздавшем пароходе.

В Туруханске был закрытый мужской монастырь, в котором, однако, стариком-священником совершались все богослужения. Он подчинялся красноярскому живоцерковному архиерею, и мне надо было обратить его и всю туруханскую паству на путь верности древнему Православию. Я легко достиг этого проповедью о великом грехе церковного раскола: священник принес покаяние перед народом, и я мог бывать на церковных службах и почти всегда проповедовать на них. Туруханские крестьяне были мне глубоко благодарны и привозили меня в монастырь и домой на устланных ковром санях. В больнице, конечно, я не отказывал никому в благословении, которое очень ценили тунгусы и всегда просили. За это и за церковные проповеди мне пришлось дорого поплатиться.

О председателе Туруханского краевого совета меня предупредили, что он большой враг и ненавистник религии. Это, однако, не помешало ему возопить к Богу о спасении, когда он попал в жестокую бурю на Енисее на небольшой лодке. По требованию этого председателя меня вызвал уполномоченный ГПУ и объявил, что мне строго запрещается благословлять больных в больнице, проповедовать в монастыре и ездить в него на покрытых ковром санях. Я ответил, что по архиерейскому долгу не могу отказать людям в благословении, и предложил ему самому повесить на больничных дверях объявление о запрещении больным просить у меня благословения. Этого, конечно, сделать он не мог. О поездках в церковь я тоже ему предложил запретить крестьянам подавать мне сани, устланные коврами. Этого он тоже не сделал. Однако не долго терпел мою твердость и бесстрашие. Здание ГПУ стояло близко от больницы. Меня вызвали туда, и у входной двери я увидел сани, запряженные парой лошадей, и милиционера. Уполномоченный ГПУ встретил меня с большой злобой и объявил, что за неподчинение требованиям исполкома я должен немедленно уехать дальше из Туруханска и на сборы мне дается полчаса. Я только спросил спокойно: куда же именно высылают меня? И получил раздраженный ответ: "На Ледовитый океан". Я спокойно ушел в больницу, и за мной последовал милиционер. Он шепнул мне на ухо: "Пожалуйста, пожалуйста, профессор, собирайтесь, как можно быстрее: нам нужно только выехать отсюда и доехать до ближайшей деревни, а дальше поедем спокойно". Скоро мы доехали до недалекой от Туруханска деревни Селиванихи, получившей свое название от Селиванова, главаря секты скопцов, отбывавшего в ней свою ссылку. Скоро собрались мои компаньоны по ссылке — социал-революционеры, с большим интересом относившиеся ко мне, и долго беседовали со мной. Они снабдили меня деньгами и меховым одеялом, которое очень пригодилось мне. После ночлега в съезжей избе поехали дальше.

Путь по замерзшему Енисею в сильные морозы был очень тяжел для меня. Однако в это трудное время я очень ясно, почти реально, ощущал, что рядом со мною Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня.

Ночуя в прибрежных стоянках, мы доехали до Северного полярного круга, за которым стояла деревушка, название которой я не помню. В ней жил в ссылке И. В. Сталин.

Когда мы вошли в избушку, хозяин ее мне протянул руку. Я спросил: "Ты разве не православный? Не знаешь, что у архиерея просят благословения, а не руку подают?" Это, как позже оказалось, произвело очень большое впечатление на конвоировавшего меня милиционера. Он и раньше от Селиванихи до следующего станка говорил мне: "Я чувствую себя в положении Малюты Скуратова, везущего Митрополита Филиппа в Отрочь монастырь".

Следующий наш ночлег был в станке из двух дворов, в котором жил суровый старик Афиноген на положении средневекового феодального барона со своими четырьмя сыновьями. Он присвоил себе исключительное право на ловлю рыбы в Енисее на протяжении сорока километров, и никто не смел оспаривать его. Младший из его сыновей был необыкновенным примером патологической лености. Он отказывался от всякой работы и по целым дням лежал. Его много раз свирепо до полусмерти избивали, но ничего не помогало. Старик Афиноген считал себя примерным христианином и любил читать Священное Писание. До поздней ночи я беседовал с ним, разъясняя ему неправильно понимаемое им.

Дальнейший путь был еще более тяжел. Один из следующих станков сгорел. Мы не могли остановиться в нем на ночь и с трудом достали оленей, ослабевших от недостатка кормов. На них пришлось ехать до следующего станка. Проехав до остановки не менее 70 верст, я очень ослабел и так закоченел, что меня на руках внесли в избу и там долго отогревали. Дальнейший путь до станка Плахино, отстоявшего за 230 км от полярного круга, прошел без приключений. Моему комсомольцу, как он мне сказал, было поручено самому избрать место ссылки, и он решил оставить меня в Плахино.

Это был совсем небольшой станок, состоящий из трех изб и, как мне показалось, еще больших двух груд навоза и соломы, но это тоже были жилища двух больших семей. Мы вошли в главную избу и вскоре сюда же вошли вереницей очень немногочисленные жители Плахино. Все низко поклонились, и председатель станка сказал мне: "Ваше Преосвященство! Не извольте ни о чем беспокоиться, все для вас устроим". Он представил мне одного за другим мужиков и женщин, говоря при этом: "Не извольте ни о чем беспокоиться. Мы уже все обсудили. Каждый мужик обязуется поставлять вам полсажени дров в месяц. Эта женщина будет вам готовить, а эта будет стирать. Не извольте ни о чем беспокоиться". Все просили у меня благословения и показали для меня приготовленное помещение в другой избе, состоящее из двух комнат. В одной половине жил молодой крестьянин со своей женой. Их переселили в другую половину избы, уплотнив бывших там. Мой конвоир-комсомолец очень внимательно наблюдал за всей сценой знакомства моего с жителями станка. Он должен был сейчас уехать ночевать в торговую факторию, стоявшую за несколько километров от Плахино. Было видно, что он взволнован предстоящим прощанием со мной. Но я вывел его из затруднения, благословив и поцеловав его. Это, как увидим в дальнейшем повествовании, произвело на него сильное впечатление.

Я остался один в своем помещении. Это была довольно просторная половина избы с двумя окнами, в которых вместо вторых рам были снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены, а в наружном углу местами был виден сквозь большую щель дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая такая же куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери. Для ночлега и дневного отдыха крестьяне соорудили широкие нары и покрыли их оленьими шкурами. Подушка у меня была с собой. Вблизи нар стояла железная печурка, которую на ночь заполнял дровами и зажигал, а лежа на нарах, накрывался своей енотовой шубой и меховым одеялом, которое подарили мне в Селиванихе. Ночью меня пугали вспышки пламени в железной печке, а утром, когда я вставал со своего ложа, меня охватывал мороз в избе, от которого толстым слоем льда замерзала вода в ведре. В первый день я принялся заклеивать щели в окне клейстером и толстой оберточной бумагой от покупок, сделанных в фактории, и ею же пытался закрыть щель в углу избы. Весь день и ночь я топил железную печку. Когда сидел тепло одетым за столом, то выше пояса было тепло, а ниже его холодно. Однажды мне пришлось помыться в таком холоде, так как я дал зарок еще в Хае никогда не мыться в деревенской бане, испытав там крайние затруднения. Мне принесли таз и два ведра воды — в одном холодной с куском льда, а в другом — горячей, не понимаю, как я умудрился помыться в таких условиях. Иногда по ночам меня будил точно сильнейший удар грома, но это был не гром, а трескался лед поперек всего широкого Енисея.

Недолго я получал пищу от бабы, которая обязалась стряпать для меня: она

подралась со своим любовником и отказалась готовить мне пищу. Мне пришлось первый раз в жизни попробовать готовить себе пищу, о чем я не имел никакого понятия. Рыбу мне приносили крестьяне, а другие продукты покупали в фактории. Не помню уже, какой курьез у меня получился при попытке изжарить рыбу, но хорошо помню, как я варил кисель. Я сварил клюкву и стал приливать в нее жидкий крахмал, сколько я ни лил, мне все казалось, что кисель жидок, я продолжал лить крахмал, пока кисель не превратился в твердую массу. Испытав такое фиаско со своей кулинарией, я должен был спасовать, и надо мной сжалилась другая баба и стала стряпать для меня.

У меня был с собой Новый Завет, с которым я не расставался в ссылках своих. И в Плахине я предложил крестьянам читать и разъяснять Евангелие. Они как будто с радостию откликнулись на это, но радость была недолгая: с каждым новым чтением слушателей становилось все меньше и меньше, и вскоре прекратилось мое чтение и проповедь.

Расскажу еще об одном Божием деле, которое мне пришлось совершить в Плахине. Теперь, когда пишу эти воспоминания, я уже более 37 лет в священном сане и более 32 лет в архиерейском, но, как это ни странно, я крестил только трех детей: одного близкого к смерти сокращенным чином и двух других совершенно необыкновенным образом. Ташкентский Епископ Иннокентий, рукополагавший меня во диакона и пресвитера, сказал мне словами Апостола Павла: "Ваше дело не крестити, а благовестити". Во все время своего священства я оставался профессором и читал лекции по топографической анатомии и оперативной хирургии в рясе и с крестом на груди. Оставался и главным хирургом ташкентской городской больницы, а потому служил в соборе только по воскресеньям, никаких треб не совершал, а после вечерни вел долгие беседы на важные богословские темы. Этим и объясняется, что я ни разу не крестил полным чином крещения.

И вот в самой далекой моей ссылке за 230 верст дальше полярного круга в станке Плахино мне пришлось крестить двух малых детей в совсем необычной обстановке. В станке было только три избы и два человеческих жилья, из которых я принял одно за стог сена, а другое за кучу навоза. Вот в этом последнем мне и пришлось крестить. У меня не было ничего: ни облачения, ни требника, и за неимением последнего я сам сочинял молитвы, а из полотенец сделал подобие эпитрахили. Убогое человеческое жилье было так низко, что я мог стоять только согнувшись. Купелью служила деревянная кадка, а все время совершения мне мешал теленок, вертевшийся около купели. Святого мира у меня, конечно, тоже не было. Но, памятуя, что я приемник Апостола, заменил миропомазание возложением рук на крещаемых с призыванием Святого Духа, как это делали Апостолы в свое время.

И теперь мне, Архиерею, крестить не приходится, ибо крестят мои священники.

В Плахино часто бывают очень сильные морозы, и там не живут вороны и воробьи, потому что могут замерзнуть на лету и комком упасть на землю. За два месяца моей жизни в Плахино я только один раз увидел сидевшую на кусте маленькую птичку, похожую на большой комок розового пуха. Однажды мне пришлось испытать крайне тяжелые морозы, когда несколько дней подряд дул северный ветер, называемый тамошними жителями "сивер". Это тихий, но неперестающий ни ночью, ни днем леденящий ветер, который едва переносят лошади и коровы. Бедные животные день и ночь стоят, повернувшись задом к северу.

На чердаке моей избы развешены рыболовные сети с большими деревянными поплавками. Когда дул "сивер", поплавки непрестанно стучали, напоминая мне музыку Грига "Пляска мертвецов". Мне, конечно, всегда приходилось выходить днем и ночью из избы по естественным надобностям на снег и мороз. Это было крайне трудно и в обычное время, но когда дул "сивер", положение было отчаянное. В Плахино прожил я немного более двух месяцев — до начала марта, и ни одного проезжего в этом станке ни разу не было.

Только в начале марта Господь послал мне неожиданное избавление. В начале Великого поста в Плахино приехал нарочный из Туруханска и привез мне письмо, в котором уполномоченный ГПУ вежливо предлагал мне вернуться в Туруханск. Я не понимал, что случилось, почему меня возвращают в Туруханск, и узнал только вернувшись туда. Оказалось, что в Туруханске в больнице умер крестьянин, нуждавшийся в неотложной операции, которой без меня не могли сделать. Это так возмутило туруханских крестьян, что они вооружились вилами и топорами и решили устроить погром ГПУ и сельсовета. Туруханские власти были так напуганы, что немедленно послали ко мне гонца в Плахино.

Обратный путь в Туруханск был не слишком трудным, и только в станке Афиногена мне пришлось испытать неприятности. Отвезти меня в станок, где

жил Сталин, Афиноген послал одного из своих сыновей. Лошадь шла все время шагом, ямщик не хотел погонять ее. Я не стерпел этого, вырвал из рук ямщика вожжи и стал хлестать лошадь. Ямщик соскочил с саней и побежал обратно. Мне ничего не оставалось делать, как повернуть лошадь и ехать шагом к избе Афиногена. Этот "истинный христианин" крайне грубо изругал меня, Архиерея, но гнев его тотчас утих, когда он получил от меня золотую монету. Он дал мне пару хороших лошадей, ямщиком — другого сына своего.

На одном из следующих станков я испытал поездку на собаках: шесть здоровенных сибирских псов были запряжены в нарты. Они бежали хорошо, но вдруг одна из них укусила другую, другая четвертую, и все свалились в дерущуюся кучу. Ямщик соскочил и стал лупить собак деревянным шестом, который служил ему для управления собаками. Порядок был восстановлен, и собаки благополучно довезли нас до места назначения.

Первый, кто встретил меня в Туруханске с распростертыми объятиями и неподдельной радостью, был тот самый милиционер-комсомолец, который вез меня из Туруханска в Плахино.

Я опять начал работу в больнице. Уполномоченный ГПУ, выславший меня из Туруханска на север вниз по Енисею, с большой злобой и скрежетом зубов за мое неподчинение не ездить в монастырь в санях, покрытых ковром, и не благословлять никого в больнице встретил меня вежливо, изысканно вежливо, осведомился о моем здоровье и житии в Плахино.

Однажды случился пикантный инцидент. Уполномоченный по какому-то делу пришел ко мне в больницу. Во время разговора с ним открылась дверь, в комнату вошла целая вереница эвенков-тунгусов со сложенными руками для принятия моего благословения. Я встал и всех благословил, а уполномоченный сделал вид, что не заметил этого. И в монастырь я, конечно, продолжал ездить на санях, покрытых ковром.

Это мое второе пребывание в Туруханске длилось восемь месяцев: от Благовещения Пресвятой Богородицы до ноября.

В середине лета, не помню точно, в какой форме, я имел, как мне казалось, предсказание от Бога о скором возвращении из туруханской ссылки. Я ждал с нетерпением исполнения этого обещания, но шли недели за неделями, все оставалось по-прежнему. Я впал в уныние, и однажды в алтаре зимней церкви, которая сообщалась дверью с летней церковью, со слезами молился пред образом Иисуса Христа. В этой молитве, очевидно, был ропот против Господа Иисуса за долгое невыполнение обещанного об освобождении. И вдруг я увидел, что изображенный на образе Иисус Христос резко отвернул Свой Пречистый Лик от меня. Я пришел в ужас и отчаяние и не смел больше смотреть на икону. Как побитый пес пошел я из алтаря в летнюю церковь, где на клиросе увидел книгу Апостол. Я машинально открыл ее и стал читать первое, что попалось на глаза.

К большой скорби моей, я не запомнил текста, который прочел, но этот текст произвел на меня прямо-таки чудесное действие. Им обличалось мое неразумие и дерзость ропота на Бога и вместе с тем подтверждалось обещание нетерпеливо ожидавшегося мною освобождения.

Я вернулся в алтарь зимней церкви и с радостью увидел, глядя на запрестольный образ, что Господь Иисус опять смотрит на меня благодатным и светлым взглядом.

Разве это не чудо?!

Возвращение из первой ссылки

Приближался конец моей туруханской ссылки.

С низовьев Енисея приходили один за другим пароходы, привозя моих многочисленных товарищей по ссылке, одновременно со мной получивших тоже срок. Наш срок кончился. И эти последние пароходы должны были отвезти нас в Красноярск. В одиночку и группами приходили пароходы изо дня в день. А меня не вызывали в ГПУ для получения документов.

Вечером в конце августа пришел последний пароход и на утро должен был уйти. Меня не вызывали, и я волновался, не зная, что было предписание задержать меня еще на год.

Утром 20 августа я по обыкновению читал утреню, а пароход разводил пары. Первый протяжный гудок парохода... Я читаю 4-ю кафизму Псалтири...Последние слова 31-псалма поражают меня, как громом... Я всем существом воспринимаю их как голос Божий, обращенный ко мне. Он говорит: *Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеши, утвержу на тя очи Мои. Не будите яко*

конь и меск, иже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе (Пс. 31, 8–9).

И внезапно наступает глубокий покой в моей смятенной душе... Пароход дает третий гудок и медленно отваливает... Я слежу за ним с тихой, радостной улыбкой, пока он не скрывается от взоров моих...

"Иди, иди, ты мне не нужен..."

"Господь уготовал мне другой путь, не путь в грязной барже, которую ты ведешь, а светлый архиерейский путь!"

Через три месяца, через три месяца, а не через год, Господь повелел отпустить меня, послав мне маленькую варикозную язву голени с ярким воспалением кожи вокруг нее. Меня обязаны были отпустить в Красноярск.

Енисей замерз в хаотическом нагромождении огромных льдин. Санный путь по нему должен был установиться только в середине января. Только один из ссыльных — эсер Чудинов — был задержан при отходе парохода и должен был ехать со мной. К нему в ссылку приехала жена с десятилетней дочерью, которая внезапно умерла в Туруханске.

Последнее время я постоянно замечал в церкви стоявшего у двери Чудинова, внимательно слушавшего мои проповеди. По Енисею возили только на нартах, но для меня крестьяне сделали крытый возок. Настал долгожданный день отъезда... Я должен был ехать мимо монастырской церкви, стоявшей на выезде из Туруханска, в которой я много проповедовал и служил. У церкви меня встретил священник с крестом и большая толпа народа.

Священник рассказал мне о необыкновенном событии. По окончании литургии в день моего отъезда вместе со старостой он потушил в церкви все свечи, но когда для проводов меня вошел в церковь, внезапно загорелась свеча в паникадиле, с минуту мерцала и потухла.

Так проводила меня любимая мною церковь, в которой под спудом лежали мощи святого мученика Василия Мангазейского.

Тяжкий путь по Енисею был тем самым светлым путем архиерейским, о котором при отходе последнего парохода предсказал мне Сам Бог словами псалма 31-го: *Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеши, утвержу на тя очи Мои.* Буду смотреть, как ты пойдешь этим путем, а ты не рвись на пароход, как конь или мул, не имеющий разума, которого надо направлять удилами и уздою.

Мой путь по Енисею был поистине архиерейским путем, ибо на всех тех остановках, в которых были приписные церкви и даже действующие, меня встречали колокольным звоном и я служил молебны и проповедовал.

А с самых дальних времен архиерея в этих местах не видали.

ТЕТРАДЬ III

Только в конце 1933 года я был освобожден и уехал в Москву. Господу Богу было, конечно, известно, что я затеваю новый тяжко греховный шаг, и Он предупредил меня крушением поезда, которое, к сожалению, только напугало меня, но не образумило. В Москве первым делом явился я в канцелярию Местоблюстителя, Митрополита Сергия. Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. Оставленный Богом и лишенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушанием Христову повелению: *Паси овцы моя* (Ин. 21, 16) — страшным ответом: "нет".

Несколько раньше я имел намерение вернуться в Ташкент и написал об этом Митрополиту Арсению, но из ответа его понял, что он вовсе не обрадуется моему приезду.

Еще до окончания моей архангельской ссылки я послал наркому здравоохранения Владимирскому письмо с просьбой предоставить мне возможность заняться в специальном исследовательском институте разработкой гнойной хирургии. На погибель себя, я от Митрополита Сергия отправился в Министерство здравоохранения, чтобы лично ходатайствовать об этом. Нарком Владимирский меня не принял, а отправил к своему заместителю. Я просил заместителя об организации для себя специального научно-исследовательского института гнойной хирургии. Он очень сочувственно отнесся к моей просьбе и обещал поговорить о ней с директором Института экспериментальной медицины, который должен скоро приехать. На радость диаволу, на свою погибель, я очень обрадовался этому, но Бог, хранивший меня и направляющий мои пути, сохранил меня от погибели, ибо Федоров отказался предоставить Епископу заведование научно-исследовательским институтом.

Мне некуда было деваться, но на обеде у Митрополита Сергия один из Архиереев посоветовал мне поехать в Крым. Без всякой разумной цели я последовал

этому совету и поехал в Феодосию. Там я чувствовал себя сбившимся с пути и оставленным Богом, питался в грязной харчевне, ночевал в доме кретьянина и, наконец, принял новое бестолковое решение — вернуться в Архангельск. Там два месяца снова принимал больных в амбулатории. В Архангельске открывался в то время медицинский институт, и мне предложили кафедру хирургии. Я отказался и, немного опомнившись, уехал в Ташкент.

Оставаться в Ташкенте, мешая Митрополиту Арсению, нельзя было. Я опустился до такой степени, что надел гражданскую одежду и в Министерстве здравоохранения получил должность консультанта при андижанской больнице.

Там я тоже чувствовал, что благодать Божия оставила меня. Операции мои были неудачны. Я выступил в неподходящей для Епископа роли лектора о злокачественных образованиях и скоро был тяжело наказан Богом. Я заболел тропической лихорадкой Папатачи, которая осложнилась отслойкой сетчатки левого глаза.

Уехав в Ташкент, я получил заведование маленьким отделением на 25 коек по гнойной хирургии при клинической больнице. Позже это отделение было расширено до 50 кроватей.

Скоро я узнал об операции швейцарского окулиста Гопена, которой излечивались от 60 до 80 % больных отслойкой сетчатки. Эта операция получила скоро большое распространение во многих странах, и в Москве ее делал профессор Одинцов. Он дважды мне сделал операцию Гопена, ибо в первый раз неточно определил все места отслойки сетчатки. Я лежал с завязанными глазами после операции, и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать наркому здравоохранения, и с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне совершенно необыкновенный вещий сон, который я помню с необыкновенной ясностью и теперь, через много лет.

Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря у стены стоит рака какого-то преподобного святого, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре, на Престоле положена широкая доска, а на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади Престола стоят студенты и врачи и курят, а я читаю им лекции по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и смотрит на меня с немым укором. Я с ужасом проснулся...

Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и еще два года продолжал работу в гнойно-хирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью проводить работу на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для Епископа. После двух лет еще я продолжал эту работу и не мог оторваться от нее, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги "Очерки гнойной хирургии", за которую я получил Сталинскую премию 1-й степени и которую теперь называют классической.

В своих покаянных молитвах я усердно молил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: "В этом не кайся!". Я понял, что "Очерки гнойной хирургии" были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания Имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды.

10 февраля 1936 года скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг Митрополит Арсений. С Преосвященным Арсением у меня были самые близкие, дружественные отношения. Он любил моих детей и Софию Сергеевну и часто бывал у них. Он подарил мне две свои фотокарточки, на одной из которых написал: *жертвою за жертву* (Флп. 2, 17), а на другой: *тобою, брат, успокоены сердца святых* (Флм. 1, 7). Снимался и вместе со мной. Он очень внимательно слушал мои проповеди и высоко ценил их. О себе он говорил, что исполнил все, предназначенное ему Богом, и потому ждал смерти.

Через год, в 1937 году, начался страшный для Святой Церкви период власти Ежова как начальника Московского ОГПУ. Начались массовые аресты духовенства и всех других, подозревавшихся во вражде к советской власти. Конечно, был арестован и я. Ежовский режим был поистине страшен. На допросах арестованных применялись даже пытки. Был изобретен допрос конвеером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвеер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем ни ночью.

Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине шевелятся змеи.

От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвеером продолжался 13 суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой. Не видя конца этому допросу, я надумал напугать чекистов. Потребовал вызвать начальника Секретного отдела ГПУ и, когда он пришел, сказал, что подпишу все, что они хотят, кроме разве покушения на убийство Сталина. Заявил о прекращении голодовки и просил прислать мне обед.

Я предполагал перерезать себе височную артерию, приставив к виску нож и сильно ударив по головке его. Для остановки кровотечения нужно было бы перевязать височную артерию, что невозможно в ГПУ, меня пришлось бы отвезти в больницу или хирургическую клинику. Это вызвало бы большой скандал в Ташкенте.

Очередной чекист сидел с другой стороны стола.

Когда принесли обед, я незаметно ощупал тупое лезвие столового ножа и убедился, что височной артерии перерезать им не удастся. Тогда я вскочил и, быстро отбежав на середину комнаты, начал пилить себе горло ножом. Но и кожу разрезать не мог.

Чекист, как кошка, бросился на меня, вырвал нож и ударил кулаком в грудь. Меня отвели в другую комнату и предложили поспать на голом столе с пачкой газет под головой вместо подушки. Несмотря на пережитое тяжкое потрясение, я все-таки заснул и не помню, долго ли спал.

Меня уже ожидал начальник Секретного отдела ГПУ, чтобы я подписал сочиненную им ложь о моем шпионаже. Я только посмеялся над этим требованием.

Потерпев фиаско со своим двухнедельным конвеером, меня возвратили в подвал ГПУ. Я был совершенно обессилен голодовкой и конвеером, и, когда нас выпустили в уборную, я упал в обморок на грязный и мокрый пол. В камеру меня принесли на руках. На другой день меня перевезли на "черном вороне" в центральную областную тюрьму. В ней я пробыл около восьми месяцев в тяжелых условиях.

Большая камера наша была до отказа наполнена заключенными, которые лежали на трехэтажных нарах и на каменном полу в промежутке между ними. К параше, стоявшей в углу около входной двери, я должен был пробираться по ночам через всю камеру между лежавшими на полу людьми, спотыкаясь и падая на них.

Передачи были запрещены, и нас кормили крайне плохо. До сих пор помню обед на праздник Пресвятой Богородицы — Благовещения, состоявший из большого чана горячей воды, в которой было разболтано очень немного гречневой крупы.

Не помню, по какому поводу я попал в тюремную больницу. Там с Божией помощью мне удалось спасти жизнь молодому жулику, тяжело больному. Я видел, что молодой тюремный врач совсем не понимает его болезни. Я сам исследовал его и нашел абсцесс селезенки. Мне удалось добиться согласия тюремного врача послать этого больного в клинику, в которой работал мой ученик доктор Ротенберг. Я написал ему, что и как найдет он при операции, и Ротенберг позже мне писал, что дословно подтвердилось все, написанное в моем письме.

Жизнь жулика была спасена, и долго еще после этого на наших прогулках в тюрьме во дворе меня громко приветствовали с третьего этажа уголовные заключенные и благодарили за спасение жизни жулика.

К сожалению, я забыл многое пережитое в областной тюрьме. Помню только, что меня приводили на новые допросы в ГПУ и усиленно добивались признания в каком-то шпионаже. Был повторен допрос конвеером, при котором однажды проводивший его чекист заснул. Вошел начальник Секретного отдела и разбудил его. Попавший в беду чекист, прежде бывший очень вежливый со мной, стал бить меня по ногам моим своей ногой, обутой в кожаный сапог. Вскоре после этого, когда я уже был измучен конвеерным допросом и сидел низко опустив голову, я увидел, что против меня стояли три главных чекиста и наблюдали за мной. По их приказу меня повели в подвал ГПУ и посадили в очень тесную камеру. Конвойные солдаты, переодевая меня, увидели очень большие кровоподтеки и спросили, откуда они взялись. Я ответил, что это бил меня своими ногами какой-то

чекист. В камере меня мучили несколько дней в очень тяжелых условиях.

Позже я узнал, что результаты моего первого допроса о шпионаже, сообщенные в Московское ГПУ, были признаны негодными и приказано было произвести новое следствие. Видимо, этим объясняется мое долгое заключение в областной тюрьме и второй допрос конвеером.

Хотя и это второе следствие осталось безрезультатным, меня все-таки послали в третью ссылку в Сибирь на три года.

Третья ссылка

Везли меня на этот раз уже не через Москву, а через Алма-Ату в Новосибирск. По дороге до Красноярска меня очень подло обокрали жулики в вагоне. На глазах всех заключенных ко мне подсел молодой жулик, сын ленинградского прокурора, и долго "заговаривал мне зубы", пока за его спиной два жулика опустошали мой чемодан.

В Красноярске нас недолго продержали в какой-то пересылочной тюрьме на окраине города и оттуда отвезли в село Большая Мурта, около 130 верст от Красноярска. Там я первое время бедствовал без постоянной квартиры, но довольно скоро дали мне комнату при районной больнице и предоставили работу в ней вместе с тамошним врачом и его женой, тоже врачом. Позже они говорили мне, что я едва ходил от слабости, и они считали меня дряхлым стариком. Однако я довольно скоро окреп и развил большую хирургическую работу в муртинской больнице.

Из Ташкента мне прислали очень много историй болезней из гнойного отделения ташкентской больницы, и я имел возможность, благодаря этому, написать много глав своей книги "Очерки гнойной хирургии".

Неожиданно вызвали меня в Муртинское ГПУ и объявили мне, что мне разрешено ехать в г. Томск для работы в тамошней очень обширной библиотеке медицинского факультета. Можно думать, что это было результатом посланной мной из ташкентской тюрьмы маршалу Клименту Ворошилову просьбы дать мне возможность закончить свою работу по гнойной хирургии, очень необходимую для военно-полевой хирургии.

В Томске я отлично устроился на квартире, которую мне предоставила одна глубоко верующая женщина. За два месяца я успел перечитать всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, французском и английском языках и сделал большие выписки из нее.

По возвращении из Томска в Большую Мурту вполне закончил свою большую книгу "Очерки гнойной хирургии".

Наступило лето 1941 года, когда гитлеровские полчища, покончив с западными странами, вторглись в пределы СССР. В конце июля прилетел на самолете в Большую Мурту главный хирург Красноярского края и просил меня лететь вместе с ним в Красноярск, где я был назначен главным хирургом эвакогоспиталя 15—15. Этот госпиталь был расположен в трех этажах большого здания, прежде занятого школой. В нем я проработал не менее двух лет, и воспоминания об этой работе остались у меня светлые и радостные.

Раненые солдаты и офицеры очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами.

Приехавший в наш госпиталь профессор Приоров, инспектор всех эвакогоспиталей, говорил мне, что ни в одном из очень многих госпиталей, которые он объезжал, он не видел таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у меня.

В конце войны я написал небольшую книгу "О поздних операциях при инфицированных ранениях больших суставов", которую представили на соискание Сталинской премии вместе с большой книгой "Очерки гнойной хирургии".

По окончании работы в эвакогоспитале 15—15 я получил за работу в нем благодарственную грамоту Западно-Сибирского военного округа, а по окончании войны был награжден медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.".

Священный Синод при Местоблюстителе Патриаршего престола Митрополите Сергии приравнял мое лечение раненых к доблестному Архиерейскому служению и возвел меня в чин Архиепископа.

В Красноярске я совмещал лечение раненых с Архиерейским служением в Красноярской епархии и во все воскресные и праздничные дни ходил далеко за

город в маленькую кладбищенскую церковь, так как другой церкви в Красноярске не было. Ходить я должен был по такой грязи, что однажды на полдороге ввяз и упал в грязь и должен был вернуться домой.

Служение архиерейским чином было невозможным, так как при мне не было никого, кроме старика-священника, и я ограничивался только усердной проповедью слова Божия.

По окончании моей ссылки в 1943 году я возвратился в Москву, был назначен в Тамбов, в области которого до революции было 110 церквей, а я застал только две: в Тамбове и Мичуринске. Имея много свободного времени, я и в Тамбове около двух лет совмещал церковное служение с работой в госпитале для раненых.

В 1946 году я получил Сталинскую премию 1-й степени за мои "Очерки гнойной хирургии" и "Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов".

В мае 1946 года я был переведен на должность Архиепископа Симферопольского и Крымского.

Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с букетами цветов, но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете 26 мая 1946 года.

"Воспоминания" были продиктованы секретарю полностью ослепшим Архиепископом Лукой в 1958 году в Симферополе. Архиепископ Лука умер 11 июня 1961 года и похоронен в Симферополе, где занимал кафедру в течение 15 лет.

Памяти архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)

(1877–1961)

Каждый из клириков нашей Церкви считал большой честью иметь общение с Архиепископом Лукой, получить его благословение, совершить вместе с ним Божественную литургию.

Мне хотелось бы поделиться воспоминаниями о встрече с Владыкой, происшедшей в Алуште по счастливому для меня обстоятельству.

В 1958 году для участия в архиерейской хиротонии в г. Одессе был назначен ныне покойный Епископ Кировоградский Иннокентий, которого я сопровождал в Одессу как епархиальный секретарь. Служение Божественной литургии возглавлял Святейший Патриарх Алексий.

В тот же день Святейший Патриарх направил Епископа Иннокентия в г. Симферополь по церковным делам к Архиепископу Луке. Нам уже было известно, что Владыка Лука, не видевший до того одним глазом, ослеп и на второй глаз.

В Симферополь мы приехали нашей епархиальной машиной утром следующего дня – накануне праздника Преображения Господня. Владыку дома мы не застали: он находился на маленькой даче, которую снимал в городе Алуште. В архиерейском доме нам предложили подкрепиться стаканом чая. Преосвященный Лука занимал на втором этаже весьма скромную квартиру, состоявшую из двух небольших комнат. В одной комнате помещалась архиерейская келья, во второй, служившей приемной, столовой и кабинетом, все стены от пола до потолка были заняты полками с книгами – личной библиотекой Архиепископа.

После чая мы отправились в Алушту, где за городом на берегу моря находился небольшой домик, в котором проводил летнее время Владыка Лука. Квартирка его и здесь состояла из двух небольших комнат. Помнится, скромные обед и ужин были поданы под открытым небом в небольшом палисадничке. Архиепископ Лука жил в Алуште с одним обслуживающим его человеком. Его епархиальный секретарь приезжал с докладом через день. Владыка с тщательностью вникал во все епархиальные дела. Мы присутствовали во время такого доклада и удивлялись памяти и осведомленности Преосвященного Луки, его практической сметке и необыкновенному умению принимать правильное решение.

Мы сразу отметили, что Архиепископ Лука ходил по своей квартире, домику и палисаднику без палки. Он сам брал нужные ему вещи, переставлял тарелки, набирал себе кушанье, брал с полок нужные ему книги и т. д. Он подробно расспрашивал Владыку Иннокентия о Кировоградской епархии, о нашем путешествии в Одессу, о служении Святейшего Патриарха и о состоявшейся хиротонии.

Живя в Алуште, Владыка Лука больных уже не принимал. Как врач он был тонким диагностом и точно определял исход болезни. Нам рассказывали, что местные поликлиники весьма тяжелых больных иногда направляли для врачебного диагноза к слепому профессору – Архиепископу Луке. Однажды родители привели к Владыке больного сына. Владыка, ощупав его, безошибочно определил его болезнь и потом

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

попросил вывести его из комнаты, подозвав родителей, сказал им: "Уповайте на Господа, должен вам сказать правду: не пройдет и десяти дней, как сын ваш отойдет от вас в небесные обители". Все случилось так, как предсказал Владыка Лука.

Вечером 18 августа мы отправились ко всенощному бдению в храм г. Алушты. Была устроена торжественная встреча двум Преосвященным Архиереям. Владыку Луку не вели под руку. Он, по-видимому, ориентировался по звуку шагов Епископа Иннокентия. Приняв от настоятеля святой крест, Архиепископ Лука дал его для лобзания Преосвященному Иннокентию, а потом нам, клирикам.

Началась торжественная всенощная. Светильничные молитвы читал Владыка Лука вполголоса на память, хотя перед ним и держали служебник, по которому он время от времени водил пальцами. На литию выходил Епископ Иннокентий, а на полиелей – оба Архиерея. Каждение всего храма совершал Архиепископ Лука, поддерживаемый на ступеньках и на некоторых поворотах в храме иподиаконами. Праздничное Евангелие также читал Владыка Лука, читал без единой ошибки, время от времени водя пальцами по тексту, который был не выпуклым, как печатают книги для слепых, а обыкновенным. Освященным елеем помазывал Епископ Иннокентий, но клириков помазывал Архиепископ Лука: к каждому он слегка прикасался и точно помазывал посредине чела.

За всенощной Преосвященный Лука внимал каждому слову, каждому песнопению. Он весь уходил в молитву и духом предстоял не на земле, а на Небе у Престола Божия.

Утром Архипастыри прибыли в храм для служения Божественной литургии. Церковь была наполнена верующими, среди которых было много курортников. Как и накануне, Владыка Лука сам, без посторонней помощи, вышел из машины и направился к входу в храм. Он твердо ступал по постеленной ему дорожке, затем слушал и читал входные молитвы, прикладывался к иконам. Кто не знал о слепоте Владыки, тот не мог бы и подумать, что совершающий Божественную литургию Архипастырь слеп на оба глаза. Архиепископ Лука касался осторожно рукою дискоса, правильно благословлял Святые Дары при их пресуществлении, не задевал их ни рукой, ни облачением. Все тайные молитвы Владыка читал на память и только в двух случаях поводил пальцем по тексту служебника. Владыка причастился сам и причастил клириков. Мы смотрели на все это, как на проявление Божиего водительства, *умудряющего и слепцы.*

Архиепископ Лука сам сложил святой антиминс и закончил служение литургии. Перед отпустом он вышел для произнесения проповеди. Весь храм замер в ожидании. И вот раскрылись уста проповедника. Рассказав историю праздника Преображения Господня, Преосвященный Лука говорил далее о озарении верующего человека Божественным Светом, подобным Фаворскому. Архипастырь подчеркивал, что верующий человек, преданный Господу и любящий Его, никогда не может быть слепым, ибо он озаряется особенным Божиим Светом, дающим ему особое зрение, особую радость в Господе Иисусе Христе. Свою проповедь Архиепископ Лука подкреплял текстами Священного Писания, называя отдельные книги, главы и стихи, которые читал настоятель храма, стоявший рядом с Владыкой. Каждое слово проповедника исходило из глубины его убеждения, глубокой веры и преданности Воле Божией. Со всех сторон храма доносились плач и тихие рыдания. Слова Архипастыря падали, как спелые зерна, и глубоко проникали в сердца слушателей. Каждый чувствовал себя обновленным после проповеди такой силы духа и веры.

Мы находились в Алуште у Архиепископа Луки еще один день – 20 августа, после чего наше пребывание у гостеприимного хозяина в Алуште закончилось.

Протоиерей Евгений ВОРШЕВСКИЙ,
г. Черкассы

Так был инспектирован ослепший Архиепископ Лука, после чего он еще три года управлял Симферопольской епархией.

1922 год. Постановили: обобрать и расстрелять (По архивам КГБ и ЦК КПСС)

ВОКЗАЛ

С утра 7 мая 1922 года сияло солнце, отчего московская грязь и нищенские одежды простолюдинов стали заметнее. Как, впрочем, и глянец хромовых сапог ответственных служащих, комиссарских автомобилей и красноармейских штыков.

В помещении Ярославского вокзала, что на Каланчевской площади, возле кассы лежал прикрытый рогожей труп умершего от истощения мальчика. Возле выхода на перрон, под первомайским плакатом сидела девочка — ее тоже через час-другой придется накрыть рогожей. Булочка, которую ей подали, выпала из исхудавших донéльзя ручонок. Девочка пытается что-то шептать, уставившись неподвижным взглядом на уже ненужную ей булочку. Молится, что ли?

По вокзалу бродит тощий старик, баюкая на руках больного тифом ребенка и выпрашивая подаяние.

— Ходят тут, заражают,— негодует добротно одетый обыватель с портфелем.

— Зачем вы все в Москву едете, мы же посылаем на места продовольствие? — сетует другой обыватель, посердобольнее, но, судя по одежде, тоже из ответственных.

— Мы из Уфы, мы ничего не получаем,— шамкает губами обезумевший от горя и голода старик.

Члена РКП (партбилет № 229607, партячейка фабрики Мусси) Кудрявцеву, прибывшую на Ярославский вокзал для покупки железнодорожного билета, возмутила картина нищеты и беспорядка в многолюдном городе, являющемся средоточием коммунистических идей. Возвратясь домой и продолжая пылать партийным гневом, Кудрявцева засела за письмо секретарю ЦК РКП(б) товарищу Молотову. Изобразив в первых же строчках неприглядную картину советского вокзала, она выдвинула требование наказать тех, "кто за это должен отвечать". Конечно, подразумевались не коммунистические вожди, с чьего попустительства всю необъятную Россию охватил невиданный доселе голод, уже унесший более миллиона жизней, а мелкие служащие, не изловчившиеся создать видимость порядка на Каланчевке. Наказать же их член партии № 229607 требовала... за контрреволюционную агитацию, так как "приезжие разносят все это по городу, по деревням и окраинам — они очевидцы этого ужаса. Враги нашей партии с жадностью хватаются за все это".

Страна вымирала от голода, а Кудрявцеву интересовало одно — как бы "враги" не проведали об этом.

ЗАВОД

Рабочие завода Гужон надеялись, что хотя бы к Первомаю получат уже два месяца задерживаемую зарплату. Увы, краснознаменный праздник трудящихся прошел с пустым карманом и животом. Когда сегодня вдруг оторвали от работы, все гадали: паек привезли или деньги? И каково же было огорчение, когда поняли, что их согнали на митинг. Заводская столовая, раз в сутки поддерживавшая в них жизнь, была увешана плакатами, уже примелькавшимися на московских улицах:

"Церковное золото — голодающим".

"Голодающим детям Поволжья церковный народ должен во имя Христа дать хлеб, а не камень".

"Пусть службы совершаются в деревянных чашах и холщевых ризах, как в старину!"

Лектор, поднявшись из-за покрытого кумачом стола, облепленного партийными активистами, сорванным до хрипоты голосом принялся выплескивать "в массы" затверженные на инструктаже в комиссии по антирелигиозной пропаганде фразы:

— Товарищи рабочие! Церкви, где произносятся слова о любви к ближнему, полны золота и серебра. Их нес туда купец-толстопуз, фабрикант, дворянин и помещик, наживавшиеся на эксплуатации трудящихся. Где сейчас эти ценности?.. Рабоче-крестьянским правительством они переданы, как сказано в декрете об отделении Церкви от государства, во временное пользование группам верующих. И вот два месяца назад, когда стоны голодающих разнеслись по всей России, решено было отдать им церковное золото...

— Нам самим жрать нечего,— перебил лектора звонкий голос.— Если зарплату сегодня не дадите — бастуем.

Угрюмое море рабочих вдруг ожило, заволновалось, отчаяние и гнев выплеснулись наружу:

— Паек почему сократили?!

— Ребята, да может, они наши денежки прокутили?!

— До Ленина дойдем, а свое получим!

— Товарищи рабочие! — Лектор вскинул ладошку, и люди немного приутихли, надеясь, что хоть сейчас он скажет что-нибудь путное.— Проявите сознательность и не перебивайте меня. Я же как раз и пытаюсь объяснить, кто виноват в отсутствии денег и продовольствия...

Вскóлыхнулись вновь, поняв, что толку от пришлого оратора не будет. Начался стихийный митинг, на котором постановили: бастовать, пока не будет денег...

Страна вымирала от голода, и рабочих интересовало одно — как прокормить свои семьи.

ХРАМ

Члены комиссии прямиком устремились к алтарю, к царским вратам, вход в которые всем мирянам, кроме императора, воспрещен.

Коленопреклоненный священник умолял не разорять храм, оставить святыни, без коих невозможно богослужение.

— Чашку пожалели,— пылая гневом, укорял батюшку безбожник,— а еще христианами называетесь. Да ведь эта чашка спасет жизни десяткам голодающих!

Спасет ли? Но почему же вы, комиссары, кто первый кричит о необходимости накормить голодающих, не отдаете реквизированные автомобили, огромные оклады, специальные пайки? Почему у вас прислуга, выезды на рубеж на лечение, бриллианты для комиссарш?..

Священник отказался помогать святотатцам — сами грабьте.

— Вы не подчиняетесь декрету! — злобятся каиновы дети.

— Я подчиняюсь Господу нашему Иисусу Христу,— отвечает священник.

В бездонные ящики сваливают и запрестольный крест, и дарохранительницу, священные сосуды. Драгоценная риза с Казанской иконы Божией Матери не влезает, молодой безбожник надавил ногой, смял ее (вошла!) и радостно сказал:

— Почитай, телега хлеба есть. А сколько таких "Матерей" по России — до коммунизма хватит прокормиться.

Прихожане пели:

— Дщи Вавилоня окаянная! Блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздалá еси нам...

И понимали слова псалмопевца на новый лад:

"Комиссаровы дети, опустошители! Блажен тот, кто воздаст вам за то, что вы сделали с нами и с нашим храмом..."

Страна вымирала от голода, и все теснее становилось в церквах, люди уповали только на Бога.

ГОХРАН

Все золото и серебро Церкви свозили в Москву, и оно оседало в Государственном хранилище. Документы о награбленном церковном имуществе пестрят однотипными записями: "Оценка предварительна и неточна".

Самые голодные губернии просили Москву разрешить оставить у себя хоть немного золотишка, чтобы как можно скорее купить на него хлеб и спасти умирающих. Ответ Центра был один: все в Москву, все в Гохран.

Часто прихожане предлагали выскрести из своих амбаров последние запасы зерна и отдать их властям, лишь бы их родному храму вернули реликвии. Но из Кремля, из комнаты № 54, где заседал президиум ЦК Помгол (Помощи голодающим), шли ворохи одинаковых телеграмм в губернские исполкомы: "Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима".

Со всей обнищавшей за три с половиной года коммунистического владычества России стекались в Гохран драгоценные ризы особо чтимых икон и украшенные бриллиантами старинные архиерейские митры, серебряные паникадила и подсвечники, золотые кресты и чаши. Святыни оценивались на вес, и организаторы грабежа ошиблись, надеясь припеваючи жить на вырученные деньги долгое время. Всего набралось на семь-восемь миллионов довоенных рублей. Меньше даже, чем 18 мая Политбюро выделило зампреду ГПУ Ульрихту: "Учитывая необходимость и важность существования секретной агентуры ГПУ, предложить Центральной бюджетной комиссии не сокращать кредита на секретные расходы и утвердить таковой в размере, испрошенном ГПУ, то есть 10 миллионов довоенных рублей".

А вожди все откусывают по лакомому кусочку от накопленного веками богатства православных россиян — то пять процентов от общей стоимости понадобилось "на срочные нужды Красной Армии", то Коминтерн поддержать надо, то полпреду дворец подавай.

Страна вымирала от голода, благодаря чему безбожные правители и церкви обобрали, и на Сухаревке "серебряным ломом" приторговывали.

ГОРОД ШУЯ

Уполномоченный Совнаркома по учету и сосредоточению церковных ценностей Троцкий еще 30 января в секретном послании рапортовал Председателю Совнаркому Ленину: "Изъятие ценностей из этих учреждений (церквей.— *М. В.*) является особой задачей, которая ныне подготавливается политически с разных сторон".

В феврале–марте тот же "уполномоченный" неоднократно берется за перо, чтобы раз за разом предлагать все более жестокие меры против Православия, чтобы наводнить все государство работниками "по вопросу церкви и расколу среди духовенства".

Поняв иезуитскую политику кремлевских вождей и предчувствуя, что верующих подталкивают к кровавым столкновениям с безбожниками, Патриарх Московский и всея России Тихон добился выступления в газете "Известия ВЦИК" с разъяснением позиции духовенства и призвал верующих к покорности, а коммунистов — к "должной осторожности" во время изъятия церковных ценностей.

К сожалению, кровавых стычек не удалось миновать. Одна из них произошла в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии.

13 марта, в понедельник, в шуйский соборный храм после богослужения прибыла уездная комиссия по изъятию ценностей и потребовала немедленно сдать для помощи голодающим церковную утварь из золота, серебра и драгоценных камней.

Толпа прихожан ответила укорами и выкриками:

— И не стыдно? Комиссары сами не идут, вас, дураков, на богохульное дело посылают, а вы — как послушное стадо.

— Ключи не дадим, Божия Матерь не допустит грабителей.

— Да вы думаете, они и вправду для голодающих берут? Все комиссарам на галифе пойдет.

Бабы, указывая на мальчишек, издали метнувших в комиссию несколько камней, укоряли мужиков:

— Постыдились бы, дети церковь защищают, а вы стоите. Взяли бы по колу и огрели нехристей.

Страсти накалялись, и комиссия подобру-поздорову убралась, почувствовав реальную угрозу. В среду же она явилась вновь, но уже с отрядом конной милиции.

С колокольни ударил набат. Рабочие и крестьяне окрестных деревень побросали дела и поспешили на соборную площадь. Угрозами, камнями и поленьями толпа отогнала конную милицию от храма. Тогда городские власти вызвали роту 146 пехотного полка. Солдаты рассыпчатым строем, с винтовками наизготовку двинулись на толпу, а люди с поленьями и кольями полезли на штыки. Рота дрогнула, четырех красноармейцев избили и отняли у них винтовки. Но тут прибыли два автомобиля с пулеметами и дали очередь по взбунтовавшейся толпе. Четверых убили, десятерых тяжело ранили — толпа рассеялась. К вечеру были произведены аресты прихожан, наиболее громко заступавшихся за свой храм... Комиссия по изъятию набрала в Шуйском храме три с половиной пуда серебра.

О событиях в Шуе узнал тяжелобольной Ленин и возрадовался, что подоспел случай, благодаря которому можно ринуться в бой и отнять лавры победителя Православия у энергичного Троцкого. 19 марта он диктует для членов Политбюро человеконенавистническое иезуитское письмо, изобилующее повторами, суть которых: "теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей", подвернулся хороший повод обобрать Церковь и перестрелять духовенство...

Страна вымирала от голода, а для первых людей государства это несчастье оказалось лишь поводом для новой серии казней.

ПОЛИТБЮРО

На очередном заседании 22 марта 1922 года полуграмотные диктаторы, теперь вдруг ставшие знатоками во всех науках и ознакомившиеся накануне со способом уничтожения Православия, предложенным в письме Ленина, и очередной порцией тезисов Троцкого, постановили:

"1. Арест Синода и Патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10—15 дней.

2. Данные о Шуе опубликовать, виновных шуйских попов и мирян — трибуналу в недельный срок (коноводов — расстрелять).

3. В течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких немало).

4. С момента опубликования о Шуе печати взять бешеный ток, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.

5. После этого арестовать Синод.

6. Приступить к изъятию во всей стране, совершенно не занимаясь церквами, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей".

Все располагало властелинов к даль-

нейшей безмятежной работе: за дверями — охрана, на кремлевских стенах — охрана, по всей стране — охрана, преданная благодаря особому, полнокровному пайку, вопрос о повышении которого постоянно поднимался на заседаниях Политбюро.

Страна вымирала от голода, а члены Политбюро вырабатывали план очередной антихристианской кампании.

РЕВТРИБУНАЛ

В переполненной аудитории Политехнического музея заседает Московский революционный трибунал по "делу 54-х". Судят духовенство и мирян, оказавших якобы сопротивление при изъятии церковных ценностей из московских храмов. Вернее, не судят, а делают вид, что судят, так как накануне получена директива от заседавшего 4 мая Политбюро: "Применить к попам высшую меру наказания".

Допрашивают окруженного латышскими стрелками патриаршего эконома, который нелестно высказался в адрес членов "комиссии по изъятию" и, разоблачившись, ушел, не желая смотреть, как оскверняют алтарь.

— Ваши политические убеждения? — сонно спрашивает председатель Бек.

— Я по убеждению монархист,— в простоте отвечает богатырского сложения добродушный монах.

— К партии монархистов принадлежите?

— Я беспартийный — служитель престола.

— Как же вы — монархист, когда монарха нет? Ведь Апостол Павел говорит: повинуйся существующей власти.

— Я и повинуюсь: живу смирно, как все смертные, власти не касаюсь.

— Где вы служите?

— Был штатным священником Первой Донской казачьей бригады. Теперь служу в домовой церкви Патриаршего подворья.

— Это вы там оскорбили комиссию?

— Да, я назвал их грабителями и насильниками. Я служитель престола, и мне очень тяжело, когда отбирают священные предметы.

Отца Макария, как "подтвердившего свою непримиримость на суде", вместе с еще четырьмя священнослужителями расстреляли во второй половине мая, о чем поспешили уведомить богобоязненную московскую публику...

Страна вымирала не только от голода,

ПАТРИАРХ

6 мая, на следующий день после многочасового допроса в Ревтрибунале, в субботу третьей недели по Пасхе, в шесть часов пополудни, когда в московских храмах благовестили к всенощной, отряд красноармейцев появился на Троицком подворье и объявил Святейшему Патриарху Тихону, что отныне он находится под домашним арестом.

7 мая московские газеты неистовствовали:

"Патриарх и его штаб — организаторы и руководители обширного контрреволюционного заговора".

"Смиренный Тихон оказался довольно искусным конспиративным обер-организатором, дергавшим через сеть своей архиерейской агентуры придурковатых и хитрых, умных и глупых, но в равной степени жадных "обыкновенных" попиков".

"Всему бывает предел. Пусть скорее будет положен предел тихоновским делам".

9 мая Патриарха Московского и всея России Тихона отконвоировали к начальнику Секретного отдела ГПУ Самсонову. Поздно ночью Святейший вернулся с Лубянки.

— Как там? — спросил измученный долгим ожиданием келейник.

— Уж очень строго допрашивали.

— А что же вам будет?

— Голову обещали срубить,— с обычным добродушием, хоть и печально ответил Святейший.

13 мая, в субботу четвертой недели по Пасхе, житель Москвы Никита Окунев отметил в своем дневнике:

"Пошел сегодня за всенощную на Патриаршее подворье. Прекрасная, "правильная" служба, как в небольшом монастыре незабвенного старого обихода. Служил простой иеромонах с одним иеродиаконом, но на правом клиросе звучное и умелое пение любителей церковного пения обоего пола, по-видимому, из духовного звания (поют и вместе с тем молятся), на левом — знаменитейший чтец, молодой человек с редким по красоте голосом и изумительной дикцией. Когда ему приходилось петь, ему вторит подворский патриарший архидиакон Автоном, не ахти какой басище, но певец складный и умеющий. В общем, очень хорошо, но и очень грустно. В алтаре всю всенощную стоял сам Патриарх, как простой богомолец. Его можно было видеть, став за левым клиросом, в те моменты, когда открывались Царские Врата. Он стоял направо, в сторонке от Престола, в простой рясе и без парамана. Так вот он и на суде предстал "высокий и стройный". Грустно было смотреть на

такое, может быть, и любезное его сердцу, но теперь, безусловно, вынужденное смирение главы Российской Церкви. А паства? "Боголюбивая" Москва, где же она? Отчего она не потянулась в эти дни именно сюда, в этот уютный и скромный храм, в этот русский Ватикан? Ведь все знают, все читают, что на Патриарха спущена вся свора спецов по богохульству. Все смутно ждут крайнего утеснения Святейшего отца. Ясно, что ему подготавливают всякие поношения и лишения, вплоть до "высшей меры наказания". Так чего же не шли взглянуть на Патриарха в такие черные и тяжелые для него дни? Разве мало в Москве стариков и вообще почтенных людей, обязательно посещающих воскресные службы? Ну и шли бы или на трамвае ехали со своих плющих, хамовников, серпуховок, таганок, бутырок или грузин на Троицкое подворье. Шли хоть бы поочередно от каждого прихода по одному приличному пожилому человеку. Тем самым поспорили бы с неверующими, которые теперь очень кричат, да и не без основания, что кончено дело Церкви, распадается она, редеет, вырождается!

И какое бы утешение старику видеть, что не одни бабы иоаннистического типа пришли помолиться с ним (как это было сегодня за малым исключением), а сошлись еще человек триста старых богобоязненных москвичей. Он видел бы в этом сочувствие к себе со стороны верующих и явился бы на ожидаемый "суд неправедный" еще более "высоким и стройным" и, безусловно, праведным".

Страна вымирала, и дух ее слабел.

"МЫ МНОГОГО НЕ ЗНАЛИ..."

Этой фразой и поныне пользуются многие высокопоставленные лжецы, не желая держать ответ за свои темные деяния.

Нет, они знали. Тридцати верховным правителям советской страны ежедневно доставлялись информационные сводки ГПУ с перечнем событий по каждой губернии. И не только Ленин со Сталиным и Троцким, но и Бухарин с Зиновьевым и Каменевым, и революционеры рангом пониже отчетливо представляли себе бедственное положение некогда богатой России.

ГПУ информировало, что в мае 1922 года:

— в местах, где удалось припрятать семена, началась посевная кампания;

— хищения продуктовых грузов на железных дорогах участились;

— во многих городах продолжаются забастовки вследствие сокращения штатов;

— развивается бандитизм;

— усилилась пропаганда эсеров;

— настроение красноармейцев улучшается, когда вовремя выплачивается жалованье;

— настроение крестьян ухудшается вследствие голода;

— рабочие бастуют, требуя повышения тарифных ставок;

— среди заключенных в тюрьмах отмечаются случаи голодной смерти;

— рыночные цены с каждым днем возрастают;

— хищения леса принимают массовый характер;

— наблюдается массовый выход из партии коммунистов-крестьян;

— эпидемия сыпного тифа в Воронежской губернии, в Нижегородской — цинга и "куриная слепота", в Ярославской — холера;

— медикаментов нет;

— постоянная нехватка дензнаков;

— зарегистрированы случаи людоедства;

— губкомы проводят ликвидацию политической неграмотности;

— в уезды командированы ответственные товарищи для организации партшкол;

— состояние милиции неудовлетворительно, сильно развивается взяточничество;

— острая нехватка паровозов по всей стране;

— кооперативные цены выше рыночных;

— среди красноармейцев наблюдается стремление уехать по домам на полевые работы;

— население недовольно изъятием церковных ценностей...

Ясно понимая крах своей политики, будь то военный коммунизм или пресловутый НЭП, устроители российской вакханалии обвиняли в разрухе всех, кроме себя, и все чаще вспоминали революционный лозунг: расстрелять!

Страна вымирала...

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Благодатная помощь

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Господь Иисус Христос установил в Церкви семь Таинств, чтобы человек мог во всех важных случаях жизни прийти к Богу и получить благословение и благодатную помощь. Для врачевания телесных и душевных недугов установлено Таинство Елеосвящения. В нем через семикратную молитву священников и семикратное помазание больного освященным елеем подается от Господа исцеляющая благодать. И разумно поступает тот, кто в недугах прибегает именно ко Христу, к Тому, от Кого и жизнь, и здоровье, и радость; к Тому, без Чьей воли ни один волос не упадет с нашей головы.

Все доброе приходит от Бога, но только в том случае, если сам человек обратится к своему Творцу. И для получения исцеления в Таинстве Елеосвящения приходят не как в кабинет врача: дескать, врач знает свое дело, а мне нужно только повиноваться и ждать, когда наступит выздоровление. Нет, церковное Таинство — встреча с Богом, к которой нужно быть подготовленным. И поэтому Таинство Елеосвящения, кроме семи молитв, включает еще и семь апостольских и семь евангельских чтений, цель которых как бы открыть душу человека для принятия его Божественной благодати.

Первое евангельское чтение — это притча о добром самарянине. Он один только оказал милосердную помощь пострадавшему от разбойников путнику, подобрал его и привез в гостиницу. Добрый самарянин — это Сам Сын Божий, Господь Иисус Христос, Который Один только есть истинный Спаситель и Целитель страждущего человечества. Он сошел с Небес и Своею Крестной Жертвой спас от вечной погибели лежавший во грехах человеческий род. Но и возвратясь на Небеса, Он не оставил нас. Как самарянин в притче, уходя, дал деньги владельцу гостиницы и поручил ему ухаживать за больным, так и Господь установил священство и дал ему власть совершать Таинства для исцеления пораженных грехом и страждущих людей. Поэтому и слышим в первом апостольском чтении Таинства Елеосвящения: *Болен ли кто из вас? пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне, молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 14—15). Третье евангельское чтение Таинства напоминает, что еще при земной жизни Господа святые апостолы по Его благословению помазали недужных маслом, и те получали исцеление.

И вот, мы тоже приступаем к Таинству Елеосвящения. Хотим, чтобы Господь вошел в дом нашей души и исцелил нас. С каким же расположением души надо приступить к этому Таинству? Об этом — второе евангельское чтение. Грешный мытарь, Закхей, тоже хотел, чтобы Господь вошел в его дом. И вот что он говорит: *Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк. 19, 8). И только после этого он услышал: *Ныне пришло спасение дому сему* (ст. 9). Закхей принес покаяние и дал обет. И получил благодать. Во второй молитве Таинства благодать Божия призывается на человека, *познавша своя согрешения*. Вот и мы должны, осознав свою греховность, обратиться ко Господу с твердым желанием стать лучше, давая в душе, подобно Закхею, обет: полученные от Него силы и здоровье употреблять лишь на добрые, богоугодные дела, а если кого чем обидели, то — по возможности — загладить свою вину.

Апостольские чтения Таинства напоминают нам о грехах, которых надо избегать, и о добродетелях, к которым надо стремиться: о том, что все мы члены единого Тела Христова и в нас не должно быть ни зависти, ни гордости, ни превозношения; о том, что надо, как огня, беречься всякой нравственной скверны и стремиться к стяжанию любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия, веры, кротости, воздержания, что нужно помогать друг другу в духе кротости и носить тяготы друг друга.

Сколько же у нас согрешений против этих заповедей! Только малую часть неправоты своей мы видим, а многое и за грехи не считаем. Сколько зла мы посеяли вокруг себя вольно и невольно, в ведении и неведении! И результат этого — наши болезни и немощи. Но верим, что Господь все может простить и исцелит нас по молитвам Церкви. Наша вера не тщетна: неужели сотворивший человека не может исце-

лить его? Четвертое евангельское чтение рассказывает о том, как Господь зашел в дом святого апостола Петра, тещи которого лежала в болезни. Достаточно было одного прикосновения к ней Господа, и *горячка оставила ее; и она встала* (Мф. 8, 15).

Могущество Господне бесконечно. Столь же велика Его мудрость. Он видит душу человека и знает, как ее спасти. В четвертом евангельском чтении повествуется о том, как двое просили Иисуса Христа позволить пребывать с Ним. Но одного Он не благословил, а другому, напротив, не позволил и немного помедлить — не отпустил даже похоронить отца. Господь один знает, кому что спасительнее. Поэтому мы должны полностью, как дети, предаться мудрой воле Господней и смиренно принять то, что Он пошлет: одному — исцеление, другому — силу понести болезни; третьего, может быть, против грехи, вскоре призовет к Себе, в Царствие Небесное. Но что бы Господь ни послал, все будет бесконечной милостью к нам, многогрешным.

В пятом апостольском чтении Таинства — в Послании к Коринфянам святой апостол Павел, памятуя о смерти, говорит о своей чрезмерной скорби. Но мы не слышим ни ропота, ни малейшего сомнения в правоте суда Христова, а только — глубочайшую веру и смирение: *Мы... не надеялись остаться в живых... Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас...* (2 Кор. 1, 8—11). Тем более мы с вами должны осудить себя к смерти за наши бесчисленные грехи и смиренно ждать Божиего Суда. Ждать, как мудрые девы, которые надолго запаслись елеем терпения в ожидании грядущего Жениха; ждать, как хананеянка, которая не отошла от Христа даже тогда, когда Он долгим молчанием испытывал ее веру.

Мы должны осознавать свою греховность и недостоинство и сожалеть о них — и Христос не оставит нас, ибо Он сказал: *не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9, 12). И если крепка будет наша вера, то удостоимся благодатной помощи Господа Иисуса Христа, по слову святого апостола Павла: *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1 Фес. 5, 23). *Аминь.*

Священник Вячеслав РЕЗНИКОВ

В Неделю Святых Отец

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Возлюбленные во Христе, братья и сестры! В эти святые дни наши сердца наполнены торжеством. Мы слышим радостные слова: *Христос раждается прежде падший восставити образ...*

Пал первый человек, и угас в нем первоначальный образ Божий. Через вину одного человека вошел в мир грех, а за ним — смерть. Таким образом, из-за неразрывной связи греха и смерти смерть пришла в мир. *Якоже единем человеком грех в мир вниде, и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в нем же вси согрешиша* (Рим. 5, 12),— говорит Апостол Павел.

Человеческая греховность не временное или случайное состояние, подобное переживаемому настроению или приобретенной привычке, которую легко приобрести, и хотя трудно, но возможно искоренить. Греховность трактуется Священным Писанием как глубокая порча, растление человеческой природы, как влечение, непреодолимое и неискоренимое человеческими силами. Это выразил Апостол Павел, назвав силу греха *законом, сущим во удех* (Рим. 7, 23).

Зло, действительно, как закон, господствует над человеком в продолжение всей его жизни. Каждый получает склонность ко греху вместе с самим бытием, вместе с душою и плотью. Мы, по свидетельству Апостола, *чада гнева Божия по естеству* (Еф. 2, 3), то есть мы виновны пред Богом от дней юности прежде сознательной деятельности, по самому рождению. Нечист человек, *аще и един день житие его на земли* (Иов. 1, 5). Нечист, осквернен самый порог его жизни. *В беззаконии зачат есмь, и во гресе роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), замечает пророк Давид. Адам перенесением наказания, изгнанием из рая, трудами и скорбями земной жизни, самою смертию не загладил своего греха и не искупил своей вины. Он умер в изгнании, непримиренный с Богом, и, как родоначальник человечества, свой грех, свою виновность пред Богом и неминуемое наказание за грех

оставил в наследство своим потомкам.

Все мы получаем это прародительское наследие. Каждый рождается грешным и за свою прирожденную греховность — осужденным на болезни, смерть, скорби, на смерть временную и на смерть вечную. Отчего, спрашивает святитель Григорий Богослов, неурожаи, тлетворные ветры, град? Отчего порча в воздухе, болезни, землетрясения, волнения морей и небесные явления? И отвечает: "Тварь, созданная в наслаждение людям... обращается в наказание нечестивых, чтобы мы тем же самым, чем были почтены и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились и познали силу Божию в злостраданиях, когда не познали ее в благотворных действиях". Такова сила греха, определяющая не только нравственность человека, но и влияющая на окружающую его природу. *Растлеся земля пред Богом,*— свидетельствует бытописатель,— *и наполнися земля неправды. И виде Господь Бог землю, и бе растленна: яко растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 11—12). Но Господь любит человека и обещает ему послать избавление, которое придет от семени жены: *Семя жены сотрет главу змия* (Быт. 3, 15). С этого момента начинается домостроительство нашего спасения, и эти слова знаменуют *благую весть*. Никто из людей не мог избавить человечество от греха, проклятия и смерти, обновить мир, воссоздать Божественный образ в человеке, вернуть ему первоначальное состояние духовного здоровья и совершенства. Невозможное для людей возможно только Создателю. Дело спасения человечества взял на Себя и совершил Единородный Сын Божий. *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16).

Прежде чем послать в мир Искупителя, Бог терпеливо готовит к этой встрече людей через избранных Патриархов, а затем Пророков. Мессия, предрекают избранники Божии, будет потомком и наследником царя Давида, но власть Его будет необыкновенная, превышающая власть земного царя. Сам Давид исповедует в Нем Владыку всех царей и народов (ср.: Пс. 71, 11), Сына Божия и Господа Своего (ср.: Пс. 11, 7—22) и воспевает Царство Его всемирное, непоколебимое и вечное (ср.: Пс. 71). Но такое высокое миросозерцание царя и пророка не было доступно еще народу, желавшему видеть в Мессии земного владыку, могущественного и победоносного, который несокрушимо утвердит престол Давида и покорит ему все народы земли. Израильский народ мечтал о земном владычестве и ожидал помощи от Мессии. Пророки стремились приблизить людей к истинному представлению о Нем, воспитать в народе веру в Него как в Царя царства духовного и благодатного, как в Искупителя мира и избавителя человеческого рода от власти греха, проклятия и смерти. Не со славою завоевателя, говорят Пророки, но с полнотою духовных даров воссядет Он на престоле Давида: *И дух Господа почиет на Нем, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух знания и страха Божия* (Ис. 11, 2). Пророки единодушно предвозвещают в Мессии устроителя благодатного царства на земле. Пророк Исаия называет Его *жезлом от корня Иессеева* (Ис. 11, 10), Иеремия — *отраслию Давида* (Иер. 33, 15), то есть Царем, во дни которого Иудея будет благоденствовать и Израиль будет жить безопасно. Пророк Михей проповедует в Нем Владыку Израилева (ср.: Мих. 5, 2), Захария — царя Сиона или горнего Иерусалима (ср.: Зах. 9, 9). А Пророк Даниил с точностью предсказывает время рождения Мессии — Христос явится через 490 лет после того, как иудеи получат царский указ, позволяющий восстановить Иерусалим (ср.: Дан, 9, 24). Предсказывая происхождение Мессии по плоти от Давида, Пророк Исаия торжественно возвещает рождение Мессии, превышающее законы естества — рождение от Девы (ср.: Ис. 7, 14). Когда иудейский царь Ахаз, окруженный сильными врагами, страшился падения престола Давида, тогда Пророк, по повелению Божию, утешал его, уверяя, что престол Давида не может пасть; ибо из его рода, по обетованию Божию, произойдет Мессия-Спаситель, и в исполнении этого обетования Бог явит великое чудо как знамение непреложности обетований: *Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7, 14), что значит "с нами Бог". Он не придет налагать иго плена и порабощения завоевателей; напротив, Он послан от Бога исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным свободу и заключенным исшествие на свет (ср.: Ис. 61, 1). Пророки изображают царство Мессии царством мира и любви, возвещают предопределение Бога о спасении людей, о искуплении Мессией всего человечества.

Встретим же, дорогие братья и сестры, с великой радостью и сердечностью имеющегося родиться в вертепе Господа нашего и Учителя: *Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите... Аминь.*

Протоиерей Александр КЛЕМЕНЕВ

О мощах угодников Божиих

Одно из самых тяжелых и соблазнительных переживаний последних лет для нас, верующих православных людей, связано с вскрытием мощей Божиих угодников.

События последнего времени потрясли тех из нас, кто мало разбирается в истинной церковной жизни, не знаком с опытом святых отцов. Поэтому я хочу рассмотреть этот вопрос на основании истинного святоотеческого учения Церкви, и если для многих неожиданностью были результаты вскрытия мощей, то, может быть, не меньшей неожиданностью будет для них услышать то, что я намерен сказать.

Многие считают, что мощи должны быть нетленными, то есть сохранять вид тела; если же этого на деле не оказывается, то говорят об обмане и это ложное мнение усиленно стараются нам навязать.

Слово "мощи" употреблено прежде всего в том же значении, что латинское reliel – реликвия, то есть оно означает просто "останки". Наше слово "мощи" происходит от корня "мощ", то есть мощи – это и есть кости, скелет, та внутренняя опора, на которой держится тело. В Требнике, книге, сопровождающей жизнь христианина от рождения до смерти, в разделе "Последование мертвенное мирских тел" слово "мощи" употребляется в смысле "останки":

Скончавшуся кому от православных, абие призывают сродницы его священника, иже пришел в дом, в нем же мощи усопшаго лежат, и возложив епитрахиль, и вложив филиам в кадильницу, кадит тело мертваго и предстоящих и начинает обычно: Благословен Бог наш... В конце отпевания, когда уносят покойника при пении *Святый Боже: и тако вземши мощи, отходим ко гробу...* И дальше: *и полагаются мощи во гробу, архиерей же или священник, взем персть лопатою, крест мещет верху мощей, глаголя: Господня земля и исполнение ея и вся живущие на ней. И по сем наливает верху мощей елей от кандила.*

В первые века христианства мощи святых мучеников почитались так же, как и теперь, но они вовсе не считались "нетленным телом" в нашем смысле. Это особенно понятно из того, что многие из них предавались зверям и даже сжигались.

Святитель Иоанн Златоуст, говоря о блаженном Вавиле: "Прошло много времени с погребения святого Вавилы, так что во гробе остались только кости", очевидно, не считал, что тело святого должно быть непременно нетленным. Подобные же указания мы находим в его "Слове о Маккавеях": "Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на окружающую присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу Небесного Света". Святой Амвросий Медиоланский говорит подобное же: "Дивно видеть, как тленное тело святых сотворяет чудеса".

Можно было бы привести свидетельства многих святых отцов, показывающие, что в Греческой Церкви никогда мощи не понимались как нетленное тело. Если же взять афонскую практику, то мы увидим и удивительную для нас картину. Там распространено мнение, что на каждого человека должны буквально распространяться слова: *Земля еси и в землю отыдеши.* Похоронив умершего инока, афонцы через некоторое время извлекают его из земли, чтобы посмотреть, истлело ли его тело. Если тело оказывается неповрежденным, считают, что этот человек был настолько грешен, что земля его не принимает. О нем начинают усиленно молиться, чтобы простил его Господь и чтобы земля его приняла. Таким образом, здесь не было никакой речи о нетлении тел. И мощи греческих святых, например Иоанна Златоуста,– это ведь просто части скелета.

Так было в Греческой Церкви. Но может быть, в нашей Русской Церкви учили по-другому. Вспомним снова о значении русского слова "мощи", происходящего от корня "мощ" (мощный, сильный). Вот что на основании изучения древних русских летописей говорит Е. Голубинский: "Правильное представление должно быть таково, что мощи святых иногда суть более или менее целые тела, иногда же одни кости. Самое название останков святых мощами означает, что предки наши разумели под ними по преимуществу кости, ибо слово "мощи" значит именно кости". В 1478 году в Москве, по случаю перестройки Успенского собора, открывали гробы митрополитов для досмотра их тел и в результате досмотра, пишется в одной летописи: "Иону цела суща обретоша, Фотея же цела суща не всего, единой ноги толико в теле, а Киприана всего истлевша, едины мощи". Совершенно ясно, что "едины мощи" значат одни кости. В 1667 году открыты были мощи преподобного Нила Столобенско-

го, и о них доносимо было митрополиту Новгородскому Питириму: "Гроб и тело его святое предадеся, а мощи святые его целы все"; ясно, что слова: "а мощи целы все" значат "а кости целы все". Е. Голубинский приводит слова преподобного Иосифа Волоцкого, который в своем "Просветителе" пишет о мощах: "Сия кости персть видятся и земля; но обаче бесам суть страшни, и слепых просвещают, у прокаженных и расслабленных всякие болезни уврачуют... аще узрим коего от святых, или кость от тела его, или персть от гроба его, то всечасно и свято имамы и со страхом поклоняемся и целуем любезно".

Конечно, все это не означает, что нет нетленных тел святых. Тела многих святых угодников сохранились или совсем в целости, или отчасти. Один из таких примеров, засвидетельствованный советской властью,— мощи ярославских чудотворцев. При вскрытии их был составлен акт, говорящий о том, что ярославские князья — Феодор, Давид и Константин "имеют сохранившееся тело, кости, хрящи и кожу в высохшем теле". И это не один, конечно, случай. В музее лежит нетленное тело святителя Иосафа Белгородского. В Чернигове покоятся мощи святителя Феодосия, у которого истлела только часть пятки. Мощи Тобольского митрополита Павла, сохраняющиеся в Киево-Печерской Лавре, также целы, но не считаются мощами святого угодника.

Если все это подытожить, становится ясно, что Церковь никогда не учила о мощах как о нетленных телах. Прославление мощей угодников совершается независимо от того, истлело или нет их тело. Святой прославляется за свою жизнь и за ту благодатную помощь, которую он оказывает людям и во время своей жизни, и после смерти. Мощи же — это останки святого человека, как сохранившиеся тела, так и кости и даже останки в виде праха и пепла. Так всегда учила Церковь.

Но в то же время были тенденции понимать под мощами именно нетленные тела.

Посмотрим, может быть, в самое последнее время появилось это новое учение о "нетлении" мощей? У всех на памяти открытие мощей преподобного Серафима Саровского. Для многих тогда было соблазнительным, что открыты были только кости. В Петрограде распространились слухи, что старец Серафим был вовсе не святой, что мощи открыты только по желанию Синода и Государя; рассказывали, что подлинные акты вскрытия мощей скрываются от народа. Эти слухи волновали общество, и покойный Петроградский митрополит Антоний (Вадковский; † 1912) принужден был выпустить послание, в котором говорил, что прославление мощей святых угодников совершается вовсе не потому, что они имеют нетленные тела, но за их святую жизнь. Это слово было важно потому, что оно, во-первых, произнесено было на весь мир и, во-вторых, касалось величайшего святого, свидетельство о святости которого оставили наши деды, память о котором жива, и поэтому не было никакого сомнения в его святости, в его подвигах, в силе его молитвы, в его помощи страждущим.

Надо сказать, что понятие "нетленные мощи" существовало уже в старину. Это кажется непонятным, если сопоставить его с только что приведенными рассуждениями. Очевидно, понятие "нетление" употреблялось в каком-то другом смысле, о чем говорит следующий пример. Воевода Суздальский в своем донесении Суздальскому архиепископу о досмотре гробницы Бориса Юрьевича говорит, что "кости целы", а затем тут же называет их "нетленными костями". Стало быть, слово "нетление" было применимо не к телу только, но и к костям, то есть к любым останкам, называемым мощами.

Когда Господь создавал человека, Он взял из земли персть и вдунул в нее дыхание жизни. Человека называют венцом творения, он "сотаинник Божественных Таин", говорит Григорий Богослов. Сначала был создан мир невидимый — твердь небесная, затем мир видимый, и тогда Господь сотворил человека, в котором соединил оба мира. Человек предназначен быть *ангелом во плоти*, как поется в тропаре Пророку Илии, и Церковь, воспевая святых угодников, говорит о них: "*Земнии ангели и небеснии человеки*. "Что Бог для души, то душа — для тела",— говорит Григорий Богослов, и если задачей человека является обожение, то обожение не только души, но и тела. "Человек должен из своего тела, как служебного (в отношении души),— продолжает святитель,— сделать его сослужащим Богу". У нас, людей, душа не может быть отделена от тела (она отделяется только Божиим повелением, когда мы умираем, и то только на время), и если душа человека свята, то и тело его свято.

Существует и другой взгляд на тело, ярко выраженный в завещании Л. Н. Толстого, который называет свое тело "противной и ненужной вещью", которую надо поскорее убрать, чтобы она не мешала другим жить: "Я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко

мне церковных служителей и мертвое тело мое убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым".

По учению же Православной Церкви, тело не только не является "противной и ненужной вещью", но является необходимым для нашего спасения. Для нас, верующих, процесс обожения души есть вместе с тем и процесс обожения тела, ибо мы с телом спасаемся, и Григорий Богослов говорит, что душа вступит в горний мир "вместе с плотию", соделавшись с нею единым духом, умом и богом", богом — в смысле обожения. Христос открыл нам путь к обожению, только идите по нему, дело за вами.

Что же такое плоть, или тело? В христианском учении есть три понимания плоти: 1) плоть безгрешная, святая, создание Божие, та Плоть, о которой сказано: *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 13) и которая во Христе так освятилась, что Спаситель говорит: *Ядый Мою Плоть... имать живот вечный* (Ин. 6, 54); "плоть", "плотский" — то есть греховный, противоположность "духу", "духовному"; наше тело, в котором соединяется и то и другое. Хотя наша плоть и является греховной, не надо забывать, что она создана Богом. Кто внимательно слушал панихиду, помнит эти слова: *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имеющую вида.* Это не о душе здесь говорится, а о теле, лежащем в гробу,— что оно создано по образу Божию. Если цель христианской жизни есть стяжание Духа Святого, то не для души только, но и для тела, как свидетельствуют своим опытом, своею жизнью святые угодники. Господь, пребывая в Теле, творил чудеса, воскрешал даже мертвых (сына Наинской вдовы, дочь Иаира), через Тело даже одежда Христова освящалась и делалась чудотворящей — только прикоснувшись к ней, исцелилась жена кровоточивая. Даже тень апостолов творила чудеса — те, на кого она падала, исцелялись от недугов. Вне тела мы не могли бы жить. Только по воле Божией рассекается на время естественный союз души с телом. Надо всегда помнить то, что говорит Апостол: *Не знаете ли, что тела́ ваши суть храмы живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6, 19—20).

По учению отцов Церкви, наше тело берет все то, чем живет душа, берет и грех, и добро, безобразие и святость. Святые отцы советуют винить в наших проступках не тело, а дух и душу, греховные помыслы, рождающиеся в душе. Зло начинается не с тела, а с души, и обратно — если душа стяжала Духа Святого, это передается телу и передается так, что освящается каждая часть его, каждая кость, каждый член. Вспомните благодарственные молитвы после Святого Причащения: *Паче же пройди во уды моя, во вся составы моя, во утробу, в сердце, попали терния всех моих согрешений... составы утверди с костьми вкупе, чувств просвяти простую пятерицу.*

Если так понимать назначение нашего тела — быть сосудом Духа Святого, то понятно, что значат для верующих могилы святых угодников Божиих — совсем не то же, что могила какого-нибудь великого человека. В могилах святых угодников скрыта благодать. Ибо вопрос стоит только так: или мы вовсе не верим в Бога и возможность одухотворения и освящения нашего существа, или же верим в стяжание Духа Святого всем нашим существом — тогда и тела святых угодников будут для нас святы. Если мы верим, что можем воспринять благодать Божию не только душой, но и телом, то для нас станут понятны слова святого Иоанна Златоуста: "Открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа". И тогда для нас эти кости, этот прах будут ценны не просто как останки дорогих людей, но как сосуды, полные благодати: *честныя мощи твоя, яко сосуд благодати полный, изливающий ее на приходящих...* (Из акафиста Преподобному Сергию). У Макария Египетского много говорится о том, что святые стяжали Духа Святого не только душой, но и телом.

Отсюда следует, что богослужение не является только собранием двух или трех во имя Божие. Это не так просто: вот мы собрались с вами и можем уже совершать богослужение. Центром богослужения является Евхаристия, но совершается она нередко скверными, гадкими, грешными людьми. Однако при этом мы верим, что Таинство действительно совершается, что действительно происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христову, которых мы причащаемся в Таинстве Евхаристии. Ведь мы часто только телом бываем в храме, мы, может быть, вовсе и не молимся, может быть, не молится и сам священник, совершающий Таинство, а между тем мы верим, что Таинство все-таки совершается.

Что же нам дает эту уверенность? Надо помнить, что Церковь есть прежде всего Церковь Небесная и, совершая Евхаристию, мы совершаем ее от лица всей Церкви — Небесной и земной, во имя святых, *подвигом добрым подвизавшихся на земли*, и прежде всего во имя Матери Божией. И священник, совершающий пресуществление Святых Даров, верит, что оно совершается не по его заслугам и молитвам, но от лица всей Небесной Церкви. *Приносим Ти словесную сию службу* (от имени) *о иже в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех и о всяком дусе праведном, в вере скончавшеся, изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии* — так священник молится от имени тех, к кому сам постоянно прибегает в молитвах.

По существу никаких Таинств в богослужении не может быть для тех, кто не верит в общение со святыми. Если у нас нет с ними общения, если мы отвергаем живых членов Тела Христова, то нет у нас и Самого Тела Христова, нет Церкви, нет Таинств. Конечно, есть у нас и теперь Божии избранники, они, может быть, находятся среди нас, но мы их не знаем: однако по их молитвам мы имеем полноту церковной жизни. Если для нас все это не слова только, то понятно, почему совершается и совершалась на мощах литургия еще в катакомбах и почему V Вселенский Собор закрепил этот обычай. Христиане верили, что святы не только души, но и тела угодников, и VII Вселенский Собор постановил, что без антиминса с частицею святых мощей не должна освящаться Церковь. Мощи святых угодников есть залог того, что они с нами совершают богослужение.

Наше тело не есть негодная вещь, но создано по образу Божию и может быть так же свято и нетленно, как и душа. В каноне ко святому Причащению мы читаем: *Оле страшного Таинства, оле Благоутробия Божия. Како брение Божественного Тела и Крови причащаюся и нетлением сотворяюся.* Здесь говорится о нетлении не только души, но и тела. Точно так же и крещение соделывает нетленным не только душу, но и тело.

Теперь, может быть, нам станет понятно, что значит выражение "нетленные мощи", "нетленные кости". А для человека, который отошел от Церкви, оно может являться соблазном точно так же, как соблазнительной может быть для многих молитва о целомудрии при совершении Таинства Брака,— ведь целомудрие не обязательно предполагает девство. Для человека церковного очевидно, что мы, имеющие тело, должны соделать его сослужащим Богу, и цель пришествия Христова — освящение не только души, но и тела, то есть восстановление в человеке образа Божия.

Когда *все сущие во гробех восстанут* (из Чина погребения), какова восстанет душа, таковым восстанет и тело. Если душа стала чище и лучше, тогда и тело освятится. Обычно же мы не так понимаем нетление тела, предполагая его до воскресения мертвых.

Священнослужитель при отпевании усопших молится: *Древле убо от несущих создавый мя и образом Твоим Божественным почтый, преступлением же заповеди, паки мя возвративый в землю, от нея же взят бых, но еже по подобию возведи, древнею добротою возобразится.*

Итак, Церковь установила почитание святых мощей, во-первых, потому, что они *сосуды полные благодати*, и, во-вторых, потому, что они залог того, что святые пребывают с нами не только душою, но и телом.

Протоиерей Алексий МЕЧЕВ

ТАИНСТВА И ТАЙНОДЕЙСТВИЯ

1. Школьное догматическое богословие содержит три основных положения учения о Таинствах. Первым, наиболее важным является определение самого Таинства: "Таинство есть священное действие, которое, под видимым образом, сообщает душе верующего истинную благодать Божию, будучи установлено Господом нашим, чрез Которого всякий из верующих получает Божественную благодать"[1]. Такого рода священнодействий имеется семь, причем "ни менее, ни более сего числа Таинств в Церкви не имеем"[2]. Наконец, третье: это число состоит из Таинств крещения, миропомазания, причащения, покаяния, священства, брака и елеосвящения. Если эти положения о таинствах являются исчерпывающими, а таковыми они мыслятся в школьном богословии, то из них явствует, что действие благодати Божией в Церкви ограничено этими священнодействиями, а следовательно все остальные священнодействия не имеют благодатного характера, то есть не сообщают верующим благодатных даров. Благодатная жизнь Церкви оказывается очень ограниченной: только в семи моментах — "ни больше, ни меньше" — проявляется благодать Божия, а вне этих моментов церковная жизнь оказывается вне прямого действия Духа Святого, через Которого подаются дары благодати. Хотя общее церковное сознание усвоило этот вывод из учения о Таинствах, что неизбежно сказалось на самой церковной жизни, догматическая мысль бьется в тисках этого учения. В той или иной мере современная догматическая мысль чувствует, что оно находится в скрытом противоречии с учением о Церкви, с самой церковной жизнью, не только древнего христианства, но даже современной. *И будет в последние дни, говорит Бог, изолию от Духа Моего на всякую плоть...* (Деян. 2,17). Основа жизни Церкви есть благодать: все, что в ней совершается, имеет благодатный характер, а все, что не имеет этого характера, ей, как благодатному организму, не принадлежит. Мы все получили *благодать на благодать*, которую Бог дает не мерою. *Каждому дается проявление Духа на пользу* (1 Кор. 12,7). Дух дышит, где хочет, и Таинства — проявления Духа в Церкви, но почему эти проявления Духа ограничены семью моментами? Дух дышит, где хочет, но если имеется только семь проявлений Его, то Он не дышит, где хочет, а только там, где определено.

2. Чувствуя недостаточность учения о Таинствах, современная догматическая мысль пытается выйти из школьного определения природы Таинств. Число семь больше не признается окончательным — "ни более, ни менее". Современная богословская мысль решительно отказывается признать, что ими исчерпывается благодатный характер священнодействий в Церкви. "Необходимо напомнить,— писал отец Сергий Булгаков,— что число семь не имеет окончательного характера, так как число тайнодействий (sacramentalia) гораздо более значительно. Например, имеется много освящений (храма, святой воды, особенно на день Богоявления, затем хлеба, всякого рода плодов); некогда отпевание и монашеское пострижение рассматривались как Таинства. Все эти последования, так же как многие другие, например освящение креста и икон, не отличаются от "семи Таинств", в том, что касается их активной силы, так как они также сообщают благодать Духа Святого, если соблюдены некоторые внешние формы. "Семь таинств" являются только наиболее значительными проявлениями сакраментальной власти, присущей Церкви"[3]. Этот сакраментальный характер отец Сергий Булгаков распространяет на все акты церковных священнодействий, но не ограничивая ими действия Духа.

Однако это количественное распространение Таинств далеко не решает вопроса о их природе. Так или иначе число семь принято церковным сознанием. В праве ли мы, вводя наряду с понятием "sacramenta" понятие "sacramentalia", различать их между собою по значительности проявления сакраментальной власти Церкви? Как понимать значительность проявления сакраментальной власти? Если это означает, что в одних случаях сообщается большая благодать, а в других меньшая, то не преступаем ли мы того, что нам дано? Бог дает благодать не мерою, а мы ее измеряем. Если это не так, то в чем именно выражается значительность

Таинств? Оставаясь при числе семь, не урезываем ли мы, как было показано, действия Духа в Церкви? Распространяя это число и включая в него все тайнодействия, не рискуем ли мы свести на нет различие между теми моментами, которые выдвинуло церковное сознание между всеми остальными священнодействиями, и тем самым [не рискуем ли] потерять в значительной степени само понятие Таинства? Такова как будто дилемма, которая стоит перед нами.

3. Отец Сергий Булгаков усматривал одно из самых существенных свойств Таинств в том, что в них соединяется видимая сторона с невидимой, внешняя форма с внутренним содержанием. В этом он всецело следовал митрополиту Макарию, который показывал это соединение видимого и невидимого для каждого Таинства в отдельности. Это несомненно верно. Бесспорно, что каждое Таинство имеет свою внешнюю форму, которая не есть нечто случайное, что могло быть и могло не быть, но входит в самую природу Таинств. Бесформенного Таинства быть не может, так как по своей природе ничто бесформенное не может быть священнодействием. Таинство крещения без погружения в воду перестает быть Таинством, так же как священство без возложения рук с молитвенным призывом не есть Таинство. Мы веруем, что *Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму* (Лк. 3,8). Бог может дать дары Духа помимо священнодействия, но Таинство обязательно заключает в себе священнодействие. Видимый, установленный Церковью знак заключает в себе невидимое, что составляет сущность Таинства. Тем не менее мы вправе спросить, является ли соединение невидимого и видимого в Таинстве существенною его особенностью, отличающей его от остальных церковных актов? Если мы признаем наряду с Таинствами еще ряд сакраментальных актов, то и в них также мы обязательно найдем соединение видимого и невидимого. В освящении крещенской воды невидимое заключено в видимом, как и в самом Таинстве крещения. Этого мало. Все в Церкви есть соединение видимого и невидимого. Если бы в Церкви было нечто только видимое без соединения с невидимым, то это означало бы существование в Церкви самостоятельной эмпирической природы. Сама Церковь есть соединение видимого и невидимого. В Евхаристическом собрании видимым образом выявляется вся полнота — невидимая — Церкви. Я уже имел случай указывать, что невидимая Церковь выражается полностью в видимой, а видимая содержит невидимую[4]. Признавая правильным, что в Таинстве всегда видимая сторона заключает невидимое содержание, мы не можем рассматривать это свойство как исключительно принадлежащее Таинствам. Это есть свойство Церкви, а потому и всего, что в ней совершается.

4. Митрополит Макарий считал Таинствами только священнодействия, соединяющие видимую форму с невидимым содержанием, которые установлены Господом. Отец Сергий Булгаков должен был внести сюда некоторую поправку. Он признавал, что среди Таинств надо отличать "евангельские Таинства" — крещение и Евхаристию — от остальных Таинств. Последние установлены не Христом, а Церковью на основании того, что содержится в Писании[5]. Положение митрополита Макария недоказуемо, и всякая попытка показать, что все семь Таинств установлены непосредственно Христом, заранее обречена на неудачу. Прежде всего потому, что первоначальная Церковь не содержала в раскрытом виде учения о Таинствах, а затем мы не имеем никакой возможности доказать существование в апостольское время Таинства брака и елеосвящения в том виде, в каком они определились позднее. Тем не менее положение митрополита Макария более приемлемо без поправки отца Сергия Булгакова. Христос установил не Таинства, а установил Церковь. Церковь, основанная Христом, не была пустой формой, которая впоследствии заполнилась тем или иным содержанием, а потому нет надобности доказывать, что часть из того, что в ней возникло, имеет непосредственное или посредственное отношение к словам Христа, а другое на них не основано. Это все равно что доказывать, признавая сотворение человека Богом, сотворение Им частей человеческого тела. Церковь установлена во всей своей полноте и заключала в себе все то, что в ней раскрылось. Все, что в Церкви существует, основано на воле Божией, открытой в Церкви и Церкви, все в конечном счете установлено Богом, так как то, что не имеет основания в воле Божией, Церкви не принадлежит. На этом основании было бы слишком поспешно и слишком рискованно делать заключение, что все, что в ней существует, установлено Богом. Прежде чем это утверждать, надо было бы предварительно доказать, что все, что в ней накопилось в течение ее исторического бытия, действительно установлено Церковью в соответствии с волей Божией. В исторической жизни в Церковь врывалась часто воля человеческая, как изнутри, так и извне.

Истинно церковно только то, что

несет в себе самой Церковь и что ею установлено по откровению воли Божией. Когда Христос установил Церковь на Тайной Вечери, то тем самым Он установил и Таинства. Если бы у нас даже не было никаких исторических данных относительно апостольского времени, то мы могли бы с максимальной уверенностью утверждать, что каждая основанная апостолами Церковь включала в себя Таинства. Там, где имелось Евхаристическое собрание, а без него нет Церкви, там совершались Таинства приема в Церковь, поставления и покаяния. Таинства неотделимы от Церкви, и они установлены Богом, как установлена Им Церковь. Однако это свойство принадлежит всему, что содержит в себе Церковь, а не только Таинствам. Если тайнодействия (sacramentalia) являются подлинно церковными, то и они в Церкви установлены Богом. Если они не установлены Богом, а человеческой волей, какова бы она ни была, они не являются церковными, они не принадлежат Церкви и выходят за ее границы. Исповедуя как непреложную истину установление Таинств Господом, мы этим еще не отделяем Таинств от тайнодействий и от всего, что подлинно церковно в самой Церкви.

5. По утверждению догматического богословия, Таинства, как мы уже видели, являются священнодействиями, через которые подаются дары Святого Духа. Можем ли мы утверждать, что Таинство всегда совершается, то есть дары Духа ниспосылаются, когда совершено установленное священнодействие полномочным лицом? Если Католическая Церковь вступила на этот путь, то Православная Церковь такого учения не знает. Таинство может не совершиться, несмотря на то что совершилось священнодействие, то есть видимая форма может оказаться без невидимого содержания. С течением времени в Церкви выработались условия возможности совершения каждого Таинства. Само существование правил совершения Таинств указывает, что в Церкви ставится вопрос о действительности Таинств. Священнодействие, совершенное с исполнением всех условий, рассматривается как канонически действительное. Эти условия относятся не только к священнодействию, но и к лицу, над которым оно совершается. Однако каноническая действительность не покрывает всецело вопроса о действительности Таинств. Мы знаем из истории Церкви, что священнодействие Таинства, правильное с точки зрения его канонической действительности, может быть отвергнуто Церковью как Таинство, а с другой стороны, священнодействие, канонически недействительное, так как не все правила были выполнены, может быть признано Церковью как Таинство. Мы больше всего имеем сведений относительно Таинств приема в Церковь и поставления. Канонические правила категорически требуют, чтобы поставления совершались в церковном собрании, явно и открыто для всех, тем не менее при известных обстоятельствах церковной жизни тайное поставление может быть признано как благодатное Таинство, несмотря на его каноническую недействительность. Поставления двоебрачных признаются канонически недействительными, но в некоторых случаях Церковь признавала такие поставления[6]. Если бы каноническая действительность или недействительность покрывала совершенно вопрос о действительности Таинств, то подобного рода случаи были бы невозможны. Таинство, совершенное с соблюдением всех канонических правил, должно было быть признаваемо всегда и при всех обстоятельствах действительным, а канонически неправильное — не действительным. Если этого всегда и при всех обстоятельствах не наблюдается, то это потому, что каноническая действительность есть только презумпция действительности Таинств. Она только предполагает, что видимая сторона, правильно совершенная, влечет за собою обычно внутреннее содержание. Таинство подлинно действительно, когда в нем сообщается благодать Духа, ради которой совершается Таинство. Наряду с канонической действительностью имеется благодатная действительность. По отношению к этой последней каноническая действительность имеет только инструментальное значение, но она не решает вопроса о его благодатной действительности. Признавая или отвергая канонически правильное или канонически неправильное Таинство, Церковь свидетельствует о его благодатной действительности или недействительности. Это происходит не в силу желания или нежелания церковного народа или его предстоятелей, не в порядке диспенсации существующих канонических правил со стороны церковной власти, а проистекает из констатирования самого факта ниспослания Богом благодатных даров. Канонические правила остаются правилами, но они при известных обстоятельствах в отдельном случае становятся излишними, если помимо них достигнуто в священнодействии то, ради чего совершается Таинство. Перед фактом ниспослания благодатных даров отпадает все остальное.

6. Вопрос о благодатной действительности Таинств, который не может быть элиминирован в настоящее время,

указывает, что священнодействие не исчерпывает всей сущности Таинства. Поэтому определение Таинства как священнодействия является неполным. Священнодействие составляет только один момент Таинства, именно тот, через который и в котором Церковь испрашивает о ниспослании благодатных даров. Само по себе оно не составляет Таинства без признания его благодатной действительности. Оно является Таинством, если в нем преподаны дары Духа, но оно не может быть Таинством, если этих даров нет. Признание Церковью совершенного священнодействия составляет второй момент, не менее важный, чем первый. В богословской науке имеется специальный термин для этого признания — рецепция. Этот термин может быть принят, если из него исключить какой бы то ни было правовой момент. Совершенное священнодействие должно быть рецептировано Церковью как благодатное. Рецепция совершенного священнодействия есть ее свидетельство о ниспослании благодатных даров, а не выявление человеческой воли в Церкви. Рецепируя или отвергая совершенное священнодействие, Церковь действует не в правовом порядке, подобно тому как представительные учреждения принимают или отвергают предложенный им проект закона. В благодатном порядке Церковь через откровение Духа свидетельствует о благодатном факте ниспослания даров, о которых она сама молится в священнодействии. Роль рецепции в церковной жизни первоначального и древнего христианства была исключительно большой. Упуская из виду этот фактор или недооценивая его, мы многое не поймем в современном устройстве нашей жизни. Значение рецепции при поставлениях, особенно при поставлении епископа, общеизвестно. Литургические следы ее сохранились и до наших дней. Не менее значительно значение рецепции и в Таинстве приема в Церковь, покаяния и брака. За совершением Таинств крещения и миропомазания следовал в Древней Церкви "поцелуй мира", как со стороны епископа, совершившего прием в Церковь, так и со стороны всех верных. Это было свидетельством того, что в Церкви родился ее новый член, которого Бог поставил в священное звание лаика. (Лаик — мирянин, рукоположенный в чтеца, иеродиакона.— *Ред.*) Только после этого он допускался к участию в Евхаристическом собрании. Как прием в Церковь, так и возвращение кающегося в общение сопровождалось свидетельством о том, что Бог через Церковь отпустил ему грехи, что вновь открывало ему доступ в Евхаристическое собрание. Брак совершался всегда до Евхаристии, непосредственно перед нею, и допущение сочетавшихся к Евхаристии как мужа и жены было свидетельством благодатного характера совершившегося Таинства.

7. В Церкви действует воля Божия, и в Церкви нет действования без откровения воли Божией. Церковь совершает прием новых членов, поставляет на церковные служения, возвращает в лоно Церкви тех, кто отпал от нее, сочетает браком вступающих в брачное сожитие, но все эти действования не являются выражением человеческой воли. Церковь поставляет в лаики и на другие церковные служения не тех, кто ей угоден в человеческом порядке, но тех, кто избран Богом. Если момент избрания имеется в поставлениях, то он означает не избрание в человеческом смысле, подобно тому как в греческих государствах-городах или в наших представительных учреждениях избираются должностные лица. В избрании Церковь ищет откровения воли Божией, она стремится распознать того, кто уже Богом предъизбран. *И иных Бог поставил в Церкви...* (1 Кор. 12,28). Это писал Апостол Павел, о котором Лука сообщает, что он поставлял в церкви, им основанные, пресвитеров. Он поставлял не тех, кто ему был угоден, но тех, кого сам Бог предъизбрал, как Он предъизбрал самого Апостола Павла от чрева матери его. Каждому церковному акту предшествовало откровение воли Божией, согласно с которой совершался этот акт. В первоначальной Церкви откровение воли Божией давалось через пророка, в чем заключалось его служение. Оно совершалось в церковном собрании, народ Божий принимал это откровение как истинное, а тем самым давал свое согласие — не в правовом смысле — на совершение того или иного церковного акта. Когда служение пророков стало исчезать, пророческая харизма соединена была со служением епископов. Мы знаем из переписки Киприана Карфагенского, что он ничего не делал без "согласия — sinoconsensu — народа", о чем он сам свидетельствовал. Священнодействию в Таинстве как церковному акту предшествовало откровение воли Божией, в какой бы оно форме ни проявлялось. Только после согласия Церкви совершалось священнодействие, в котором испрашивались дары для тех, кто предъизбран Богом и избран Церковью. Этот момент иногда отсутствовал в Древней Церкви или мог быть не выраженным в явной форме, а в последующей истории это стало обычным явлением, но его отсутствие восполнялось последующей за священнодействием церковной рецеп-

цией. Однако не следует на этом основании преуменьшать значение этого момента Таинства. Церковные акты, совершенные в силу тех или иных обстоятельств без "согласия" местной церкви, вызывали сомнения в их правильности. Тот же Киприан, о котором я только что упомянул, считал необходимым оправдываться перед своею церковью, что он в изгнании во время гонения рукоположил некоторых лиц в чтецы и иподиаконы. Обращение Киприана к своей церкви относительно этих рукоположений было в то же самое время и просьбой о рецепции совершенных им рукоположений.

8. Таким образом, Таинство заключает в себе не один момент — священнодействие, но три: откровение воли Божией в форме согласия Церкви на совершение священнодействия, само священнодействие и, наконец, свидетельство Церкви о совершившемся в ней. И первый, и третий моменты направлены к центральному — к священнодействию, так как в нем происходит то, что совершается в Таинстве: дарование даров Духа. В литургической жизни мы имеем ограниченное количество актов, которые бы включали в себя все три момента. Все ежедневное богослужение Церкви не имеет этого характера, как и не имеют его и те акты, которые можно было бы вслед за отцом Сергием Булгаковым определить как тайнодействия (sacramentalia). Таковы именно те, на которые указывает отец Сергий Булгаков: освящение иконы, креста, храма. Ближе всего по характеру священнодействия приближается к Таинству освящение крещенской воды, но Церковь не причислила его к Таинствам. Во всех этих актах испрашиваются благодатные силы для их освящения, но они заключают в себе только один момент священнодействия, не имея ни первого, ни третьего моментов Таинства. Что касается монашеского пострижения, то надо иметь в виду, что в Византии существовало течение, склоняющееся признавать его за Таинство. Различное толкование монашеского пострижения не обусловлено было личными вкусами сторонников того или иного взгляда, за ним лежало различное понимание идеологии монашества. Есть ли монашество особое состояние в Церкви, не потому только, что оно имеет особый образ, "канон" жизни, но потому, что вступление в него сопряжено с некоторым изменением природы вступающего в него, подобно тому изменению, которое происходит при приеме в Церковь? Мы знаем, что монашеское пострижение рассматривалось иногда как "второе крещение", то есть как новое крещение в самой Церкви. Вступивший в Церковь становится в ней "новою тварью", вступающий в монашество также вновь рождается, но не для вступления в Церковь, а для вступления в особое состояние в Церкви. Это есть "ангельский чин" в Церкви, имеющий в ней особое служение[7]. Или монашество является состоянием покаяния? "Понеже убо монашеское житие изображает нам жизнь покаяния (*εγετανόια*): то искренне прилепляющегося к оному одобряем, и никакой прежний образ жизни не воспрепятствует ему исполнити свое намерение"[8]. "Того ради постановляем, да никто из находящихся в сословии архиереев и пастырей не низводит сам себе на место пасомых и кающихся (*μετανούτων*)[9]. Кающиеся в Древней Церкви не составляли особого состояния, подобно состоянию клира и мирян, они не были особым чином в Церкви, а потому и монашество, как образ покаяния, не может также составлять особого чина. Для меня здесь не имеет значения, какая из двух идеологий монашества наиболее соответствует его сущности. Я только замечу, что первоначальное монашество было далеко и от одной, и от другой идеологии. В начале IV века никто в Церкви не решился бы себя поставить на место кающихся, то есть, согласно тогдашнему пониманию, вывести себя из Церкви. Говоря о монашестве как образе покаяния, Соборы не имели в виду покаяние в его церковном значении как состояние вне Евхаристического общения, а как известное душевное состояние и как некоторую направленность всей жизни верующего. Если монашеское пострижение есть "второе крещение", то оно, естественно, является Таинством наряду с Таинством крещения и священства. В этом случае в его священнодействии преподавались бы особые дары Духа, как и в Таинстве крещения, и оно необходимо включало бы в себя рецепцию Церкви как свидетельство о даровании испрашиваемых даров. Как состояние покаяния монашество является мирянским чином. В священнодействии пострижения Церковь испрашивает благодатные дары на вступающего в монашество. Это — благодатное священнодействие, но не Таинство, а потому оно не сопровождается свидетельством Церкви, ее рецепцией.

Только то священнодействие, которое совершается согласно воле Божией и которое засвидетельствовано Церковью как благодатно действительное, то есть такое, в котором **ниспосланы Богом испрашиваемые Церковью дары Духа**, является Таинством. Не священнодействие как центральный момент в нем отличает Таинство от тайнодействий и от всего, что происходит в

литургической жизни Церкви, а первый и особенно третий момент — свидетельство Церкви о дарованных дарах Духа. Вся жизнь Церкви наполнена Духом, и все в ней совершается Духом. Действия Духа не ограничены Таинствами и не могут быть ограничены, так как *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3,8). Церковь всегда и во всем молится о благодатных дарах Духа. Не только освящение креста или икон, крещенской воды или храма — сакраментальные акты, но само призывание имени Божия есть тайнодействие[10]. Церковь не ограничивает действия Духа, не создает в ней благодатных или неблагодатных актов, но она выделяет из ряда священнодействий особые акты, из благодатных актов она выделяет только несколько благодатных актов — на этом основана попытка определить их число,— которые она объявляет Таинствами. "Sacramenta" совсем не тождественны с "sacramentalia". Вводя в православное богословие понятие "sacramentalia", мы нисколько не определяем ближе природу Таинств, особенно потому, что в Церкви все сакраментально. Церковь возводит священнодействие в Таинство через свое свидетельство, но не в том только смысле, что она раз навсегда объявила некоторые священнодействия Таинствами. Она каждый раз, как совершается это священнодействие, свидетельствует о нем как о Таинстве. Это есть непрекращающаяся деятельность Церкви, а следовательно, непрекращающееся действие Духа в Церкви, так как Церковь в Духе и через Духа свидетельствует о дарах Духа. Таинства **установлены** Церковью, и Таинства каждый раз, как они совершаются, **устанавливаются ею**.

9. Рассматривая Таинства исключительно как священнодействия, школьное богословие рассматривает их с точки зрения тех, над кем они совершаются. Да, в Таинствах подаются верующему благодатные силы и помощь для его жизни и действия в Церкви. Таинства абсолютно необходимы для спасения тех, над кем они совершаются. Рассматривая их с этой точки зрения, догматическое богословие невольно их сближает с остальными священнодействиями, в которых также подается благодатная помощь и силы верующим. Отсюда возникает дилемма: или сблизить Таинства с тайнодействиями и таким образом в значительной степени утерять различие между ними, или признать, что только в Таинствах подаются дары Духа, и тем самым благодатно обеднить церковную жизнь. Или это дилемма есть действительная, и тогда из нее нет выхода, или недостаточна точка зрения, с которой рассматриваются Таинства, и тогда поставленной дилеммы не существует.

Таинства являются церковными актами, а потому они должны рассматриваться не только с точки зрения тех, над кем они совершаются, но с точки зрения того, что в самой Церкви происходит. Таинства имеют отношение ко всей Церкви, во всей ее полноте, а не только к отдельным верующим. Поэтому крайне недостаточно деление Таинств на Таинства, совершаемые над всеми верными (крещение, миропомазание, Евхаристия и в настоящее время покаяние), и на те, которые совершаются только над некоторыми (священство, брак, елеосвящение и в Древней Церкви покаяние). Это все тот же подход к Таинствам с точки зрения тех, над кем они совершаются. Как результат этого подхода выступает крайняя индивидуализация Таинств. Большинство из них рассматриваются как индивидуальные акты, совершаемые над индивидуальными членами Церкви, к которым остальные члены как будто не имеют отношения. В современной практике в Таинствах верующий стоит перед Богом при посредстве священника. Церковь, в которой совершаются Таинства, обычно не знает о них. Более чем показательно, что Таинства содержатся у нас в "Требнике". Они — требы, которые совершаются священником над некоторыми членами, в отличие от священнодействий, которые содержатся в "Служебнике" и которые имеют общественный характер. Совершаются ли Таинства над всеми или над некоторыми, они совершаются в Церкви, они имеют отношение ко всей ее жизни и ко всем ее членам. Когда совершаются Таинства, то в самой Церкви нечто совершается, в церковной жизни что-то происходит, что имеет отношение ко всей этой жизни. Таинства являются церковными актами, причем эти акты имеют исключительное значение в жизни Церкви. Без них Церковь не может существовать в историческом бытии, они необходимы для ее жизни. В Таинстве приема в Церковь (крещение и миропомазание) совершается прием новых ее членов. Через это Таинство и в нем в Церкви рождается новый человек, призванный Богом к служению в ней. Это — акт, имеющий отношение ко всей Церкви во всей ее полноте, а не только к некоторым ее членам, акт огромного значения, без которого Церковь не может существовать. В Таинстве хиротонии в ней поставляются ее предстоятели. Поставление епископа имеет значение не только для него самого, не только для той церкви, для которой он поставляется, но для всей Церкви, для всех ее верных. Значение этого акта

выступает из того, что нет Церкви без предстоятеля. Служение епископа абсолютно необходимо для бытия Церкви. С этой точки зрения не имеет значения, что Таинство священства совершается только над некоторыми, а крещение и миропомазание — над всеми. Все эти Таинства необходимы для жизни Церкви, они отмечают в ней самой существенные моменты ее бытия. В Таинстве покаяния кающийся вновь возвращается в лоно Церкви для жизни и действования в ней, чего он был временно лишен. Это не индивидуальный акт, который касается только кающегося и епископа, он имеет отношение ко всем членам Церкви. Достаточно напомнить, что споры о приеме павших в церковное общение потрясли всю Церковь. Таинство брака также имеет отношение ко всей Церкви. В нем отмечается изменение положения в жизни членов Церкви, признаваемых ею в качестве мужа и жены.

В силу этого церковного значения Таинств их благодатная действительность должна быть **открытой и явленной** для всех членов Церкви. Испрашивая дары Святого Духа в Таинствах, Церковь должна **знать**, что эти дары преподаны в них. Без этого знания Таинства перестали бы быть тем, чем они должны быть в Церкви, точнее они перестали бы быть в этом смысле Таинствами, а стали бы священнодействиями, отмечающими особые моменты в жизни верующих, но не в жизни Церкви. Испрашивая в Таинстве поставления благодатные дары, Церковь должна знать, что поставляемый эти дары получил. Церковь должна знать, кто может предстоятельствовать в Церкви, и об этом должны знать все ее верные. Не может быть вопроса или сомнения, получил или не получил поставленный в епископа дары Святого Духа. Если дары Духа не преподаны Богом, то поставляемый не может совершать своего служения, к которому он был обозначен, потому что без харизмы предстоятельства он не является епископом. Само священнодействие дать этого знания не может. Благодатные дары, полученные в Таинстве хиротонии, становятся явленными в церкви через свидетельство Церкви, а не через факт самого священнодействия. Прием в Церковь, как и Таинство поставления, должен быть засвидетельствован Церковью, так как она должна знать, кто являются ее членами. И здесь не может быть сомнений и колебаний, а должно быть полное знание, что дары Духа ниспосланы Богом в Таинстве приема в Церковь. В каждом Таинстве через свидетельство Церкви происходит явление в Церкви и через Церковь благодатных даров, испрашиваемых в Таинствах.

Явление даров Духа в Таинстве через свидетельство Церкви не есть только особенность Таинств. Каждый церковный акт основан на открывшейся Церкви воле Божией, Церковью принятой и засвидетельствованной. Догматические решения Соборов становятся истиною не сами по себе, а через принятие их Церковью. Это принятие, или рецепция, постановлений Соборов является свидетельством Церкви об открывшейся воле Божией и о действии Духа. Принимая постановления Соборов, Церковь, как и в Таинствах, свидетельствует о даровании Богом Собору благодатных даров. Формула "изволися Духу Святому и нам" подлежит рецепции Церкви. До этой рецепции постановления Соборов остаются только постановлениями его членов, а не церковным актом. Вот почему около догматических постановлений Соборов шла борьба за их рецепцию. Если в эту борьбу вносилось много человеческих страстей, не имеющих отношения к церковной природе соборных актов, то тем не менее сущность этой борьбы заключалась в распознании воли Божией. До принятия Церковью соборных решений бесспорной является только вторая часть формулы: "изволися Духу Святому и нам", и только через рецепцию происходит явление первой части — явление даров Духа в Церкви. Через это явление Духа соборные постановления становятся церковными актами. Отличие Таинств от остальных церковных актов состоит в том, что первые облекаются в форму священнодействий. Таким образом, с одной стороны, Таинства по моменту священнодействия, заключающемуся в них, приближаются к остальным священнодействиям, совершаемым в Церкви, а с другой стороны, они приближаются к другим церковным актам в силу того, что действия Духа свидетельствуются Церковью. Соборные постановления как церковные акты по своей природе очень близки к Таинствам, но не являются Таинствами, так как не облечены в форму священнодействия. Тайнодействия (sacramentalia) не могут считаться таинствами, так как дары Духа, испрашиваемые в них, не явлены Церкви через ее свидетельство. Поэтому между тайнодействиями и Таинствами всегда имеется граница, которая отделяет одни от других.

Таинства являются священнодействиями, совершаемыми согласно воле Божией, в которых испрашиваемые Церковью дары Духа явлены Церкви через ее свидетельство.

Возвращаясь к вопросу, в чем в

Таинствах сказывается значительность проявления сакраментальной власти, присущей Церкви, мы сейчас легко усмотрим, что она не имеет количественного характера. Таинства не потому Таинства, что через них преподается благодать в большей степени, чем в остальных сакраментальных актах и во всех литургических действиях Церкви. Обозначая особенно значительные моменты в жизни верующих, над которыми они совершаются, Таинства одновременно, еще в большей степени, обозначают наиболее значительные моменты в жизни самой Церкви, без которых невозможно эмпирическое бытие Церкви. Их сакраментальная значительность проявляется в том, что ниспосланные в них дары Духа явлены всей Церкви. Не дары Духа, преподаваемые в них, а явление в них этих даров через Церковь и в Церкви выделяет их по их значительности из ряда других сакраментальных актов. Естественно, что таких моментов в жизни Церкви может быть ограниченное число. Таинства установлены Богом в Церкви, и через Церковь, и в них Бог благоволил являть всей Церкви ниспосылаемые Им дары Духа Святого. Их количество зависит не от нас, а от воли Божией. Их столько, сколько надо для жизни Церкви в историческом бытии. Поэтому наличие некоего определенного числа Таинств не есть "миф Тридентского Собора"[11] или не совсем миф. Что касается "семи таинств — ни больше, ни меньше", то это есть недолжное догматизирование школьного учения. Надо заметить, что такого учения о числе Таинств Православная Церковь не содержит. Их может быть семь, но их может быть и больше, и меньше.

10. Говоря о разных Таинствах, я сознательно не указывал на два из них — елеосвящение и Евхаристию. Я не рискую ничего утверждать категорического о первом, так как догматическая природа его еще не вполне достаточно определена. Одно несомненно, что оно выделяется среди остальных Таинств. Митрополит Макарий в определении его природы значительно уклонился от им принятой для всех Таинств формулы. Тогда как о всех Таинствах он говорит, что в них подаются дары Святого Духа, об елеосвящении он указывает, что в нем испрашивается благодать Божия. В одном случае говорится о преподании даров, а в другом только об испрашивании этих даров. Это отступление в определении Таинства елеосвящения вполне понятно. В первоначальной Церкви имелось особое служение исцелений на основе особых даров Духа. На это служение призывал непосредственно сам Бог, как Он призывал пророков через сообщение даров Духа. Это служение совершалось в Церкви и для Церкви, но Церковь не испрашивала для этого служения даров Духа. Церковь не могла возобновить этого служения, чтобы оно продолжалось преемственно, как она возобновляла служение епископов-пресвитеров. Дары исцелений ниспосылаются Богом, как и когда Ему угодно, но никакой непрерывности служений исцеления не существовало и не существует. Церковь молилась и молится об исцелении болящего, веруя, что *молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5,15). Молитва веры не есть знание Церкви. Отец Сергий Булгаков, пытаясь сгладить это различие в определении природы Таинства елеосвящения от остальных Таинств, указывал, что елеосвящение имеет две стороны, одну обращенную к исцелению болящего, а другую — к освобождению болящего от болезни через смерть. В силу этого он говорил, что помазание елеем болящего совершается или для его исцеления, или для усиления необходимых сил для христианской смерти[12]. В этом определении Таинства елеосвящения отец Сергий Булгаков значительно приближается к католическому учению об этом Таинстве. Правильно или нет такого рода учение, это вопрос окончательного догматического формулирования природы Таинства елеосвящения. Нужно заметить, впрочем, что в молитвах последования елеосвящения говорится только об исцелении. Отличие елеосвящения от других Таинств заключается в том, что в нем нет третьего и первого момента Таинств. Молясь об исцелении болящего, Церковь не свидетельствует, что исцеляющая благодать ниспослана Богом. Придерживаясь данного выше определения Таинств, я бы сказал, что елеосвящение ближе к тайнодействию, чем к Таинству.

Еще больше недоуменных вопрошений заключается в современном учении об Евхаристии как Таинстве. Оно включено в число семи Таинств, а тем самым как будто поставлено в одну линию с прочими Таинствами. Конечно, как утверждал митрополит Макарий, оно превосходит все прочие Таинства преизбытком таинственности и непостижимости и преизбытком любви к нам Господа и величием дара, преподаваемого в этом Таинстве[13], но этим ли только оно отличается от остальных Таинств? Другими словами, отличается ли оно только количественно — преизбытком, которого не имеют другие Таинства,— или имеется качественное отличие? Школьное богословие как

будто даже этого вопроса не чувствует. В каждом Таинстве преподаются особые дары Духа. Опять же по тому же митрополиту Макарию в Таинстве крещения на верующего ниспосылаются дары Духа, очищающие его от всякого греха и соделывающие его новым человеком, оправданным и освященным[14]; в Таинстве миропомазания крестившемуся сообщаются "благодатные силы для укрепления и возрастания его духовной жизни"[15]; в покаянии "пастырь Церкви силою Духа Святого разрешает кающегося и исповедующегося от всех грехов, совершенных им после крещения"[16]; в Таинстве елеосвящения на "больного призывается благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные"[17], в Таинстве брака "сообщается известным лицам благодать к естественному рождению детей, будущих членов Церкви"[18]; и в Таинстве священства "через молитвенное возложение рук архиерейских на главу избранного лица низводится на это лицо Божественная благодать, освящающая и поставляющая его на известную степень церковной иерархии и потом содействующая ему в прохождении его иерархических обязанностей"[19]. Что касается Евхаристии, то она "есть такое Таинство, в котором христианин под видом хлеба и вина причащается тела и крови своего Спасителя"[20]. Даже из этих определений — я оставляю совершенно в стороне вопрос об их точности — явствует, что природа Евхаристии гораздо меньше совпадает, чем природа Таинства елеосвящения, с остальными Таинствами. Это отличие выступает еще яснее из того, что назначение всех Таинств есть подготовка к участию в Евхаристии. Все они имеют задачей ввести, по выражению псевдо-Дионисия, в "священносовершительную Евхаристию". По отношению к Евхаристии все Таинства имеют до некоторой степени инструментальный характер. Крещение и миропомазание, входящие в состав Таинства приема в Церковь, открывают доступ новому члену народа Божиего, поставленному в священное звание лаика, в Евхаристическое собрание. Покаяние открывает возможность отпавшему члену Церкви вновь принимать участие в Евхаристии. Священство поставляет тех, кто избран Богом для предстоятельствования в Евхаристическом собрании, а следовательно, для совершения самой Евхаристии. Через брак муж и жена в новом своем звании, признанном и благословленном Церковью, допускаются к участию в Евхаристии. В Таинстве елеосвящения, призывая на болящего благодать, исцеляющую его от душевных и телесных болезней, Церковь тем самым молится о непрекращении его участия в Евхаристии. Без Евхаристии все Таинства остались бы незаконченными — их цель не была бы достигнута.

В связи с этим положением Евхаристии ставится вопрос о ее месте среди остальных Таинств. Особое положение Евхаристии в церковной жизни невольно выдвигает этот вопрос, но решение его, поскольку Евхаристия рассматривается как Таинство, остается в сфере количественного различия Таинств между собою по благодати. Несмотря на признание митрополита Макария, что Таинство Евхаристии превосходит все Таинства, Таинство священства у него фактически превалирует над остальными Таинствами. Современная богословская мысль, опираясь отчасти на мнение некоторых отцов Церкви, пошла в этом направлении дальше митрополита Макария: Таинство священства выступает, как "мать всех Таинств", в том числе и Евхаристии. В нем рождаются те, без которых нет Таинств в Церкви. Мысль отца Сергия Булгакова в этом вопросе двоится. С одной стороны, он признает, что Евхаристия "есть Таинство Таинств, центральное Таинство Церкви"[21], так как "иерархия есть установление прежде всего евхаристическое. И поскольку сам Господь установил Таинство Евхаристии, постольку и иерархия включена в ее установление в качестве одного из условий"[22]. В силу такого центрального положения Евхаристии скорее она, чем Таинство священства, является матерью всех Таинств. С другой стороны, эта богословская аксиома не соответствует фактическому положению Таинства священства. "На практике,— писал отец Сергий Булгаков,— священство служит основою всех Таинств (за исключением крещения)"[23]. Вероятно, довольно случайно высказанная святым Епифанием мысль заворожила церковное сознание: "Чин епископов преимущественно назначен для рождения отцев; другой чин (пресвитерский), который не может рождать отцев; он рождает Церкви банею пакибытия детей, но не отцев или учителей. Как же возможно, чтобы пресвитер поставлял пресвитера, когда для поставления его не имеет никакого права хиротонии? Или каким образом пресвитер может быть назван равным епископу?"[24]. Евхаристия совершается пресвитером и епископом, но священство совершается только епископом. По отношению к епископу пресвитер имеет низшую степень священства, а следовательно, практически, по крайней мере по словам отца Сергия Булгакова, Таинство священства служит основою Евхаристии. Нельзя считать удовлетворительным решение вопроса о значимо-

сти Таинств Евхаристии и священства через констатирование расхождения между церковной практикой и богословской мыслью. Нужно выбрать либо одно, либо другое. Но должны ли мы сделать этот выбор? Или необходимость этого выбора проистекает из сравнения того, что не подлежит сравнению?

11. Евхаристия есть Таинство Таинств, но она не есть центральное Таинство в Церкви, она есть **Таинство Церкви**. Для первоначального и древнего сознания жизнь, деятельность и служение каждого члена Церкви находили свое выражение через участие в Евхаристическом собрании. Вне Евхаристического собрания не могло быть ни деятельности, ни жизни в Церкви. Исключение из него было отлучением от Церкви. Тот, кто в нем не участвует, не живет в Церкви, так как Евхаристическое собрание есть выражение Церкви во всей ее полноте. Церковь там, где имеется Евхаристическое собрание, так как Церковь там, где Христос, а Христос присутствует в полноте Своего богочеловеческого Тела в Евхаристии. Присутствие Христа в Евхаристии есть Его возвращение в Духе, как предвосхищение Его Второго пришествия. В Евхаристии Он приходил, приходит и приидет. Прошлое, настоящее и предельно будущее соединяются, образуя полноту Церкви в ее единстве и единство ее в полноте. Отец Сергий Булгаков подходил к такому осознанию Евхаристии: "Можно сказать, что в теперешнем эоне Церковь, как Тело Христово, непосредственно есть то Евхаристическое Тело, в которое прелагаются Евхаристические дары"[25]. Эта мысль остается в его системе неразвитой. В другом месте отец Сергий писал: "Все это приводит нас к тому общему заключению, что в основе всех Таинств и тайнодействий лежит Таинство всех Таинств, все-Таинство, которое есть сама Церковь как Богочеловечество, сущее Боговоплощение и Пятидесятница Духа в пребывающей силе. И это все-Таинство, как не имеющее для себя границ, совершается в мире и человечестве, над всем миром и над всем человечеством и притом всегда, ныне и присно, и во веки веков, ибо ненарушима сила Боговоплощения и неотъемлемо сошествие в мир Духа Святаго"[26]. Это все-Таинство как Церковь и Церковь как Таинство тождественно ли у отца Сергия Булгакова с Евхаристией? По-видимому, нет, так как Евхаристическое собрание имеет определенные эмпирические границы, а границы Церкви у отца Сергия далеко уходят за границы Евхаристического собрания. Где совершаются все остальные Таинства, которые содержатся во все-Таинстве? "В мире и человечестве, над всем миром и над всем человечеством?" Все-Таинство и есть Евхаристия, так как Евхаристическое собрание есть выявление Церкви во всей ее полноте. Евхаристия не есть одно из Таинств, не есть даже центральное Таинство во все-Таинстве, но есть сама Церковь. Не все-Таинство Церкви содержит в себе все Таинства, в том числе Евхаристию, но Евхаристия содержит в себе все Таинства. Она есть Таинство, но в ином смысле, чем Таинства, которые установлены в ней. Она есть величайшее "*μυστήριον*", *домостроительство тайны, сокрывающейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом* (Еф. 3,9). Таинство священства содержится в Евхаристии, так как Таинство священства содержится в Церкви. Она не может быть без священства, так как в эмпирическом порядке не может быть Евхаристического собрания без предстоятеля, но предстоятель не может быть без Евхаристического собрания. Таинство священства необходимо для бытия Церкви, то есть для совершения Евхаристии. Евхаристическое собрание, как выявление Церкви, включает в себя предстоятеля, так как без него оно не было бы Евхаристическим собранием.

12. Когда Евхаристическая экклезиология была оттеснена учением об универсальной церкви, Евхаристическое собрание перестало выявлять кафоличеcкую полноту Церкви. В местной церкви появилось несколько Евхаристических собраний, а сама местная церковь стала лишь частью универсальной церкви. Евхаристия, совершаемая в местной церкви, перестает быть Таинством церкви, а становится таинством в церкви. В порядке идей об универсальной церкви такого рода изменение понимания Евхаристии является неизбежным. В области экклезиологии часть никогда не может заменить целого[27], а потому Евхаристическое собрание местной церкви, как части вселенской церкви, не есть Церковь. Отсюда проистекает разрыв между Таинством Церкви и Евхаристией. Последняя не тождественна с первым, а входит в первое как особое Таинство. Как все-Таинство, Церковь содержит в себе все Таинства, а в том числе и Евхаристию, как центральное Таинство в Церкви. В этой точке учения о Таинствах отец Сергий Булгаков почти совпадает со школьным учением, которое поставило Евхаристию в одну линию с остальными Таинствами.

Понимание Евхаристии как Таинства не могло не повлиять на общее учение о Таинствах. Как Таинство Церкви Евхаристия заключает в себе только одно священнодействие, не

нуждаясь ни в первом, ни в третьем моменте Таинств. Евхаристия не есть церковный акт, происходящий в Церкви. Как выражение всей полноты жизни Церкви, как сама Церковь, Евхаристия не имеет нужды в свидетельстве Церкви. *Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым Он свидетельствует о Мне*" (Ин. 5,32). По аналогии с Евхаристией момент священнодействия и в других Таинствах начинает заслонять другие их моменты. Этому способствует то обстоятельство, что из церковной жизни в силу устанавливающегося ее устройства постепенно исчезает рецепция Церкви. В первоначальной и Древней Церкви рецепция местной церкви выявляла рецепцию Церкви, так как каждая местная церковь обладала всей кафолической полнотой. Когда единство и полнота Церкви была перенесена на универсальную церковь, рецепция местных церквей потеряла свое значение. Она сохраняется еще некоторое время только по отношению к соборным постановлениям, но принимает правовой характер вместо прежнего благодатного. Современное церковное устройство исключает рецепцию. В нашей церковной жизни нет места для свидетельства Церкви. Естественно, что и Таинства теряют те моменты, которые связаны со свидетельством Церкви, и на первый план выдвигается момент священнодействия. В силу этого происходит невольный сдвиг во сторону учения о Таинствах Католической Церкви. Правовая действительность заслоняет благодатную. Однако исчезнувшая с поверхности церковной жизни рецепция продолжает сохраняться в ее глубинах. Она молчаливо сопровождает каждое Таинство. Явление даров Духа в Церкви сохраняется сегодня, как и вчера, и сохранится вовеки, пока возносится Евхаристическая жертва. *День Господень* не только в грядущем, но и в настоящем...

Я бы хотел закончить мой очерк о Таинствах указанием, что я не имел никакой полемической задачи, что, однако, не исключает критики как неотъемлемого права богословской мысли. Митрополит Макарий сделал для своего времени все, что он мог. Не его вина, как и не наша заслуга, что мы сейчас больше знаем. Что касается моих расхождений с учением отца Сергия Булгакова, то эти расхождения законны и необходимы. Он начал, а мы продолжаем. Чем больше мы двигаемся по одной с ним дороге, тем больше мы замечаем то, что не было видно ему. Если бы он еще жил с нами, он, конечно, больше бы заметил, чем мы. Как бы мы ни относились к системе отца Сергия во всей ее полноте, вряд ли мы сможем уйти с пути, намеченного им — проникновения в глубины церковной жизни и возвращения к истокам церковного Предания. В этом он остается нашим верным спутником. При жизни он не требовал безоговорочного признания его учения, а потому после его смерти критика его системы не может омрачить его светлый образ. Больше мы не можем ограничиваться только поверхностью нашей церковной жизни и, исходя из нее, строить наше учение, но возвращение к истокам Предания не есть скачок назад через всю историю Церкви. Наша церковная жизнь заключает в себе многое, и в ней мы ищем то, что соединяет ее с первоначалом, чтобы среди разных девиаций церковной жизни не заблудиться в тех потемках, которые наступили в наше время.

Мой очерк не есть полемика с отцом Сергием, а дань его жизни и его делу, философа, богослова и верного сына Церкви. Я писал эти строки с чувством не только глубокого уважения, но и с чувством подлинной благодарности за все то, что он дал лично мне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Митрополит Макарий. Православно-догматическое богословие. Т. II. СПб., 1895, с. 313.

[2] Там же, с. 314.

[3] Boulgakoff S. L'Orthodoxie. P., 1932. p. 156.

[4] Моя речь "Власть любви", произнесенная на годичном заседании Богословского института 27 марта 1949 г.

[5] Boulgakoff S. Op. cit., p. 157.

[6] О действительности Таинства крещения см. мою статью "Границы Церкви" в "Православной мысли", № 7.

[7] Керн К., профессор архимандрит. Ангелы, иночество, человечество. Париж, 1942.

[8] 43-е правило Трулльского Собора.

[9] 2-е правило Софийского Константинопольского Собора, 879 г.

[10] Boulgakoff S. Op. cit., p. 162.

[11] Булгаков Сергий. Невеста Агнца. Париж, 1945, с. 312—313. (Зандер Л. Бог и мир, т. II, с. 298—299).

[12] Boulgakoff S. Op. cit., p. 162.

[13] Митрополит Макарий. Указ соч., с. 367—368.

[14] Там же, с. 317.

[15] Там же, с. 346.

[16] Там же, с. 425.

[17] Там же, с. 464.

[18] Там же, с. 475—476.

[19] Там же, с. 491.

[20] Там же, с. 367.

[21] Булгаков Сергий. Указ. соч.,

с. 309. (З а н д е р Л. Указ. соч., т. II, с. 304).

[22] Иерархия и таинства.— Путь, 1935, № 49, с. 33.

[23] B o u l g a k o f f S. Op. cit., p. 158.

[24] Epiphan. Haer. LXXV.— В кн.: Митрополит Макарий, т. II, с. 226.

[25] The Wisdom of God. N.-Y., 1937, p. 206.— В кн.: Зандер Л. Указ. соч., т. II, с. 304.

[26] Б у л г а к о в С е р г и й. Указ. соч., с. 296—297. (З а н д е р Л. Указ. соч., т. II, с. 300).

[27] "Отдельные поместные церкви отнюдь не являются отдельными — большими или меньшими частями Церкви — на манер провинций или частей государств. Каждая из них — без различия — есть Церковь, отождествляется с Церковью, являет в себе всю Церковь как pars pro toto (О т е ц С е р г и й Б у л г а к о в. One holy, catholic and apostolic Church. Цит. по: З а н д е р Л. Указ. соч., т. II, с. 291). Если даже допустить, что это правильно по отношению к автокефальным церквам, то правильно ли оно по отношению к каждой отдельной церкви? Есть ли она "pars pro toto" (часть вместо целого (лат.).— *Ред.*) автокефальной церкви, или Церкви Вселенской?

Профессор протоиерей Н. АФАНАСЬЕВ
(2.XII.1949)

К Рождеству

В днях зимних нет светлее даты
И долгожданней торжества...
Декабрь. И звезды Рождества
Луч посылают для отрады.
Глас неба – все для песнопевца,
Он видит Деву и Младенца,
А там – Иосифа вдали...
Свеча исходит светлым дымом,
И Ангел с воинством незримым
Идет по снеговой пыли,
И метит бедные пороги,
И освещает те дороги,
Что так пустынны на земли.
Дороги те, что замели,
Сокрыв убогость жизни, ветры.
И ты, застигнут этим светом,
Остановись, ему внемли.
Пространства тропы нам не внове,
А жизни суть – в едином слове,
Еще не найденном, дана...
Но луч звезды, летящий косо,
Быть может, есть тот отголосок,
В котором тайна нам слышна.
Рассеян свет в метели млечной,
И звук, из недр идущий вечных,
Зовется просто – тишина.
Нить жизни не защищена,
И смерти миг есть миг разрыва.
Душа в потоке слез, как ива,
Склонившись, плачет, что грешна.
Так плачет только мать о сыне,
Но влагу сковывает иней,
Все погружая в снежный сон.
И мыслью мир пленен простою,
Что он спасется красотою,
Когда–нибудь, в конце времен.

Л. Колодяжная

Чинопоследование утрени — структура и симметрия

Накануне трагического падения Византийской державы Русская Православная Церковь восприняла одно из величайших наследий христианской культуры и явлений Духа Святого в Церкви Христовой — богослужебный устав, или Типикон,— "сиречь изображение церковного последования во Иерусалиме Святыя Лавры преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы". Впервые в церковный обиход Древней Руси этот устав был введен святителем Киприаном, и более полутысячи лет Русская Церковь придерживается боговдохновенного Иерусалимского Устава богослужения.

Изучение Типикона до сих пор носит в основном исторически описательный характер. Незаменимая и плодотворная работа по изучению истории зарождения Типикона проделана А. Дмитриевским, И. Мансветовым, М. Скабалановичем, Н. Успенским и другими исследователями. Особое место в современной литургике занял протоиерей Александр Шмеман, который проблему изучения Типикона возводил к новому направлению церковной науки — литургическому богословию.

Литургическое богословие как научная дисциплина делает первые шаги, и некоторые из них не всегда ведут к Истине и Слову. Обнаруживается обычная для современного рационализма, в особенности в культурологии, поверхностность суждений и обобщений, когда видимое зарождение и развитие явления сводится к фактам заимствования, взаимовлияния и слияния. Одни "обнаруживают" влияния язычества, другие — влияния дворцового ритуала, третьи — еще чего-либо, но логическая модель скоропалительных обобщений всегда одна и та же.

Согласно теоретической модели протоиерея А. Шмемана, христианское богослужение развилось из синагональгого чина моления, а современный Типикон — это византийский синтез синагогального "закона молитвы", "кафедрального обряда" и "монашеского богослужения". Почти каждый аргумент протоиерея А. Шмемана, обосновывающий эти идеи, не бесспорен.

Синагога могла бы быть предтечей храма, если бы обучение Закону могло быть тождественно жертвенному богослужению. Византийский синтез мог бы иметь место, если бы Небесное и земное, духовное и плотское могли бы синтезироваться. Но, как известно, эти антонимические пары не синтезируются, и лишь во Иисусе Христе сопребывают неслитно, нераздельно, неразлучно и неизменно. Понятие синтеза как философской категории не приложимо к кругу идей халкидонского богомыслия.

Идеи заимствования, влияния и синтеза — это рационалистические формулы современной культурологии, которые бесплодны в деле познания и обретения истин Священного Предания, важнейшим проявлением которого является чин христианского православного богослужения.

На Типикон Православной Церкви следует смотреть прежде всего как на икону жертвенного богослужения, а не как на литературно-исторический памятник развития обряда. Современные искусствоведы, изучая и комментируя иконопись, видят в ней прежде всего памятник искусного ремесла (искусство), а не образ, через который мы восходим к Первообразу. Подобно и литургическое богословие, делая первые шаги, может пойти и уже идет по пути искусствоведения, изучая Типикон как историко-культурный памятник, а не как явление Священного Предания.

Наша основная мысль, определяющая дальнейшее изложение, заключается в том, что Типикон Православной Церкви — это икона (образ) истинного богослужения; словесные священнодействия, предусматриваемые Типиконом, являются образом небесного ангельского славословия Бога и Творца всяческих. Чин первенствующего православного богослужения — Святейшей Евхаристии — взят с Неба:

Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Иже Бе и Сый и Грядый (Откр. 4,11). *Достоин еси, Господи, приняти Славу и Честь и Силу...* (Откр. 4,11). *Хвалим Тя, Господи Боже Вседержителю...* (Откр. 11,17).

Замечательной иллюстрацией непреднамеренного, не производного от чего бы то ни было и не синтетического богослужения Православной Церкви является служба утрени. Нам не раскрыть в полноте всю глубину богословия утрени, то есть не постичь умом Первообраза утрени, но указать на ее чудесный и не случайный образ вполне возможно.

Типикон содержит несколько вариантов чинопоследований утрени, из них

основные — великопостная, вседневная и воскресная (полиелейная). Различные части служб суточного круга представлены в ряде богослужебных книг — Часослове, Псалтири, Минее, Триоди. Часослов определяет структуру ежедневной службы и содержит ряд неизменных молитвословий; Псалтирь же, Минея и Триодь дают словесно-молитвенный материал для содержательного наполнения структуры службы, заданной Часословом. Состав суточных служб наводит на мысль, что во всем словесно-молитвенном материале можно выделить основные типы молитвословий и их устойчивые сочетания — неотделимость друг от друга или, наоборот, возможность их самостоятельности.

Не вдаваясь в подробности обоснования нашей типологии молитвословий богослужений суточного круга, перечислим их и, сколько можно, охарактеризуем.

Для нас является чудесной неожиданностью то, что насчитывается только семь основных разновидностей молитвословий:

1) благословения;
2) псалмы и примыкающие к ним по смыслу и происхождению библейские песни;
3) собственно молитвенные призывания — ектении и ответы лика — "Господи, помилуй" (сюда же можно отнести параллельные им священнические тайные молитвы);
4) чтения как Священного Писания, так и творений святых отцов;
5) молитва Господня *Отче наш*;
6) троическое славословие;
7) вероучительные гимны (триодно-минейные тексты).

Храмовое христианское богослужение представляет собой словесное священнодействие, состоящие из ряда последовательных и устойчивых сочетаний семи перечисленных типов молитвословий. Например, *Отче наш*, как правило, предваряется троическим славословием (*Трисвятое*), а всякая ектения завершается благословением (возгласом священника), являющимся в основе своей окончанием тайной молитвы священника; часть кафизмы (*Слава*) завершается троическим славословием, ектенией, благословением и седальном (вероучительным стихом).

Выделить такие устойчивые молитвосочетания позволяет их обособление в уставе, наличие или отсутствие их в каком-либо чинопоследовании и сложившиеся в обиходе их обобщающие понятия — "начальные молитвы", "канон", "хвалите" и т. п.

Без всякого насилия над логикой и содержанием Типикона можно выделить ровно с о р о к устойчивых молитвосочетаний службы утрени — определенный знак полноты и гармонии. Наличие семи видов молитвословий и сорока чинов их устойчивых сочетаний в богослужебном последовании утрени свидетельствует о большем, чем простое заимствование или синтезация. Благословения, псалмы, моления и чтения старше синагоги, а Молитва Господня, троическое славословие и вероучительные гимны не свойственны синагоге. О сорокочинном последовании скажем позже.

Каждый из семи типов молитвословий христианского богослужения — это либо новое словесное откровение, либо преображение ветхозаветных текстов, то есть их христианизация и воцерковление. Даже псалмы, используемые в неизменном виде, всегда завершаются троическим славословием — *Слава.. и ныне...*

Рассмотрим кратко суть и роль каждого типа молитвословий.

Благословения. Служба обычной утрени начинается с возгласа *Благословен Бог наш...* Этой бенедикции (славословию.— *Ред.*) уже сорок веков. Еще Авраам услышал ее из уст Мелхиседека: *Благословен Бог Всевышний* (Быт. 14,20). Нам возвещено, что Бог Всевышний — это Отец наш — *Отче наш, Иже еси на небесех*, поэтому древнейшая прообразовательная бенедикция, преображенная евангельским откровением, приняла вид — *Благословен Бог наш*. Мы, внимая сему благословению в начале утрени, не лишены мелхиседекова прообразовательного благословения и запечатлены Первообразным — Христовым благословением.

Благословением завершалось в древнем храме сожжение жертвы; так же всякая христианская священническая молитва как словесная жертва хваления завершается благословением, которое мы слышим как возглас священника. В христианском благословении значительное место занимает исповедание Имени, Свойств и спасительной Миссии Бога и Творца всяческих: *Яко благословися и прославися Имя Твое...*, *Яко Твоя Держава...*, *Ты бо еси Царь мира и Спас душ наших...* и т. п.

Благословениями священника пронизана вся служба утрени от начала до конца. Всякий раз, когда народ молится вслед за призывами диакона, священник возгласами — окончаниями тайных своих молитв — словословит Бога и освящает Именем Божиим молитву народа, возводя ее к Престолу Отца Небесного. Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на сложившуюся, вопреки Типикону, традицию священнических молений на утрени, вызы-

вающую сомнение в ее правомерности и в ее соответствии смыслу и логике христианского богослужения.

Отметим еще раз, что христианское богослужение в качестве нормы и эталона имеет небесную литургию, которую прозрел святой Иоанн Богослов. Следовательно, молебный чин Евхаристии является нормой всякого другого богослужения суточного круга. Литургия осуществляется так, что молитва совершается одновременно (параллельно) священником и народом, предводительствуемым диаконом, затем народ умолкает и слышится окончание молитвы священника как возглас благословения, и народ на все совершившееся отвечает: *Аминь*. Так же и в Апокалипсисе (ср.: Откр. 5, 13, 14).

Литургия и утреня содержат одну и ту же молитву священника *Возсияй в сердцах наших*, в которой испрашивается Божия помощь к разумению Евангелия. Но на литургии эта молитва предваряет чтение Евангелия и прямо связана с ним, а на утрени, согласно современному служебнику, эта молитва отстоит от чтения Евангелия во времени и не связана с ним, то есть прочитывается на шестопсалмии в числе двенадцати утренних молитв.

В то же время имеются древние списки православного Иерусалимского устава (например, кафедрального Алавердского собора в Грузии, список XII века), в которых чтение священнических утренних молитв распределено по всему чинопоследованию утрени.

Указанием на подлинное место священнических молитв утрени могут быть установленные служебником возгласы священника после каждой ектении; кроме того, таким указанием могут быть упомянутые древние списки Иерусалимского устава.

Можно предположить следующую схему параллельного моления народа и чтения молитв священником на утрени, при этом сохраняется последовательность и содержание возгласов, определяемые служебником, устанавливается соответствие содержания молитвы содержанию момента богослужения, возгласы священника дополняются изначально соответствовавшими им молитвами.

Схема параллельного моления народа и чтения молитв священником на утрени

Момент богослужения	Молитва священника	Примечание
Шестопсалмие	2-я: *От нощи утренюет дух наш к Тебе...* 7-я: *Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа...*	Две типичные молитвы по восстании *от ложей* наших
Ектения *Миром Господу помолимся*	1-я: *Благодарим Тя, Господи Боже наш...*	
Ектения по 1-й кафизме	3-я: *От нощи утренюет дух наш к Тебе...*	
"Непорочны"	8-я: *Господи Боже наш... сонное уныние...*	*Хвалящим, поющим, благословящим...* — соответствует теме "непорочных"
Перед чтением Евангелия при пении *Всякое дыхание* на полиелее или во время чтения 50-го псалма на вседневной службе	9-я: *Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко...*	Молитва Евангелия — здесь ей Место, как на литургии
Чтение 50-го псалма на вседневной службе или *Спаси Боже, люди Твоя* на полиелее	10-я: *Господи Боже наш, покаянием оставление человеком даровавый...*	Это и есть молитва 50-го псалма
По 3-й песни канона	5-я: *Благих сокровище, источниче приснотекущий...*	
По 6-й песни канона	6-я: *Благодарим Тя, Боже спасений наших...*	
По 9-й песни канона на *Достойно есть* или на краткой ектении	11-я: *Боже, Боже наш, умныя и словесныя составивый силы...*	Хвальный возглас *Яко Тя хвалит* — переход к хвалитным стихирам

Момент богослужения	Молитва священника	Примечание
Хвалитные стихиры	12-я: *Хвалим, поем, благословим Тя...*	Соединение темы хваления в стихирах и молитве, переход к теме света в молитве — *Возсиявый... солнце правды...*
Ектения *Исполним утреннюю молитву...*	4-я: *Владыко, Боже, Святый и Непостижимый...*	Молитва о наступившем дне: *покажи ны сына света и дня*

При таком прочтении двенадцати утренних молитв священника восстанавливается евхаристическая нормативность и цельность богослужения утрени — *едиными усты* священника и народа совершается словесная жертва хваления. При существующем же порядке прочтения всех двенадцати молитв на шестопсалмии последующие благословительные возгласы священника оторваны от соответствующего им текста молитв и звучат как напоминание о молитве, а не как ее реальное завершение. Кроме благословительных возгласов священника, имеются еще благословения отпуста и благословение *Мир всем.*

Одними из важнейших форм благословения на утрени являются Ангельское и Великое славословие, произносимые не священником, а народом или чтецом от лица народа.

Ангельское славословие — это песнь ангелов, прозвучавшая по Рождестве Христовом (ср.: Лк. 2, 14), а Великое славословие — это развернутая формула исповедания веры, покаяния и троического славословия.

Великое славословие сложилось не вдруг, и нет указаний на личное авторство этого боговдохновенного молитвословия. Следует указать на удивительную деталь этого славословия, которая роднит его с древним иерусалимским храмом,— оно состоит из восемнадцати членов. Это еще одна числовая опора, свидетельствующая о включенности христианского богослужения в таинственный смысл гармонического мироустроения.

Структура Великого славословия

Номер члена	Полиелейная утреня	Вседневная утреня
1	*Слава в вышних Богу...* (ср.: Лк. 2, 14)	*Слава в вышних Богу...*
2	*Хвалим Тя, благословим Тя...*	*Хвалим Тя, благословим Тя...*
3	*Господи Царю Небесный...*	*Господи Царю Небесный...*
4	*Господи Сыне Единородный...*	*Господи Сыне Единородный*
5	*Господи Боже, Агнче Божий...*	*Господи Боже, Агнче Божий*
6	*Седяй одесную Отца...*	*Седяй одесную Отца...*
7	*Яко Ты еси Един Свят...*	*Яко Ты еси Един Свят...*
8	*На всяк день благословлю Тя...*	*На всяк день благословлю Тя...*
9	*Сподоби, Господи...*	*Господи, прибежище...* (Пс. 89, 1)
10	*Благословен еси...* (Езд. 7, 26) (Пс. 112, 2, 3)	*Аз рех: Господи...* (Пс. 40, 5)
11	*Буди, Господи, милость Твоя...* (Пс. 32, 22)	*Господи, к Тебе прибегох...* (Пс. 142, 9, 1)
12	*Благословен еси...* (Пс. 118, 12)	*Яко у Тебе источник...* (Пс. 35, 10, 1)
13	*Господи, прибежище...* (Пс. 89, 1)	*Сподоби Господи...*
14	*Аз рех: Господи...* (Пс. 45, 5)	*Благословен еси...* (Езд. 7, 26) (Пс. 112, 2, 3)
15	*Господи, к Тебе прибегох...* (Пс. 142, 9, 10)	*Буди, Господи, милость Твоя...* (Пс. 32, 22)
16	*Яко у Тебе источник...* (Пс. 35, 10, 11)	*Благословен* (трижды) — парафразы из Пс. 118
17	*Святый Боже...* (трижды)	*Господи, милость Твоя...* (Пс. 137, 8)
18	*Слава... и ныне...*	*Тебе подобает хвала...* (Пс. 64, 2)

До восьмого члена Великое славословие однородно для праздничной и вседневной утрени. После восьмого члена образуются устойчивые парные сочетания членов по известному параллелизму библейских текстов: *Сподоби, Господи — Господи, прибежище*; *Благословен еси — аз рех*; *Буди, Господи, милость Твоя — Господи, к Тебе прибегох.*

Различие вариантов Великого славословия состоит в том, что какая-либо из сторон этих парных конструкций используется раньше или позже. Чтобы понять это, следует сравнить члены 9 и 13, 10 и 14, 11 и 15, 12 и 16.

17-й и 18-й члены составляют развернутое троическое славословие.

В синагогальной службе и в частной молитве иудеев также имеется восемнадцатичленная бенедикция, возникшая еще во времена книжника Ездры (VII век до н. э.). В иудейской бенедикции имеются славословия, благодарения и именования Бога; она произносится трижды в день.

Великое славословие, кроме того, что имеет восемнадцатичленную структуру, тоже произносится трижды в день (сутки) — на вечерне (сокращенное), повечерии и на утрени. В этом заключаются важные формальные сходства Великого славословия с древнейшим элементом храмового иудейского богослужения. Но, как обычно, всякое преемство от Ветхой Церкви освящается евангельским духом: первые семь членов Великого славословия — это исповедание евангельского откровения об Иисусе Христе и Троице; вторая часть (с 8-го по 16-й член) — это покаянно молитвенные призывания, составленные из псаломских откровений; последние члены — это исповедание троического откровения — *Трисвятое.*

Следовательно, Великое славословие как благословение представляет собой древнейшую часть богослужения, но содержание этого благословения ново настолько, насколько вечно ново Священное Предание.

Общий вывод таков, что благословение как элемент богослужения восходит к дохрамовому времени (до Моисея и Давида) и сохраняется в христианском богослужении в одухотворенном Евангелием виде.

Псалмы и библейские песни. Из дохристианских ветхозаветных текстов наибольшее употребление в суточном круге богослужения имеют псалмы. Именно на утрени прочитывается вся Псалтирь — либо за неделю, либо за три дня. Псалмы в христианском богослужении представлены в трех видах употребления:

1) тексты псалмов в первоначальном виде читаются подряд по установленному чину;

2) текст и часть текста псалма перемежается с текстами новозаветных гимнов и песней духовных;

3) текст псалма претворен, перефразирован в понятиях и образах Нового Завета, раскрыто его пророческое содержание.

Кроме псалмов, используются так называемые библейские песни, составляющие как бы малую Псалтирь, которая употребляется только на утрени.

Некоторые псалмы первого вида употребления твердо закреплены за отдельными моментами богослужения — двупсалмие (19-й, 20-й), шестопсалмие, 50-й псалом, 118-й псалом и хвалитные псалмы.

В основном же Псалтирь целиком прочитывается на утрени по мирной ектении (кроме 18-й кафизмы) отдельными последовательными отрывками за ряд дней. Если выполнить требования Типикона в точности, то Псалтирь должна быть прочитана целиком и подряд в течение года 58 раз.

Монашеское богослужение середины первого тысячелетия предусматривало прочтение Псалтири за одни сутки (преподобный Нил Синайский). Но и приходские церкви широко употребляли Псалтирь: "В наших собраниях Давид первый, средний и последний" (Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 6-я, О покаянии).

Современный устав наибольшую плотность прочтения псалмов определяет на великопостной седмичной службе (утреня и часы).

Специфически утренним псалмом является пятидесятый. "Проведя ночь в разнообразном псалмопении (наши современные кафизмы на утрени.— *О. Ш.*), перемежаемом молитвами (наши современные ектении и седальны.— *О. Ш.*), на рассвете же дня все вместе как бы едиными усты (надо полагать, хором.— *О. Ш.*) и единым сердцем возносят Господу псалом исповедания, творя покаяние каждый собственными словами",— пишет Святитель Василий Великий (Письмо к Неокессарийскому клиру, 63-е). В древности псалмом исповедания назывался именно 50-й псалом *Помилуй мя, Боже.* Этот псалом не только полностью читается посреди чинопоследования утрени, но одна из его строк предваряет утреню вслед за Ангельским славословием — *Господи, устне мои отверзеши...* — молитва после ночного безмолвия.

Второй вид употребления псалмов — это краткие изречения из них в виде предваряющих чтение возгласов (прокимны) и песнопений, либо — особого рода компиляций, составленных из различных псалмов (Великое славословие), либо —

отдельных вкраплений между вероучительными христианскими текстами (стихиры на хвалитных и литийных стихирах).

Для прокимнов восьми гласов на чтении Евангелия за утреней использованы стихи псалмов – 7, 9, 11, 43, 79, 95, 145 и, кроме того, для прокимна *Всякое дыхание...* – стихи псалмов 148–150. Следовательно, прокимны, при всей их краткости как бы обнимают всю Псалтирь – мы ее как бы всю прочитываем прежде... чем приступим к чтению Евангелия.

Третий вид употребления псалмов на утрени – это их новозаветное преображение. Самый характерный пример представляет 18-я кафизма, псалмы которой претворены в песни в честь Святого Духа – степенны (антифоны недели утра осмогласника). Вот некоторые из них:

Псалом и стих	Степенна
Пс. 119, 1. *Ко Господу, внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя*	Глас 1, стихира 1. *Внегда скорбети ми услыши моя болезни, Господи, к Тебе зову*
Пс. 125, 1. *Внегда возвратити плен Сионь*	Глас 3, стихира 1. *Плен Сионь Ты изъял еси от Вавилона*
Пс. 126, 1. *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии*	Глас 3, антифон 2. *Аще не Господь созиждет дом добродетелей, всуе труждаемся*
Пс. 127, 1. *Блажени вси боящиеся Господа, ходящие в путех Его*	Глас 7, антифон 3. *Боящиеся Господа пути живота обрести*

В антифонах дважды используется исходная тематика 18-й кафизмы – с первого по четвертый глас и с пятого по восьмой глас. Исключительной особенностью антифонов являются стихи, поемые на *Славу* и посвященные Святому Духу. В этом состоит уникальность утрени, поскольку иных песен, посвященных именно Святому Духу, кроме как в Понедельник по Пятидесятнице, не имеется.

Восемнадцатая кафизма претворена в своеобразные троичные, в которых псаломские образы наполнены евангельским содержанием, и в них воспевается преимущественно Дух Святой, животворящий и устрояющий всякое покаяние, молитвы и спасение. Евангельски преображенные псалмы так и остаются песнопениями восхождения, но уже не к Ветхому храму, а к Слову, Которое грядет.

В древнем Иерусалиме песни степенн предваряли жертву; степенны утрени также предваряют жертву, поскольку чтение Евангелия – это духовное жертвенное служение: "Будем прибегать к Евангелию как к Плоти Иисуса" (священномученик Игнатий Богоносец. Филад. 5.).

И наконец, следующий вид употребления текстов Ветхого Завета, близких по содержанию и своему значению к псалмам, это – библейские песни.

Первая такая песнь прозвучала из уст Моисея и народа израильского после Исхода из Египта: *Поем Господеви, славно бо прославися* (Исх. 15. 1–19). Следующая песнь Моисея *Вонми небо* (Втор. 32, 1–43) пелась при утренней жертве в иерусалимском храме.

В разное время оформились другие библейские песни, находившие употребление как в ветхозаветной Церкви, так и в развитии христианского богослужения утрени – песня Анны *Утвердися сердце мое* (1 Цар. 2, 1–10), Аввакума – *Господи, услышах слух Твой* (Ав. 3, 2–19) и другие.

Позднее в состав библейских песен вошла новозаветная песнь, состоящая из песни Богородицы *Величит душа Моя Господа* и песни Захарии *Благословен Господь Бог Израилев* (Лк. 1, 68–79). Первая часть этой песни – *Величит душа Моя Господа* – поется неопустительно во все дни на утрени, кроме дней Господних праздников, вторая часть – *Благословен Господь Бог Израилев* – употребляется так же, как и остальные библейские песни. Устав предписывает петь эти песни в течение всего года, но сложилась практика их пения только в великопостные утрени.

Тем не менее "знаки" библейских песен, как бы заменители их, составляющие основу канона на утрени, воспеваются весьма величественно и неукоснительно – это ирмосы. Ирмос представляет собой краткий перефраз соответствующей библейской песни, осмысленной в новозаветных образах и идеях. В то же время ирмос является смысловой связкой библейской песни и следующих за ней тропарей канона. Ирмосы по своему содержанию и смыслу относятся к библейским песням так же, как степенны (антифоны осмогласника) – к псалмам 18-й кафизмы, то есть ирмосы являются христианским воцерковлением библейских песен храмового периода иудейского богослужения.

Творцами первых ирмосов по вдохновению Святого Духа были преподобные

Андрей Критский и Иоанн Дамаскин. В конце концов, из ирмосов составилась богослужебная книга – Ирмологий.

Псалмы и библейские песни пронизывают весь строй православной утрени от начала до конца:
двупсалмие (19-й и 20-й псалмы);
шестопсалмие;
респонсорий Пс. 117 и Ис. 6, 9–17 на *Бог Господь* или *Аллилуиа*;
кафизмы – последовательное чтение всех псалмов;
непорочны (Пс. 118) или *Хвалите* (Пс. 148–150);
степенны – преображенная 18-я кафизма;
прокимны;
псалом исповедания – 50-й;
библейские песни и ирмосы – парафразы библейских песен;
хвалитные псалмы (Пс. 148–150).

Основанием для столь полного использования псалмов в христианском богослужении служит боговдохновенная практика ветхозаветного храма, преображенная евангельским Духом. Начало богослужебного употребления библейских песен можно относить к XVI веку до Рождества Христова – времени Исхода Израиля из Египта, а псалмов – по крайней мере, к X веку до Рождества Христова – времени жизни царя-пророка Давида.

Молитвы. О молитвах уже велась выше речь, а именно о молитвах священника. Собственно говоря, все богослужение в целом можно толковать как молитву – покаянную ли, хвалебную ли, просительную ли.

В то же время молитвой по преимуществу следует считать ектении с призывами *Господу помолимся* и ответы на эти призывы *Господи, помилуй*.

В чинопоследованиях богослужений, содержащихся в Апостольских постановлениях и в древних списках литургии, молитвами называется то, что теперь мы называем ектениями.

Впервые молитва в означенном виде прозвучала из уст Соломона по окончании строительства храма: *Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля... услышь и помилуй; ... при всякой молитве, при всяком прощении... Ты услышь с неба, с места обитания Твоего и помилуй...* (3 Цар. 8, 22–53).

Всю молитву Соломона можно свести к семнадцати прошениям, обращенным к Богу: *Услышь и помилуй*. Кстати, на службе христианской вечерни ектения *Рцем вси* в соединении с ектенией *Исполним вечернюю* тоже содержат семнадцать прошений.

Господи, помилуй – всеобщая христианская молитва, повторяемая в течение служб суточного круга сотни раз. Завет *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17) можно осуществить имея такую именно краткую и емкую молитвенную формулу. *Помилуй* как обращение к Богу в Ветхом Завете встречается только в упомянутой молитве Соломона, несколько раз в псалмах и один раз у пророка Исаии (33, 2). Особая форма прошения о помиловании в соединении с исповеданием грехов своих представлена в молитве мытаря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13). Краткое, содержательное и новозаветное (покаяннное) прошение *Господи, помилуй* преобразовалось действием Святого Духа в Иисусову Молитву: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного*, ставшую словесным дыханием во Христе живущего молитвенника. Особенно широко употреблена эта молитва у православных христиан Руси.

В чинопоследовании утрени предусмотрено три пространных и шесть кратких ектений, каждая из которых включает прошения от лица народа – *Господи, помилуй*. В полном чине утрени молитва *Господи, помилуй* произносится более ста двадцати раз, обнимая всякое молитвословие – произносится перед чтением псалмов и после него, перед чтением песен канона и после него, в начале утрени и при окончании.

Молитва *Господи, помилуй* так благодатна и всеобъемлюща, что иногда дух молящегося христианина целиком сосредоточен только на ней; это молитвословие истинно христианское, не заимствованное, а откровенное – в псалмах и в Храме пророченное, а в Евангелии осуществленное – *...яко вниде сей оправдан в дом свой...* (Лк. 18, 14).

Чтения. Чтение Священного Писания как богослужебный акт возникло по обретении Книги Закона священником Хелкией при царе Иосии в 622 году до Рождества Христова.

Книгу Закона дал Моисей во *свидетельство против* народа израильского (Втор. 31, 26): *ибо я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь от пути, который я завещал вам* (Втор. 31, 29).

Чтение этой Книги перед всем народом было актом заключения Завета: *И весь народ вступил в Завет* (4 Цар. 23, 3).

Затем чтение Священного Писания при книжнике Ездре приобрело учительную роль (Неем. 8, 8–9). И наконец, *сбысться писание* (Лк. 4, 21), закрыл Господь Книгу Ветхую (Лк. 4, 20), обличив слушателей, исполнившихся ярости (Лк. 4, 28), и начал учить учением Его (Лк. 4, 15); Он же раскрыл книгу Завета Вечного (ср.: Откр. 5, 9).

Апостольские мужи прозревали, что чтение Евангелия — это своего рода жертвоприношение; Священное Писание — это духовная пища, а *ядущий Плоть Мою... имеет жизнь вечную* (Ин. 6, 54). Поэтому чтение Евангелия на утрени или литургии — это прежде всего духовное жертвоприношение, а затем только учение и обличение.

Учительное значение приобретают в основном чтения Апостола и книг Ветхого Завета. Только в последнем (учительном) случае христианское богослужение подобно синагогальному.

Реакция на синагогальные тенденции в раннем христианстве породила ересь маркионитства — зазирания книг Ветхого Завета. В целях церковного мира с тех пор сместился акцент с книг Ветхого Завета на Псалтирь и книги Нового Завета, а среди последних Апостолу необрезанных, Павлу, отдается предпочтение перед апостолами обрезанных, то есть Павловы писания прочитываются раньше других.

Карфагенский Собор (397 г.) повелел в дни памяти мучеников читать об их страданиях, отсюда произойдут в дальнейшем Пролог и Синаксарь. Иерусалимский устав (рукопись XII века Грузинской Лавры преподобного Шио Мгвимели) определяет следующие чтения воскресной утрени: чтения после каждой кафизмы (как правило, два);

чтение после "ипакои";

чтение Евангелия;

чтения после 3-й и 6-й песни канона;

по отпусте в притворе чтение "Оглашения Студитова".

Семь чтений с евангельским центром — своеобразная полнота благовестия. Утреня, как образ Воскресения Христова, содержит только новозаветные чтения — Евангелия, Пролога, Писаний Святых Отцов.

Самое прискорбное в современной практике богослужения утрени — отсутствие всех чтений, кроме воскресного (праздничного) Евангелия; вопреки требованиям принятого Устава народ Божий лишен познания Божественных сокровищ.

Чтения в христианском богослужении имеют сакраментальный смысл — *И весь народ вступил в Завет* (4 Цар. 23, 3); *Достоин еси приати книгу и отверзти печати ея* (Откр. 5, 9). Завет и Тайна были в начале откровения Слова, Завет и Тайна в словесном служении — даже до Суда.

В богослужебных чтениях, в особенности Евангелия, сообщительно-благодатный аспект преобладает над учительно-повествовательным — в этом заключается особенность православного богослужения.

Молитва Господня. Самой главной и великой молитвой спасенного во Христе человечества является Молитва Господня *Отче наш*. Она — на рубеже Ветхого и Нового Заветов и явлена из Святейших Уст Спасителя на прошение иудеев — *научи нас молиться* (Лк. 11, 2).

Апостолы трижды в день собирались на молитву (ср.: Деян. 2, 15; 3, 1; 10, 9) и трижды возносили Молитву Господню (Дидахи... 8). В III веке эта молитва считалась основною и самою необходимою молитвою при всяком богослужении.

В Католической Церкви Молитва Господня иногда употреблялась в виде отпустного благословения. Благословительный характер молитвы *Отче наш* наблюдается и в православных богослужениях.

В великопостной утрени трижды возносится *Отче наш* — дважды в начале и один раз в конце; во вседневной утрени — два раза — в начале и в конце; только воскресная утреня не содержит *Отче наш*, но здесь учитывается то, что первый час присоединяется к утрени, где Молитва Господня звучит как отпустное благословение всей всенощной.

Троическое славословие. К Молитве Господней тесно примыкает и почти всегда возносится вместе с ней цикл троических славословий — *Трисвятое*, *Пресвятая Троице*, *Слава, и ныне*.

Трисвятое — это развернутая по содержанию и смыслу серафимская песнь *Свят, Свят, Свят* (Ис. 6, 3). Оформилось это молитвенное славословие в результате христологических откровений первых Вселенских Соборов.

Древнейшее упоминание о молитвословии *Пресвятая Троице* находим в ефиопском часослове дохалкидонского извода; славословие же *Слава, и ныне* находим в мученических актах (священномученик Игнатий Богоносец, мученица Евгения и др.).

Следовательно, преодолевая арианство, Православная Церковь обрела славо-

словие *Слава, и ныне*, во время торжества учения о единосущии Иисуса Христа (до Халкидона) Церковь обрела молитвенное славословие *Пресвятая Троице*, а преодолев монофизитство, Церковь обрела славословие *Трисвятое*. Поэтому цикл троических славословий — это Божественное откровение о Лицах Пресвятой Троицы и о двух природах Господа Иисуса Христа.

Славословием *Слава, и ныне* как вероучительным исповеданием завершается всякий молитвенный чин — псалмы, стихиры, песни канона и т. п.

Это как бы многократное, сопоставимое по своей частоте с *Господи, помилуй*, троическое исповедание — малое изображение Символа веры — *Верую во единого Бога Отца...*

Гимны и песни духовные. Божественное откровение воплотилось в христианские гимны и духовные песнопения. Гимны и песни в христианском богослужении имеют по преимуществу учительное назначение: *Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу* (Кол. 3, 16).

К первым песням относят *Свете Тихий* и приписывают ее мученику Афиногену († 169), но уже в III веке, по словам Тертуллиана, в Церкви было "довольно песен, довольно пения".

Христианские песни — это прежде всего догматические тексты, представляющие народу Божию таинственный смысл догмата в доступных вере и сознанию образах и понятиях. Догматически-учительные песнопения по своему объему на утрени сопоставимы с псалмами и библейскими песнями (пророческо-покаянный элемент). Христианские песнопения и гимны суть следующие: тропари и кондаки, седальны и икосы, стихиры и каноны, светильны и ипакои, *Честнейшую...* и прочие.

В древности к пению тропарей, канонов и других песнопений относились со всей строгостью. Преподобный Нил Синайский (VIII век) с братиею не пел сих песней, по праву считая, что они имеют учительный характер, а учить подобает только епископу или уполномоченному епископом священнослужителю — чтецу, диакону, иерею. Братия преподобного Нила не имела такого епископского посвящения, поэтому не считала возможным петь догматически-учительные песни и гимны.

Божественное откровение истин Православия продолжается и по сей день — составляются службы (гимны и песни) новым, прославленным во святых угодникам Божиим.

Христианское богослужение, в частности утреня, столь же ново, сколь и древ-

Исторические корни богослужения христианской православной утрени

№ п/п	Образ откровения - элементы христианского богослужения	Время (исторический период)	Событие Священной Истории	Носители откровения
1.	Благословение	XX в. до Р. Х.	Установление богослужения (приношения)	Царь и священник Мелхиседек
2.	Библейские песни и псалмы	XVI—X вв. до Р. Х.	Исход и откровение покаяния	Пророк Моисей, царь и пророк Давид
3.	Молитва и прошение о милости	X в. до Р. Х.	Установление храмового богослужения	Царь Соломон
4.	Чтение Священного Писания	622 г. до Р. Х.	Обретение Книги Закона	Царь Иосия
5.	Молитва Господня	I в. по Р. Х.	Проповедь Евангелия	Господь Иисус Христос
6.	Троическое славословие	I—V вв. по Р. Х.	Исповедание спасения	Апостольские мужи и отцы I—IV Вселенских Соборов
7.	Вероучительные гимны и песни	II—IX вв. по Р. Х. и по сей день	Христологические и Мариологические откровения	Отцы Вселенских Соборов и сонм *сладкопевцев*

не; оно ниоткуда не выводимо — ни из языческого, ни из синагогального "закона молитвы", но возникает в силу таинственности и свободы Духа Святого: *...семя прозябает и растет, якоже не весть* человек (Мк. 4,27); *Дух идеже хощет, дышит, и глас Его слышиши, но не веси, откуду приходит и камо идет* (Ин. 3,8).

Упорядочиваем все сказанное об исторических корнях богослужения христианской православной утрени в таблице на с. 92.

Семь элементов суть полнота словесного служения, обнимающая полноту времен Божественного откровения спасения твари Отцом Небесным во Иисусе Христе действием Святого Духа.

Теперь следует обратить внимание на важнейшую особенность службы православной утрени по Иерусалимскому Уставу.

Выше уже не раз упоминалось связанное употребление элементов богослужения, например: чтение псалмов всегда завершается троическим славословием, ектения — благословением и т. п. Таким образом формируются устойчивые молитвосочетания — как бы отдельные чинопоследования, которые в богослужебных книгах имеют названия: "начальные молитвы", "хвалите", "каноны" и т. п. Они могут быть большими по объему, например канон целиком, либо несоизмеримо малыми, например одна песнь *Достойно есть*. Выделение небольших молитв типа *Достойно есть* в отдельный чин определяется тем, что подобные молитвословия нигде и никогда не связываются жестко с другими молитвословиями, но всегда употребляются автономно, а если исключаются, то это не ведет за собой исключение других молитвословий. Анализируя смысл и структуру утрени по Иерусалимскому Уставу, мы обнаруживаем в ней ровно сорок устойчивых молитвосочетаний (см. Структуру богослужения утрени).

Структура богослужения утрени по Иерусалимскому Уставу

№ п/п	Великопостная утреня	Вседневная утреня	Воскресная утреня
1	*Благословен Бог наш*	*Благословен Бог наш*	
2	*Трисвятое — Отче наш*		
3	*Господи помилуй*, 12 раз		
4	Двупсалмие	Двупсалмие	
5	*Трисвятое — Отче наш*	*Трисвятое — Отче наш*	
6	Тропари	Тропари	
7	Ектения *Помилуй нас*	Ектения *Помилуй нас*	
8	*Слава Святей...*	*Слава Святей...*	*Слава Святей...*
9	*Слава в вышних Богу*	*Слава в вышних Богу*	*Слава в вышних Богу*
10	Шестопсалмие	Шестопсалмие	Шестопсалмие
11	Мирная ектения	Мирная ектения	Мирная ектения
12	*Аллилуиа*	*Бог Господь...*	*Бог Господь...*
13	Тропари-троичны	Тропари-святых	Тропари-воскресные
14	Кафизмы	Кафизмы	Кафизмы
15			Непорочны, полиелей, *Ангельский собор...*
16			Ипакои, седальны, чтения
17			Степенны
18			Прокимен — *Мир всем*
19			Евангелие
20			*Воскресение Христово...*
21	Псалом 50-й	Псалом 50-й	Псалом 50-й, *Слава, и ныне*
22			Стихира по Евангелии
23			*Спаси, Боже, люди Твоя*
24	Каноны	Каноны	Каноны
25	*Достойно есть* и ектения	*Достойно есть* и ектения	Катавасия и ектения
26			*Свят Господь Бог...*
27	Светилен	Светилен	Екзапостиларий и проч.
28	Хвалитные псалмы	Хвалитные псалмы	
29	Хвалитные стихиры	Хвалитные стихиры	Хвалитные стихиры
30	*Тебе слава подобает, Слава Тебе, показавшему нам свет*	*Тебе слава подобает Слава Тебе, показавшему нам свет*	*Слава Тебе, показавшему нам свет*
31	Великое славословие	Великое славословие	Великое славословие
32			Воскресный тропарь

№ п/п	Великопостная утреня	Вседневная утреня	Воскресная утреня
33	*Исполним утреннюю*	*Исполним утреннюю*	*Помилуй нас, Боже* — *Исполним утреннюю*
34	Стихиры на стиховне	Стихиры на стиховне	
35	*Благо есть...*	*Благо есть...*	
36	*Трисвятое — Отче наш*	*Трисвятое — Отче наш*	
37	*В храме стояще...*	Тропарь дня	
38	*Господи помилуй*, 40 раз	Ектения *Помилуй нас, Боже*	
39	*Честнейшую...*	*Премудрость — Честнейшую*	*Премудрость — Честнейшую*
40	*Небесный Царю...*	Благословение — отпуст	Благословение — отпуст

Наш вариант членения может быть в некоторых частностях спорным, но то, что эти сорок элементов имеют очевидное симметричное расположение в отношении Евангелия, удивляет своею премудростию и внутренней закономерностью построения утрени.

Образом чинопоследования утрени может быть Фаворская гора — на нее входили апостолы-иудеи, на вершине горы они увидели пророков и Иисуса Христа в славе, а сходили с горы апостолы-христиане без пророков, но с открывшимся им Спасителем Господом. Иначе говоря, чин утрени псалмами восходит к Евангелию и преобразуется в ликующие песни — вестник Воскресения.

Сорок молитвенных чинов образуют симметричную структуру из пятнадцати ступеней, не считая Евангелия.

Каждая ступень — это либо буквальное совпадение содержания молитвенных чинов по обе стороны своеобразной горы восхождения (1-я, 3-я, 5-я, 7-я ступени), либо — развитие содержания их от левой части к правой (6-я, 8-я и 13-я ступени), либо — преобразование псалмических (ветхих) образов в христианские идеи

и понятия, иначе говоря, претворение покаяния в хваление (4-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 15-я ступени).

Исключительную особенность представляет 14-я ступень – "Степенны – 50-й псалом". Здесь, до Воскресения, дано как бы пророчество о Святом Духе – новозаветной реальности, а после Воскресения – снова обращение к покаянному плачу. Последнее имеет аналогом молитвы и моления апостолов (ср.: Деян. 1, 14) после Воскресения, но до Сошествия Святого Духа – в горнице, а не в храме, в своем кругу, а не во Вселенной. Антифоны в целом суть песни надежды – *На небо очи мои возвожу...*, да и 50-й псалом оканчивается выражением надежды – *тогда возложат на олтарь Твой тельцы*, таковы и моления апостолов в горнице.

Буквальное совпадение содержания молитвенных чинопоследований утрени на 1-й, 3-й, 5-й и 7-й ступенях говорит о том, что гипотеза о симметричности утрени имеет достаточное основание, что это – реальное отражение уникальной закономерности и целесообразности структуры христианского богослужения.

В какой последовательности служба утрени начинается и разворачивается, в той же последовательности, но в обратном порядке она завершается. Опорные узлы симметрии – *благословение*, ектении, *Трисвятое*, Евангелие; на 7-й ступени даже возглас священника *Яко Милостив и Человеколюбец...* одинаков как в начале, так и в конце утрени.

Развитие темы отдельных молитвенных чинов первой половины утрени в элементах второй половины особенно наглядно на 8-й ступени: *Слава Святей...* претворяется в *Славе Тебе, показавшему нам свет*; *Слава в вышних Богу...* развертывается в первую половину Великого славословия, то есть ангельское славословие дополняется троическим исповеданием; *Господи, устне мои отверзеши...* развертывается в псалмическую конструкцию Великого славословия со слов *Сподоби, Господи...*, и, кроме того, добавляется центральная песнь дня – праздничный тропарь.

Даже на 2-й ступени наблюдается развитие темы первой половины утрени: полному Троическому славословию первой половины соответствуют во второй половине его элементы (*Слава, и ныне, Господи помилуй*) и новое славословие Божией Матери – *Честнейшую...* Вторая ступень знаменует полноту исповедания Христологии и Мариологии.

Претворение псалмических чинопоследований в песненные особенно характерно для 11-й ступени. Шестопсалмие претворяется в хвалитные псалмы и стихиры. Обращение к твари о благословении и хвалении имеется как на шестопсалмии, так и на хвалитех – *Благословите Господа, вси ангели Его..., Благословите Господа, вся дела Его...* (Пс. 102, 20, 22); *Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его, вси ангели Его, хвалите Его, вся силы Его* (Пс. 148, 1). Тема развивается от благословения к хвале – к словесной жертве.

Другой пример претворения "ветхой" молитвы в новую наблюдаем на 11-й ступени, где кафизмы претворяются в каноны.

Наибольшее число кафизм на утрени – три, в каждой из которых есть три *Славы*, следовательно, наибольшее количество *Слав* – девять. Каждая кафизма завершается ектенией, возгласом священника и седальнами. Чинопоследованию кафизм в точности соответствуют каноны. Канон имеет девять песен, после каждого трипесница следуют ектении, возглас священника и седальны (кондаки, икосы).

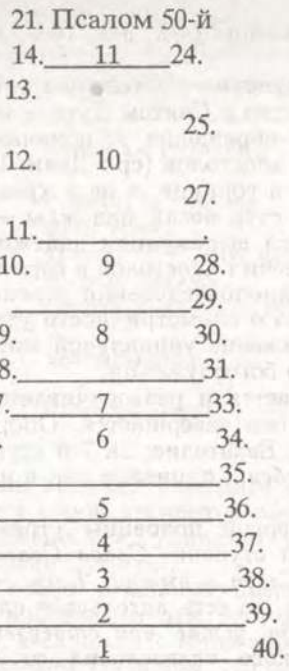
Библейские песни и ирмосы удерживают содержание и смысл канонов в русле пророческих тем, знаменуя неслиянное единство "ветхих" псалмов и новых гимнов.

Ступень 15-я – предварение (прокимен) и исполнение обетования (*Воскресение Христово видевше...*) – последняя ступень к сокровищу спасения – Святому Евангелию. Здесь вершина торжества богослужения утрени, которая в Православной Церкви является образом Воскресения Христова.

Итак, структура полного состава утрени содержит сорок парных молитвенных чинов, которые располагаются симметрично относительно Евангелия. Молитвы до Евангелия носят покаянно-пророческий характер и состоят в основном из псалмов, а после Евангелия – хвалитный характер и состоят в основном из песней и гимнов христианского происхождения. Вся утреня пронизана троическим славословием и исповеданием.

Частные уставные варианты утрени, несмотря на исключение ряда молитвенных чинов, остаются также симметричными. Во вседневной и в великопостной утрени нет чинов с 15-го по 20-й, а также – 22-го, 23-го, 26-го и 32-го. Тем не менее симметричность сохраняется, но центром симметрии является псалом 50-й как самый важный элемент утрени еще с первых веков христианства (см. схему № 2).

Схема № 2

Симметричная структура вседневной и великопостной утрени: центр симметрии — псалом 50-й, являющийся 12-й ступенью симметричной структуры. Цифры с точками означают номера молитвенных чинов утрени, представленных в описании структуры богослужения утрени

В конструкции чинопоследований этих вариантов утрени можно выделить двенадцать ступеней.

Воскресная утреня, присоединяемая к Великой вечерни или к полунощнице, не содержит молитвенных чинов с 1-го по 7-й и с 34-го по 38-й, поэтому симметричность ее нарушена на первых ступенях; но с 8-го чина и по 32-й чин симметричность сохраняется центром, которым является Евангелие. В конструкции воскресной утрени насчитывается девять симметричных ступеней структуры молитвенного последования.

Такую сложную, сложившуюся за четыре тысячелетия конструкцию богослужения со всевозможными сакраментальными числовыми соотношениями — семь видов словесного служения, сорок молитвенных чинов, 15, 12 и 9 ступеней симметричного восхождения к Евангелию или 50-му псалму, устойчивая симметричность ступеней восхождения и прочее — такую конструкцию утрени нельзя ни специально придумать, ни заимствовать, ни синтезировать из разнородных элементов. Этот боговдохновенный строй христианского богослужения мог быть внушен творцам молитвословий только силою и наитием Духа Святого.

Богослужение утрени имеет внутреннюю цельность и взаимообусловленность всего чинопоследования. Исключение хотя бы одной группы молитвословий приводит к нарушению внутренней логики словесного служения, к искажению смысла утрени.

Предложенной интерпретацией внутреннего строя православной утрени опровергается идея ее синагогального заимствования и "византийского синтеза".

О. В. ШВЕДОВ

МЫТАРСТВА

(частный суд по смерти)

ЗАГРОБНАЯ СТЕЗЯ

О посмертном состоянии наших душ открыто нам в слове Божием и учении Церкви столько, сколько нужно для нас; а неоткрытое потому не открыто, что и не нужно, что излишне для нас в настоящей нашей жизни, и потому, что осталось бы для нас непонятным, невместимым для нас. Святой апостол Павел, при земной еще жизни удостоившийся проникнуть в тайны будущей, когда восхищен был в рай, сказал, что слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12,4).

Православная Церковь учит, что душа человека, по разлучении с телом, приводится к Богу на суд, который, в отличие от всеобщего, последнего, Суда, называется *частным*, потому что совершается не торжественно пред лицом всего мира и имеет целию определить участь души не на целую вечность, как Суд последний, а только до всеобщего воскресения. А что этот суд действительно будет происходить, мы уверяемся из Священного Писания. Апостол Павел сказал: *человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27). Из притчи Спасителя о богатом и Лазаре также ясно открывается, что по смерти тотчас следует известное решение участи (Лк. 16,23), смотря по делам умершего, следовательно, происходит суд. Несомненная действительность такого суда вытекает еще как из понятия о земной жизни, поприще испытания, так и из понятия о Боге, Творце, Судии и Мздовоздаятеле нашем; потому и говорит сын Сирахов, приводя верование Церкви Ветхозаветной: *яко удобно есть пред Богом в день смерти воздати человеку по делам его* (Сир. 11, 26).

Частный суд Божий над душами, по учению Церкви, предваряется истязанием или испытанием их в так называемых *мытарствах*, чрез кои они в сопровождении ангелов проходят в области воздушной и где злые духи, находясь в своей области (Еф. 6, 12), задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни. Ученику преподобного Василия Нового (жившего в первой половине X века), Григорию, были открыты в видении обстоятельства смертного часа и хождения по мытарствам блаженной Феодоры. Вот что блаженная Феодора говорила ему:

"Когда я приблизилась к концу своей жизни и настал для меня час разлучения с телом, то увидела я множество эфиопов, стоявших около моей постели; лица их были черны, как сажа и смола, очи — как раскаленные угли, а взгляд страшный до того, что и сказать нельзя. Они, яростно смотря на меня, скрежетали зубами, как будто хотели пожрать меня. Тут же они приготовляли бумаги, как бы ожидая какого судию, и развертывали свитки, в которых были записаны все мои злые дела. Бедная душа моя была в несказанном страхе и трепете. Страшный вид эфиопов был для меня лютее самой смерти. Я отворачивалась туда и сюда, но не могла не видеть эфиопов и не слышать голосов их. Изнемогши до конца, я увидела наконец двух светлых ангелов Божиих, которые подошли ко мне в виде красивых юношей. Одежды их сияли светом, и они препоясаны были крестообразно на груди золотыми поясами. Приблизившись к моей постели, они стали с правой стороны, тихо беседуя между собою, а я обрадовалась и весело смотрела на них. При виде их эфиопы содрогнулись и отступили. Тогда один из светоносных юношей строго сказал им: "О, бесстыдные, проклятые и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда спешите приходить к умирающим и своим криком смущаете душу, разлучающуюся с телом? Не радуйтесь; тут вы ничего для себя не найдете: Бог помиловал эту душу, и вам нет ничего общего с нею!" Эфиопы неистово закричали и начали показывать записки о злых делах, от юности мною соделанных, говоря: "Мы не имеем дела до ней? А это чьи грехи? Не она ли творила их?" — Крича таким образом, они выжидали смерти моей. И вот пришла смерть, и из уст моих излетел последний вздох, а светоносные ангелы взяли мою душу на руки свои. Я оглянулась назад и увидела, что мое тело лежит без чувства и движения. Подобно тому, как если бы кто, сбросивши с

себя одежду, смотрел на нее, так и я смотрела на свое тело, будто на одежду, и очень удивлялась этому. Между тем как святые ангелы держали меня, бесы, в виде эфиопов, окружили нас и кричали: "Эта душа имеет много грехов, пусть отвечает за них!" И начали показывать мои грехи, а святые ангелы начали искать добрых моих дел и обретали благодатию Божиею все, что при помощи ее сделано мною. Они собирали все, что я сделала когда-либо доброе: дала ли милостыню убогим, или накормила алчущего, или напоила жаждущего, или одела наготующего, или странного ввела в дом и упокоила, или послужила рабам Божиим, или посетила больного и в темнице сидевшего и утешила его; приходила ли с усердием в храм Божий и молилась с умилением и слезами, или внимательно слушала чтение и пение церковное, или приносила в храм ладан и свечи, или наполняла маслом церковные лампады на освещение святых икон и лобызала иконы с благоговением; или постилась и воздерживалась в среды, пятки и во все святые посты, или клала поклоны и ночь проводила в бдении, или воздыхала к Богу и плакала о грехах своих, или исповедовала грехи свои пред отцом духовным с сердечным сожалением о них и старалась делать за них удовлетворение; или оказывала что-нибудь доброе ближним, не гневалась на врагов, не памятозлобствовала и кротко переносила досаждения и укоризны, за зло воздавала добром, смирялась, жалела о чужой беде и сострадала страждущим, утешала плачущего и подавала ему руку помощи, споспешествовала кому в добром деле, а от худого отвращала; или сама отвращала очи мои от суеты и удерживала язык от клятвы, лжи, клеветы и суесловия, — и все иные, самые малейшие добрые мои дела, одно за другим, святые ангелы собирали и готовили положить на весы против злых моих дел. Эфиопы, смотря на это, скрежетали на меня зубами своими, потому что хотели тотчас вырвать меня из рук ангельских и низвести на дно ада. В это самое время нечаянно явился там преподобный отец Василий и сказал святым ангелам: "Святые ангелы! Эта душа много послужила к упокоению старости моей, а потому я молился об ней к Богу, и Бог даровал ее мне". Сказавши это, он вынул из-за пазухи как бы мешочек с золотом и отдал его ангелам со словами: "Вот сокровище молитв пред Господом об этой душе! Когда будете проходить воздушные мытарства и лукавые духи начнут истязывать ее, то вы искупляйте ее этим от долгов ее". После сего ушел, лукавые же духи, увидев дар преподобного Василия, сперва стояли в недоумении, потом подняли плачевные крики и сделались невидимы. Тогда снова явился угодник Божий Василий, неся с собою много сосудов чистого елея и драгоценного мира, которые все, один за другим, вылил на меня, отчего я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что я переменилась и сделалась очень светлою. И опять сказал ангелам преподобный: "Когда вы, святые ангелы, сделаете все необходимое для этой души, тогда введите ее в приготовленную мне от Господа обитель, пусть там и остается". После сего стал невидим; а святые ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на восток.

МЫТАРСТВО 1

Когда мы шли от земли к высоте небесной, то вначале сретили нас воздушные духи первого мытарства, на котором истязуются грехи *празднословия*, то есть бесед безрассудных, скверных, бесчинных. Мы остановились, и пред нас вынесены были многие свитки, где записаны были все слова, произнесенные мною от юности моей непотребно и безрассудно, а особенно если они выражали что-нибудь срамное или кощунственное, как нередко бывает на языке людей молодых. Я видела записанными там все свои буесловия, сквернословия, все мирские бесстыдные песни, бесчинные крики, смех и хохот. Всем этим злые духи обличали меня, указывая на время и место, когда, где и с кем занималась я суетною беседою и прогневала Бога своими непристойными словами, не считая этого грехом, а потому не исповедывалась в них духовному отцу и не раскаивалась. Я молчала, как безгласная, не будучи в состоянии отвечать, потому что лукавые духи правильно обличали меня. Когда я молчала, стыдилась и от страха трепетала, святые ангелы положили нечто из моих добрых дел, а недостающее восполнили из сокровища, подаренного преподобным отцом Василием, и этим выкупили меня.

МЫТАРСТВО 2

Оттуда пошли мы выше и приблизились к *мытарству лжи*, на котором истязуется всякое слово ложное, то есть клятвопреступление, напрасное призывание Имени Божия, лжесвидетельство, неисполнение данных Богу обетов, неискреннее

и неистинное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства злы и свирепы; они остановили нас и начали подробно испытывать. Но я обличена была только в двух: первое, что случалось мне иногда солгать в неважных вещах, и я даже не считала того за грех; второе, что из ложного стыда я, бывало, неискренно исповедывалась пред отцом моим духовным. А клятвопреступления, лжесвидетельства и тому подобных беззаконий не нашли во мне, по милости Христовой. Святые ангелы на этом мытарстве против моих грехов положили нечто из моих добрых дел, а более молитвы духовного отца моего выкупали меня, — и мы пошли выше.

МЫТАРСТВО 3

Достигли мы мытарства, истязующего *осуждение* и *клевету*. Тут остановили нас, и я уразумела, как тяжек грех осуждения ближнего и как велико зло клеветать на кого-либо, осуждать, бесславить, хулить, браниться и смеяться над чужими недостатками. Таких грешников лютые истязатели истязуют, как антихристов, предвосхитивших себе право суда над другими. Но во мне, по благодати Христа, немного нашли этих грехов, потому что я во все дни жизни моей прилежно старалась никого не осуждать, ни на кого не клеветать, ни над кем не смеяться и не бранить никого. Только иногда, слушая иных, как они осуждают, клевещут или смеются над кем-нибудь, случалось и мне немного соглашаться с ними мыслию или по неосторожности прибавлять свое слово, и тотчас зазирала себя и останавливалась; но и самое поползновение истязатели вменяли мне в осуждение и клевету. И тут ангелы, выкупивши меня дарованием молитв преподобного Василия, пошли со мною выше.

МЫТАРСТВО 4

Дошли мы до мытарства *чревоугодия*, и тотчас выбежали навстречу злые духи в надежде найти добычу себе. Лица их были скаредные, похожие на лица сластолюбивых обжор и мерзких пьяниц. Обойдя нас, как псы, они тотчас показали счет всех случаев обжорства, когда я тайно ела или сверх нужды, или с утра, не помолившись и не оградивши себя крестным знамением, принималась за пищу, или во святые посты ела до совершения церковного богослужения. Представили и все случаи моего пьянства, даже показывали те самые чаши, рюмки и прочие сосуды, из коих я упивалась в такое-то время, на таком-то пиру, с такими-то собеседниками. И всякое мое чревоугодие до подробности поставили на вид и радовались, как бы уже получив меня в свои руки. Я трепетала, видя такое обличение, и не знала, что отвечать вопреки. Но святые ангелы, вынув довольно из дарования преподобного Василия, положили то против моих грехов и выкупили меня. Увидевши выкуп, злые духи вскричали: горе нам! Пропали наши труды и надежды! И бросили на воздух свои записи о моем чревоугодии, а я радовалась — и мы пошли далее.

Когда мы шли, святые ангелы беседовали между собою так: "Истинно, великую помощь эта душа имеет от угодника Божия Василия, и если бы не его молитвы, то много нужды претерпела бы она в воздушных мытарствах". А я, принявши смелость, сказала им: "Мне кажется, святые ангелы, что никто из живущих на земле не знает, что здесь происходит и что ожидает душу по смерти". Но ангелы отвечали мне: "А разве не свидетельствует обо всем этом Божественное Писание, читаемое в храмах и проповедуемое священнослужителями? Только люди, пристрастившиеся к земной суете, не брегут о том, и, считая величайшим удовольствием ежедневное объедение и пьянство, всегда едят без меры и упиваются, забывши страх Божий.

Имея чрево свое вместо Бога, они не помышляют о будущей жизни и не припоминают себе сказанного в Писании: *горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете* (Лк. 6, 25), *и упивающиеся, потому что возжаждете* (Ис. 5, 12–13). Впрочем, кто из них милостив и милосерд к нищим и убогим и помогает требующим помощи, тот легко получает от Бога прощение грехов своих и ради милосердия своего к ближним проходит мытарства без остановки. Сказано в писании: *милостыня от смерти избавляет, и тая очищает всяк грех; творящии милостыни и дела правды исполнятся жизни* (Тов. 12, 9). А кто не старается милостынями очищать грехи свои, тому невозможно избегнуть темных мытарей, которые низводят их в ад и держат в узах до страшного Суда Христова. И тебе не избежать бы здесь лютой участи, если бы не получила ты сокровища молитв преподобного Василия".

МЫТАРСТВО 5

В такой беседе мы достигли мытарства *лености*, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие своих обязанностей, принятых на себя. Там же истязуются и те, кои не радят о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить в храм на утреннее богослужение, на Божественную литургию и другие священные службы. Там же испытывается вообще уныние и небрежение как мирских, так и духовных людей, и разбирается нерадение каждого о душе своей, и многие оттуда низводятся в пропасть. И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

МЫТАРСТВО 6

Оттуда пришли мы к мытарству *воровства*, где хоть и были остановлены на некоторое время, но, давши немного выкупа, пошли далее: потому что не обрелось на мне воровства, кроме весьма маловажных случаев в моем детстве, происшедших от неразумия.

МЫТАРСТВО 7

Мытарство *сребролюбия* и *скупости* прошли мы без задержания, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствовалась тем, что Бог давал, и не была скупою, но, что имела, усердно раздавала нуждающимся.

МЫТАРСТВО 8

Поднявшись выше, мы встретили мытарство *лихоимства*, где истязуют дающих деньги за противозаконные проценты и всех других, наживающихся насчет своих ближних, взяточников и присвоителей чужого. Истязатели, не сыскавши на мне лихоимства, скрежетали зубами от досады, а мы, благодаря Бога, пошли выше.

МЫТАРСТВО 9

Пред нами открылось мытарство *неправды*, где истязуются несправедливые судьи, из корысти оправдывающие виновных и осуждающие невинных, — также люди, не дающие наемникам условленной платы или в торговле употребляющие неправильный вес или меру, и вообще все, делающие какую-нибудь несправедливость. Но мы, по милости Божией, прошли это мытарство безбедно и очень мало дали для искупления моих грехов.

МЫТАРСТВО 10

Мытарство *зависти* мы прошли ничего не заплативши, потому что я никогда не завидовала. Тут же истязуют за нелюбовь, братоненавидение, недружелюбие и ненависть; но, по милосердию Христа Бога нашего, я оказалась невинною в этих грехах, и хотя видела ярость скрежетавших против меня бесов, но уже не боялась их, и мы, радуясь, пошли выше.

МЫТАРСТВО 11

Прошли мы и мытарство *гордости*, где надменные духи истязуют за тщеславие, самонадеянность, презрение к другим и величание; тут истязуются души людей и за невоздавание должной чести родителям, правительству и начальству, поставленным от Бога, и неповиновение им. Мы тут очень мало положили для моего искупления, и я была свободна.

МЫТАРСТВО 12

Потом достигли мытарства *гнева* и *ярости*, и хотя там воздушные истязатели очень свирепы, но мало что от нас получили, и мы пошли далее, радуясь о Господе, под покровом молитв преподобного отца моего Василия.

МЫТАРСТВО 13

За сим открылось пред нами мытарство *злопомнения*, где без милосердия испытуются те, которые в сердцах своих питают злобу на ближнего и воздают злом за зло. Милосердие Господне и здесь спасло меня, потому что ни против кого не злобствовала и не помнила нанесенных мне обид, а, напротив, всегда, по силе, оказывала любовь и незлобие к обижавшим меня, побеждая зло добром. Мы здесь ничего не заплатили и, радуясь о Господе, пошли далее.

Тогда я осмелилась спросить ведших меня ангелов: скажите мне, откуда эти страшные властители воздушные знают так подробно все злые дела людей, и не только явные, но и тайные? Ангелы отвечали мне так: "Всякий христианин, после святого крещения, получает от Бога приставленного к нему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его днем и ночью на всякое доброе дело и записывает все добрые дела его, за которые человек мог бы получить от Господа милость и вечное воздаяние в Царстве Небесном. И князь тьмы, желающий привлечь к своей погибели весь род человеческий, также назначает одного из лукавых духов, чтобы он, ходя вслед за человеком, замечал все злые дела его и, поощряя его своими кознями к таким делам, записывал все худое, что человек сделает. Такой лукавый дух разносит по мытарствам все грехи человека, и оттого они известны воздушным князьям. Когда же душа разлучится и хочет идти к Создателю своему на небо, то лукавые духи возбраняют это, показывая ей содеянные ею грехи, и если душа имеет более добрых дел, чем грехов, то они не могут удержать ее; а грехов, если найдется больше сравнительно с делами добрыми, то они удерживают душу на некоторое время, затворяют ее в темнице невидения Бога и мучат, сколько сила Божия позволит им мучить ее, пока та душа, посредством молитв Церкви и милостыни ближних, не получит прощения. Если же такая душа окажется так грешною и нечистою пред Богом, что не будет для нее никакой надежды спасения, то злые духи тотчас низводят ее в бездну, где и для них самих уготовано место вечного мучения. Там погибшие души содержатся до Второго Пришествия Господня и потом, по соединении с своими телами, будут с диаволом мучиться в геенне огненной. И то еще заметит, — сказали ангелы, — что этим путем восходят и подвергаются испытанию в мытарствах только те, которые просвещены верою и святым крещением, а неверующие сюда не приходят, потому что, еще до разлучения от тела, душами своими принадлежат аду, и когда умирают, то бесы без всякого испытания берут их души, как свою надлежащую добычу, и низводят в пропасть".

МЫТАРСТВО 14

Беседуя так, мы достигли мытарства *убийства*, на котором истязуют не только за разбой, но и за всякую рану, за всякий удар, нанесенный ближнему, за пхание со гневом и толчки. Мало нечто дав тут, мы пошли далее.

МЫТАРСТВО 15

Прошли мимо мытарства *чародейства*, обаяния, отравления, призывания бесов. Здешние духи видом похожи на гадин, змей и жаб, страшны и отвратительны. По милости Божией, во мне не нашли они ничего, и мы пошли далее, провожаемые криком демонов: вот, придешь в мытарство блуда, увидим, как освободишься оттуда!

Когда мы поднимались выше, я осмелилась спросить святых ангелов: все ли христиане проходят чрез эти мытарства, и нет ли возможности пройти тут без истязания и испытания на мытарствах! Ангелы отвечали: "Нет иного пути для душ, восходящих на небо, все идут этою дорогою, но не все бывают так истязуемы, как ты, а только подобные тебе грешники, которые творили не полное исповедание грехов своих, из ложного стыда утаивая пред отцом духовным срамные дела свои. Ибо, кто чистосердечно рассказывает на исповеди все свои худые дела и жалеет и кается о сделанном, того грехи невидимо заглаждаются Божиим

милосердием. И когда такая покаявшаяся душа приходит сюда, воздушные истязатели, разогнувши свои книги, не находят в них ничего записанного, и такая душа, радуясь, восходит к Престолу Божию. Если б и ты сотворила совершенную исповедь о твоих грехах и получила в них разрешение, стараясь потом сделать возможное за них удовлетворение добрыми делами, то не подверглась бы этим грозным истязаниям в мытарствах. Впрочем, тебе помогло то, что ты давно уже перестала грешить смертно и прочие лета жизни своей проводила добродетельно, а особенно помогли тебе молитвы преподобного Василия, которому ты много и усердно послужила".

МЫТАРСТВО 16

Беседуя таким образом, мы подошли к мытарству *блуда*, на котором истязуется не только всякое любодеяние, но и блудные мечты, мысленное услаждение в том, блудные воззрения, порочные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства был облечен в нечистую и смрадную одежду, запачканную кровавой пеной, и множество бесов стояло около него. Увидевши меня, они удивились, что я успела уже пройти столько мытарств, и, вынесши записки о всех моих блудных делах, обличали меня, указывая на лица, на места, на время — с кем, когда и где я грешила в юности моей. Я молчала и трепетала от стыда и страха; но святые ангелы сказали бесам: "Она давно уже оставила блудные дела, и последнее время жизни своей провела в чистоте, воздержании и посте". А бесы отвечали: "И мы знаем что она давно уже перестала грешить, но не искренно исповедывалась пред своим духовным отцом и не получила от него надлежащей заповеди об удовлетворении за грехи, потому она наша! Или оставьте ее нам, или выкупите добрыми делами". Ангелы положили много из моих добрых дел, а еще больше от дарования Василия преподобного, и едва я избавилась от лютой беды.

МЫТАРСТВО 17

Дошли мы до мытарства *прелюбодеяния*, где истязуются грехи людей, живущих в супружестве, но не хранящих супружеской верности друг другу и не соблюдающих ложа своего нескверным, также блудные похищения и насилия. Здесь же строго истязуются блудные грехопадения лиц, посвятивших себя Богу и обещавших жить для Христа, но не соблюдших чистоты. И я много должна была на этом мытарстве; лукавые духи уже обличили меня и хотели вырвать из рук ангелов, но ангелы долго спорили с ними, представляя все мои последующие труды и подвиги, и едва искупили меня — не столько моими добрыми делами, которые положили тут все до последнего, сколько сокровищем отца моего Василия, которого также очень много положили на весы против моих беззаконий, — и, взявши меня, пошли далее.

МЫТАРСТВО 18

Приблизились мы к мытарству *содомских грехов*, на котором истязуются всякие противоестественные грехи, кровосмешения и другие скверные дела, совершаемые тайно, о коих даже и вспоминать стыдно и страшно. Князь этого мытарства был мерзостнее всех бесов, опачкан гноем и смрадом, таковы же и слуги его, смрад от них был нестерпим, злообразие невообразимо, ярость и лютость невыразима. Они окружили нас, но, по милости Божией, ничего не найдя во мне, побежали от нас со стыдом, а мы прошли дальше.

И сказали мне святые ангелы: "Ты видела, Феодора, страшные и мерзкие мытарства блудные! Знай же, что мало какая душа проходит их без остановки и выкупа, потому что весь мир лежит во зле соблазнов и скверны и все люди сластолюбивы. Мало кто бережет себя от нечистот блудных и умерщвляет в себе похоть плотскую. Потому и мало кто проходит тут свободно; весьма многие, достигши блудных мытарств, здесь погибают. Начальники блудных мытарств хвалятся, что они более всех здешних истязателей наполняют душами людей огненную пропасть ада. А ты, Феодора, благодари Бога, что вот уже прошла блудные истязания, по молитвам преподобного Василия, отца твоего, и более не увидишь страха".

МЫТАРСТВО 19

После сего мы подошли к мытарству *ересей*, где истязуются неправые мудрования о вере, отступничество от православного исповедания веры, неверие, сомнения о вере, порицание святыни и прочее тому подобное. Я прошла это мытарство без испытания, и вот мы уже были недалеко от врат небесных.

МЫТАРСТВО 20

Но нас встретили злобные духи последнего мытарства — *немилосердия и жестокосердия*. Жестоки тут истязатели, и князь их лют, с виду сухой и унылый. Тут без милости истязуются души немилосердых. Если бы кто совершал и самые великие подвиги, изнурял себя постами, непрестанно молился и сохранял чистоту телесную, но был немилостив, таковый из этого мытарства низвергается в адскую бездну и не получает милости вовеки. Но мы, благодатию Христовою, прошли безбедно чрез это место, при помощи молитв преподобного Василия.

Таким образом, избавившись от страшных мытарств, мы с радостию приблизились наконец к самым вратам небесным. Небесные врата были как будто из светлого кристалла и дивно сияли. В них стояли светлые, как солнце, юноши, которые, увидев меня с ангелами, радовались, что я милосердием Божиим избавилась от воздушных мытарств, и, приветливо сретивши нас, ввели меня внутрь. Но что я там видела и что слышала, чадо Григорий, того нельзя и высказать. Я видела то, чего никогда не видело око человеческое, и слышала, чего ухо никогда не слышало и чего никому из живущих на земле не представляло желание или воображение.

И приведена я была к Престолу Божию славы неприступной, окруженному херувимами, серафимами и множеством воинов небесных, всегда славящих Бога неизреченными песнями. Падши, я поклонилась невидимому и непостижимому Богу, а небесные силы воспели сладкую песнь, прославляя Божие милосердие, непобеждаемое грехами человеческими. И пришел глас от велелепной славы, повелевавший приведшим меня ангелам показать мне все обители святых и потом все муки грешников, после чего водворили бы меня в обитель преподобного Василия. Итак, водили меня всюду, и я видела прекрасные обители апостольские, пророческие, мученические, святительские и прочие. Все они были красоты неизреченной и пространны, и везде я слышала глас духовной радости и веселия, везде видела торжество святых. Все они, увидевши меня, радовались о моем спасении и прославляли Бога, избавившего меня от сетей вражиих.

По обхождении светлых обителей низведена я была в преисподнюю и видела там страшные и нестерпимые муки грешников. Показывая их мне, ангелы сказали: смотри, Феодора, от каких мук избавил тебя Господь по молитвам угодника Своего Василия! Я слышала там вопли, плач и рыдание мучившихся. Иные из них страшно кричали и проклинали день рождения своего, но никто не оказывал им милосердия. Оттуда провели меня ангелы в эту видимую тобою обитель и водворили меня тут, сказав: сегодня преподобный Василий творит о тебе память. И поняла я, что тогда был сороковой день по разлучении моем от тела, и в этот день я пришла в это место успокоения" (**Четьи-Минеи 26 марта, в житии преподобного Василия Нового**).

О состоянии праведных душ до всеобщего Суда так говорит Священное Писание: во-первых, они вслед за исходом из сей жизни награждаются за подвиги жизни земной блаженством; так, праведный Лазарь тотчас по смерти отнесен был на лоно Авраама (Лк. 16, 22), и на Кресте покаявшемуся разбойнику сказал Господь: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Во-вторых, они будут наслаждаться покоем (Лк. 14, 25; 2 Кор. 5, 8) или свободою от скорбей и страданий (Апок. 7, 16—17), находиться в общении с праведниками и ангелами (Мф. 8, 11; Лк. 16, 22) и служить Богу (Апок. 5, 8—9; 7, 9—10) хвалебным славословием и молитвенным ходатайством о живущих на земле. Но это состояние еще не есть состояние окончательное. Полная слава и блаженство каждого, по его заслугам (1 Кор. 3, 8), последуют только после всеобщего воскресения и всеобщего Суда, когда придет Господь в назначенный день (Деян. 17, 31) и объявит Суд решительный, которого приговоры никогда не переменятся (Мф. 25, 46).

О состоянии душ грешных открыто, что они удалены от Лица Божия (Мф. 7, 21; 8, 12), заключены в темницу падших духов (1 Пет. 3, 18) или в ад — место темное и мучительное (Лк. 16, 22), сознают и чувствуют потерю блаженства (Лк. 16, 21, 23), чувствуют упреки совести и напрасно стараются сами улучшить свое бедственное положение (Лк. 16, 24—25). Но неодинаково будет состояние их, а соответственное нравственному состоянию каждой отдельной души (Мф. 5, 22).

И опять это состояние их не есть решенное навсегда и окончательное, а переходное — для одних в ожесточение и вечную нераскаянность во зле, а для других — в упование на помилование от Бога и жизнь Вечную (Фил. 2, 10–11; 1 Пет. 3, 18–19). Последние — это те грешники, которые на земле не принесли плодов, достойных покаяния, но умерли с семенами веры и благочестия, потому они и не терпят страданий, какие терпят грешники нераскаянные, и остаются с возможностию получить помощь от Церкви. Ибо так учит Апостол: *если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился* (1 Ин. 5, 16).

Значит, кто не отторгся окончательно от Церкви, Тела Христова (Еф. 1, 23), тот, как член тела, может надеяться на помощь со стороны других членов и сам способен принять эту помощь. *Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26). По такой тесной связи христиан между собою они имеют возможность помогать своим ближним, отдаленным от них огромными пространствами, находящимся в плену или темнице, удручаемым болезнями, молитвами о них к Богу (Фил. 1, 4, 19; Кол. 1, 9; 2 Тим. 1, 3). Молитва, по учению Писания, может оказывать влияние и на мир отшедших о нас душ, простирает свою силу и на область ада. Мы привели выше слова апостольские о грехе смертном; и Спаситель сказал, что есть грех, который не прощается *ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32). Следовательно, как есть грех смертный, о котором бесполезно и молиться, который не простится ни в настоящей, ни в будущей жизни, так есть грехи несмертные, о которых молитва может быть вполне благоплодна, не тщетна. "Каждый человек, имевший в себе малую закваску добродетелей, но не успевший превратить оную в хлеб, поелику, несмотря на свое желание, не мог сего сделать или по лености, или по беспечности, или потому, что отлагал это со дня на день, но сверх чаяния постигнуть и пожать смертию — не будет забыт праведным Судиею и Владыкою. Господь, по смерти его, возбудит его родных, ближних и друзей, направит их мысли, привлечет сердца и преклонит души к оказанию пособия и помощи ему. И когда Бог подвигнет их, и Владыка коснется сердца их, они поспешат вознаградить опущение умершего". (Святого Иоанна Дамаскина слово "об усопших в православной вере"). Таким образом, в жизни загробной узники ада получают помилование не за собственное покаяние, а за благотворение людей, находящихся в живых, за молитвы, воссылаемые о них Церковью во Имя Господа Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи мира и давшего нам неложное обещание: *если о чем попросите во имя Мое, Я то соделаю* (Ин. 14, 14).

РАССКАЗЫ О ЧАСТНОМ СУДЕ ВСЛЕД ЗА СМЕРТИЮ ЧЕЛОВЕКА

В житиях святых содержатся подробные сведения о мытарствах. И хотя сведения эти представляются часто в очень ярких картинах, но они не могут отвергать той главной мысли, что злые духи принимают свое злое участие в судьбе души человека тотчас по разлучении ее с телом.

А. Святой Иосиф Песнописец, приготовляясь к исходу из сей жизни, молился: "Господи, Боже мой! соблюди до конца дух мой и даруй мне невредно избегнуть князя тьмы и воздушных страшилищ".

Б. Человек, воскрешенный святым апостолом Филиппом, припал к ногам его и сказал: "Благодарю тебя, слуга Божий, что ты от многих зол избавил меня в час сей: два черные эфиопа влекли меня, и если бы ты не предварил, то ввергли бы меня в тартар лютый".

В. Святой Андрей Юродивый видел душу одного мертвеца, окруженную бесами, которые плясали и смеялись, провожая ее.

Г. Воин Таксиот совершил в жизни своей грех прелюбодеяния и в нем умер. Оживший чрез несколько дней, он рассказал тут бывшим, что на этом мытарстве у него не оказалось соответственных греху добрых дел, и лукавые духи повели душу его в темницы адовы, где души грешных находились в вечной тьме, где плач неутешный, где плачут они — никто их не жалеет и не утешает, где взывают о помощи, и никто их не слушает.

Д. Преподобный Агафон целых три дня перед смертию пробыл с открытыми глазами. Братья решились тронуть его и спросили: "Где ты?" Он ответил: "Стою пред Судилищем Божиим".

Е. Святой Иоанн Лествичник рассказывает об одном подвижнике, который целые сорок лет подвизался, так что и звери ему повиновались. Стефан (было имя подвижника) также еще живым подвергался суду: это было за день до его смерти. Глаза его оставались открытыми. Он осматривался то в ту, то в другую

сторону и, как бы оговариваемый кем, отвечал или так: "Признаюсь, это правда; но я постился за настоящий грех столько-то лет"; или: "Нет, я не делал этого, вы лжете"; или, наконец: "Так, истинно так, но я плакал и служил братьям". По видимому оговариваемый и уступал: "Поистине так, и не знаю, что сказать на это; но у Бога есть милость". Все эти ответы умирающего ясно слышали братья, которые окружали его постель. Святой Лествичник, окончив настоящий рассказ, делает отсюда прямое заключение о суде после смерти каждого человека.

Ж. О важности истинного покаяния по отношению к мытарствам святой Григорий Двоеслов рассказывает следующий замечательный пример: к одному пресвитеру пришли просить его к больному, находящемуся при смерти, чтобы исповедать и причастить его. Пресвитер, занявшись обрезыванием винограда, позамедлил, и когда пошел к больному, то попавшиеся ему навстречу сказали, что больной помер. Тяжко и скорбно было пресвитеру, что больной помер без напутствия вследствие его промедления. Пришедши в дом умершего, он повергся пред ним и плакал, считая себя виновным в том. В это время умерший ожил. В страхе и вместе в радости стали спрашивать: что с ним было, и как душа снова возвратилась в тело? Оживший отвечал: "Пришли ко мне некоторые страшные эфиопы, из ноздрей коих исходил пламень, и взяли меня силою и повлекли меня в какие-то темные и страшные места... Но вдруг явился пресветлый юноша с другим таковым же и сказал к ведшим меня: возвратите его — священник плачет о нем, и ради его слез Господь возвращает ему жизнь". Воскресший мертвец после сего исповедался, причастился Святых Таин, семь дней пребыл в непрестанной молитве и в 8-й день скончался.

КАК ПРОИСХОДИТ ЧАСТНЫЙ СУД?

Суд этот бывает одновременно с тем, как душа проходит от земли в духовный мир. Душа же должна совершить свой путь чрез воздух, или, точнее сказать, тем пространством, которое находится между землей и небом. Здесь-то, по учению святых отцов, и нужно видеть место для частного суда. А как знаем из слова Божия, в воздушном пространстве вращаются злые духи (Еф. 6, 12). Следовательно, душа, стремящаяся в небесное отечество, встречается с злыми духами. Святой Афанасий Великий и говорит о воздушном пространстве в этом именно смысле, равно как приводит здесь слова Апостола Павла о служителях князя власти воздушной. Бесы препятствуют душе достигнуть того места (то есть неба), которого сами лишились и в котором сами не надеются быть более. Какое право они имеют останавливать душу? То же самое, в силу которого являлись к грешнику при разлучении души его от тела, то есть что грешник совершал одинаковые с ними дела, следовательно, должен пойти в одно с ними место, подвергнуться одинаковой с ними участи. Они готовы сказать в это время на душу все (как и слышали их святые Божии говорящими в минуты своих особенных видений), например: "это душа наша; до самой смерти она грешила, осквернялась не только естественными, но и чрезъестественными грехами; к тому же она осуждала ближнего, а что всего хуже — умерла без покаяния". По крайней мере, "свободный ли доступ бесы дают душам праведным?" Нельзя сказать и этого; потому что одни из праведников вначале также были тяжкими грешниками, а другие с добрыми своими делами соединяли также дела грешные. А злые духи радуются только о неправде, радоваться же о истине (1 Кор. 13, 6) не способны. Им был бы только повод, к чему сделать притязание, чем бы обвинить душу. Антоний Великий говорит о собственной душе, которую видел отделившеюся от тела и возносимою на небо. Бесы усиливались выставить грехи, которые он допустил от самого рождения. Но напрасно было их усилие, потому что грехи юных лет преподобный давно очистил покаянием и строгим подвижничеством. После этого они прямо слагали на него небывалые грехи. И святой Кирилл Иерусалимский учит: "Особенным неким образом (диавол) истязует душу, представляя и исчисляя все грехи и беззакония, сделанные нами делом, словом, в ведении и неведении, от юности до дня кончины, когда душа вземлется на суд Божий". Все эти нападения бесов на душу согласны с учением слова Божия, потому что *день лют*, которого мы должны опасаться со стороны их (*приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют*; Еф. 6, 13). по мнению толковников, относится также и к частному суду. Брань христианской души с духами злыми бывает в это время, так сказать, лицом к лицу, и душа может защитить себя только лишь запасным всеоружием, то есть обилием добрых дел.

Одни ли злые духи встречают в воздушном пространстве, как бы в своей области, души мертвецов, стараясь затем обвинить эти души, или же нет? Нет, в свою очередь и святые ангелы сходят с неба к этим душам, чтоб сопутствовать

им и защитить их от клевет бесовских. О Лазаре-нищем сказано прямо, что, когда он умер, ангелы понесли его душу в рай. И если ангелы (как известно) являются к праведным душам в минуты разлучения их от тел, не тем ли более надобно ожидать, что они окажут свою помощь этим душам во время тайного суда над ними? Церковь выражает свое верование на сей раз во множестве своих молитв: "Ко ангелом очи возводящи бездельно молится, к человеком руце простирающи, не имать помогающаго" (Стихира при погребении священника). Так и святые угодники, молясь перед смертию своею против напастей со стороны духов злых, которые предвидели для себя на суде тотчас после смерти, просили Бога, чтоб Он не оставил их в это время Своею защитою чрез ангелов. Святой Златоуст учит: "Тогда нужны нам... многие помощники... великое заступление от ангелов при шествии чрез воздушное пространство". Тот же вселенский учитель говорит от лица умерших младенцев: "Мы имели благонадежных руководителей; руководившие нас ангелы возрадовались". Святой Кирилл Александрийский еще учит: "Небесные силы стоят против нечистых духов и приносят добрые деяния души...; между добрыми и злыми ангелами стоит душа в страхе и трепете...; смотря (на духов злых), она смущается, приходит в волнение, мечется, старается укрыться, чтоб не видеть их, прибегая к ангелам Божиим".

Сколько известно в Четьях-Минеях откровений, которыми ясно доказывается сопребывание душам на суде святых ангелов. Так, в житии того же Антония Великого говорится, что, когда бесы клеветали на его душу вслед за смертию, ангелы останавливали клеветников. Святой Нифонт поставляет на вид прение ангелов с духами злыми из-за душ судимых. Именно: злые духи, обвиняя одного мертвеца, говорили, что этот мертвец тяжко грешил на земле, да и умер без покаяния. Ангелы же ответили: "Не верим ни вам, ни отцу вашему — сатане, доколе не спросим ангела-хранителя этой души". Ангел-хранитель и сказал: "Точно, много согрешил этот человек, но, только что сделался болен, начал плакать и исповедывать свои грехи". Долго ли продолжается над душою послесмертный суд? Сорок дней*, как верует Православная Церковь. Особо этот суд начинается для каждой души, особо же и следует до самого конца, потому что каждый человек умирает в свое определенное время. Некрещеные же люди прямо (без суда) поступают во власть диавола.

Наконец, чем оканчивается этот суд? Ту душу, которая устоит на нем, встречает множество святых ангелов. Так, святой Нифонт видел, что ангелы выходили из врат небесных навстречу к одной праведной душе и, приветствуя эту душу, прославляли Бога, Который не предал ее в руки врагов. Богоносные отцы открывают нам: "Если душа окажется по благочестивой жизни достойною... то принимают ее ангелы Божии, и уже без печали совершает она свое шествие, имея спутниками святые силы**; если победят ее дела, ангелы воспевают ей песнь хвалы и ведут ее с веселием пред лице Божие: в тот час она забывает все принадлежащее к земной жизни и все понесенные ею труды; и еще: "Когда это совершилось (то есть когда душа достигла до неба), руководившие нас ангелы возрадовались: они начали лобызать нас***. Что же до душ грешных, то и эти души вначале сопровождаются ангелами. Но в последующем пути своем они решительно задерживаются и затем по насилию от бесов бывают низводимы во ад. Так, тот же преподобный Нифонт видел низведенным во ад человека, который был и блудником, и волшебником, и грабителем, наконец, — и умер без покаяния. "Если какая душа окажется жившей в небрежении и распутстве (говорит святой Кирилл Александрийский), святые ангелы оставляют ее, и она подвергается власти демонов".

Когда же обе стороны для судимой души будут в равновесии, то есть когда и ангелы представят добрые дела ее к оправданию и злые духи припомнят столько же грехов ее к осуждению, тогда побеждает человеколюбие Божие. Тем же милосердием Божиим восполняется недостаток добрых дел против преобладающего количества злых **(Церковный вестник, 1884, № 21).**

---

* В продолжение этого же времени душа является на поклонение Богу до трех раз. Первое поклонение бывает на третий день после смерти. Затем в продолжение шести дней душа осматривает по воле Божией обители рая. В девятый день она снова возносится для поклонения Богу. Потом видит мучения ада в продолжение 30 дней. Наконец в 40-й день снова является для поклонения Богу и тогда-то получает себе определенное местопребывание. Можем привести здесь пример и из жизни, современной нам. Одна благочестивая женщина (в Харковской губернии) не была похоронена в обычное время в ожидании приезда ее духовника к погребению. Духовник прибыл, но хоронить ее не решались, потому что она оставалась во гробе, как живая. В таком виде она пролежала до 10 дней, а затем в присутствии многих лиц вдруг стала читать молитву: "верую, Господи, и исповедую...," и — ожила. От нее-то потом и узнали все, как в продолжение этих дней были показаны ей обители рая и затем мучения грешников.

** Святой Кирилл Александрийский в слове об исходе души.

*** Святитель Иоанн Златоуст.

Молитвы русских поэтов

Статья, предлагаемая вниманию читателя, относится к жанру литературно-поэтической композиции.

Тема статьи подсказана сборником этюдов, входящих в книгу русского мыслителя первой эмиграции Владимира Ильина "Арфа царя Давида в русской поэзии", изданной в Брюсселе в 1960 году.

Книга Владимира Ильина является одной из немногих попыток выделить из русского классического наследия духовную лирику — стихи, источником образов которых явилось Священное Писание. Каждый из этюдов книги Ильина представляет одного поэта — Пушкина, Лермонтова, Ломоносова и др. — и является развернутым комментарием к каждому из рассматриваемых стихотворений.

В отличие от книги "Арфа царя Давида" настоящая статья затрагивает в единой теме стихи разных русских поэтов.

Молитвенное состояние

Потребность молитвы для верующей души есть потребность беседы с тем Высшим миром, без присутствия и влияния которого невозможна жизнь.

Молитва, сказано в Библейском словаре, вообще есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу.

Преподобный Ефрем Сирин (IV в.) писал, что "молитва при смиренном помысле возвышает ум над недозволенными страстями и душу делает более мужественною к вожделению Небесных благ".

Другой святой отец, блаженный Августин (IV в.), утверждал: "Молитва души есть язык, на котором ведется беседа человека с Богом... с помощью его душа познает Творца".

Благодатную силу молитвенного состояния глубоко чувствовали наши русские религиозные поэты. Великий Пушкин в 1828 году написал строки, ставшие крылатыми:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Друг Пушкина, поэт, князь Петр Андреевич Вяземский, в 1839 году развил эту формулу в стихотворении "Любить, молиться, петь":

Любить. Молиться. Петь—
Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то
неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь,
Души, настроенной к созвучию
с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь,
любовь.
Счастлив, кому дано познать отраду
вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби
чашу
Благословлял всегда с любовью и
мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

Переложения молитв

Молитвенные тексты, которые мы произносим, переведенные ли с греческих оригиналов или сочиненные вновь, являются образцами высочайшей поэзии, воплощением Божественной красоты слова. Большинство православных молитв создано в века первохристианства святыми отцами: Ефремом Сириным, Макарием Египетским, Василием Великим, Иоанном Златоустом. "Будучи исполняемы духом молитвенным, они изложили внушенное сим духом в слове и передали то нам".

Для русских поэтов молитвенные тексты, так же, как и тексты священных псалмов, являлись высоким источником подражания. "Мысль из уст поэта выходит уже вооруженная рифмами", — писал Пушкин. Молитвенная мысль и чувство, внушенные Пушкину молитвой преподобного Ефрема Сирина, преобразились в текст, который запоминается с первого произнесения и остается в душе навсегда. Вспомним еще раз и великий образец, и его поэтическое отражение, созданное Пушкиным.

Молитва Ефрема Сирина:

Господи и Владыко живота моего,
Дух праздности, уныния,

любоначалия и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему.
Ей Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси. Аминь.

Молитва Пушкина:

Владыко дней моих, дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей,
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Покаянная молитва Ефрема Сирина играет особую роль в службе Великого поста, но она не входит в наиболее употребительные ежедневные молитвы, к каковым относятся: *Отче наш*, *Царю небесный*, Иисусова молитва... Молитвой молитв является *Отче наш*, слова которой открыл ученикам Сам Господь во время Нагорной проповеди:

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец наш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так:

Отче наш, иже еси на Небесех,
Да святится Имя Твое,
Да приидет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко на Небеси, и на земли,
Хлеб наш насущный даждь нам днесь,
И остави нам долги наша,
яко же и мы оставляем должником нашим,
И не введи нас во искушение,
Но избави нас от лукаваго.

В 1884 году, на закате своей жизни, друг Льва Толстого и Владимира Соловьева — поэт Афанасий Фет написал стихотворение, во второй части которого звучит молитва *Отче наш*:

Чем доле я живу,
чем больше пережил,
Чем повелительней
стесняю сердца пыл, –
Тем для меня ясней,
что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец,
который в небесах,
Да свято имя мы Твое
блюдем в сердцах,
Да прийди царствие Твое,
да будет воля
Твоя, как в небесах,
так и земной юдоли,
Пошли и ныне хлеб,
обычный от трудов,
Прости нам долг, –
и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных,
в искушенье,
И от лукавого избави
самомненья.

В прошлом веке английский богослов Ф. В. Фаррар писал в своей книге "Жизнь Иисуса Христа" о молитве *Отче наш*:

"По тому сочетанию любви и благоговения, с которыми она научает нас приближаться к Отцу нашему Небесному, по духовности, с которою она заставляет нас просить прежде всего Царства Божия и правды Его; по духу всеобщей любви и прощения, которые внушает она; по тому, что из ее семи прошений одно, и только одно относится к земным благам и даже это одно просит земных благ только в их простейшей форме, даже по той поразительной краткости, показывающей, что Бог не хочет делать из молитвы утомительного бремени, — по всему именно этому отцы церкви и называли ее "сокращенным Евангелием", жемчужиной среди молитв".

Вслушаемся еще раз в ее текст, переложенный стихами на современный язык:

На небесах, Отец наш Сущий!
Веков во веки, присно, ныне,
Твое – да пусть святится Имя,
Твой дух царит пусть в сей юдоли,
Твоя – да пусть пребудет воля,
И хлеб наш днесь нам дай насущный,
Грехов остави тяжкий ком,
Как мы прощаем должником,
И не введи во искушенье,
Но дай от мрака избавленье!

Собственные молитвы

В 1864 году святитель Феофан Затворник в своей книге "Четыре слова о молитве" учил: "Навыкаем мы молиться по молитвенникам, молясь посредством готовых молитв, переданных нам Господом и святыми отцами, преуспевшими в молитве. Но на этом одном останавливаться не должно, надо далее простираться и, навыкнув умом и сердцем, обращаться к Богу с стороннею помощию, надо делать опыты возношения к Нему — и своего собственного, доходить

до того, чтоб душа сама своею, так сказать, речью вступала в молитвенную беседу с Богом, сама возносилась к Нему, и Ему себя открывала и исповедовала, что есть в ней и чего желательно ей".

Обращаясь к нашей поэзии, мы почти у каждого поэта находим такую молитвенную беседу. Это или краткая молитва, являющаяся частью стиха, как у Тютчева: "Пошли, Господь, свою отраду тому, кто в жаркий, летний зной, как бедный нищий мимо саду, бредет по пыльной мостовой!", или целый стих-молитва, обращенный к Господу, к Богородице, к Ангелу-Хранителю, по красоте и глубине мысли приближающийся к лучшим церковным молитвам.

Редко в наши дни воспоминаемый известный русский поэт середины прошлого столетия граф А. К. Толстой создал несколько стихотворных молитв, обращенных к Господу. Алексей Толстой был приближен ко двору, был другом детства царя-освободителя Александра II. Алексей Толстой является автором знаменитого переложения заупокойной молитвы святого Иоанна Дамаскина "Какая сладость в жизни сей земной печали непричастна". Образ Иоанна Дамаскина был любимым для поэта, сравнивавшего себя с придворным стихотворцем-византийцем. Так же, как Дамаскин, поэт мечтал: "В глухой степи, в уединеньи, двора волнение забыть, и жизнь смиренно посвятить труду, молитве, песнопенью".

В 1858 году, уходя от царской службы в бессрочный отпуск для трудов поэтических, А. К. Толстой пишет молитву об укреплении души в жизненных бурях:

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю,
Дохни, Господь, живою бурей
На душу сонную мою,
Как глас упрека надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети.
Да вспряну я, Тобой подъятый,
И вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

В трудную минуту жизни мы обращаемся с мольбой не только к Господу, но и к Заступнице нашей пред Господом — Богородице. У русских поэтов мы также встречаем стихотворные молитвы, обращенные к Пресвятой Деве. Два поэта прошлого века, Афанасий Фет и Михаил Лермонтов, создали две молитвы, обращенные к Божией Матери, но с мольбой не о себе, не о своей душе и ее спасении, но о спасении души дорогой им женщины.

Молитва Лермонтова написана в 1837 году и посвящена Варваре Александровне Лопухиной. В письме к Марии Лопухиной, сестре Варвары Александровны, поэт назвал это стихотворение "Молитвой странника":

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, в свете безродного!
Но я хочу вручить деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.
Окружи счастием душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу
прощальному,
В утро ли шумное, в ночь ли
безгласную,
Ты восприять пошли к ложу
печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Фетовская молитва написана в 1842 году молодым студентом Московского университета:

Владычица Сиона, пред Тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Все спят кругом, душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.
Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она
С другим ли избранным,
одна — или со мною.
О нет! Прости влиянию недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.
Так дай же сил, простри Святые руки,
Чтоб ярче мог в полночный час разлуки
Я пред Тобой лампаду возжигать!

Одна из ежедневных молитв, которые входят в православный Молитвослов, есть молитва, обращенная к Ангелу-Хранителю:

"Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое. Не даждь места лукавому демону обладати мною, насильством смертного сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения".

Подобные этим просьбы-молитвы мы читаем в строках стихотворения Дмитрия Веневитинова "Моя молитва". Стихотворение создано рано ушедшим из жизни одаренным поэтом в ноябре 1826 года, за несколько месяцев до

смерти. Молитва Веневитинова входит в цикл религиозных стихотворений конца 26 года: "Жизнь", "Поэт", "Утешение", "Жертвоприношение". Молитва обращена к Ангелу-Хранителю:

Души невидимый Хранитель!
Услышь моление мое:
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям,
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени;
Да взор холодный их не встретит,
И луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена,
И отжени от сердца радость;
Она – неверная жена.

Последняя молитва

В человеческой жизни всегда наступает час, когда даже неверующая душа обращается к Богу.

Это – час предстояния пред смертью, или – пред бездной небытия, или – пред Жизнью вечной.

Это тот час, о котором пламенно восклицает Федор Тютчев:

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

Из Евангелия мы знаем, какими должны быть слова нашей последней молитвы. Это слова, которые произнес Сын Божий в Гефсиманском саду: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39). И это те слова, которые произнес Иисус на Кресте: *Отче! в руки Твои предаю дух Мой* (Лк. 23, 46). Каждый из нас, думая о смерти, готовится произнести эти слова.

Молитва о ниспослании веры

Мы живем во времена утраты веры, времена, которым предшествовало отпадение многих от Бога. Может быть, поэтому так горько, так правдиво, но и с надеждой звучат для нас слова Тютчева, призывающие еще к одной молитве, молитве о возвращении веры:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры...но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
"Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.."

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

Протоиерей храма Илии Обыденного в Москве Владимир Иванович Смирнов (1903–1981)

В 60—70-е годы нашего века в Москве от ее многочисленных церквей оставалось еще несколько храмов, где служили выдающиеся священники, притягивавшие к себе московскую интеллигенцию широтой своих познаний, проникновением в ее духовные нужды, своим духовным и молитвенным опытом. Среди них в первую очередь хочется назвать отца Владимира Смирнова — протоиерея небольшого, но очень уютного и, как говорят, "намоленного" храма Илии Обыденного, названного так потому, что его деревянный прототип был построен "об один день". Расположенный в переулке в начале Остоженки, скрытый от посторонних глаз высокими кирпичными домами, построенными в начале нашего века, он стал прибежищем ищущих разрешения "проклятых вопросов" еще до революции, когда тут стали служить такие замечательные священники, как отец Виталий Лукашевич (до 1935 года), затем отец Александр Толгский, оба бывшие настоятелями этого храма, и, наконец, отец Владимир Смирнов — при настоятеле отце Николае Тихомирове († 1987).

К отцу Владимиру, прошедшему суровую жизненную и глубокую духовную школу, бывшему в последние годы в духовном общении с отцом Николаем Голубцовым, скончавшимся осенью 1963 года, перешло немало духовных чад этого пастыря. Бывали здесь люди выдающегося ума, ища разрешения жизненных вопросов и духовной помощи, подходя часто непрерывающейся очередью на солею, куда выходил батюшка не только до службы, но и во время ее, и после ее окончания. Его не оставляли в покое и после ухода из храма, следуя за ним, как овцы за своим пастырем.

Где и как Господь взрастил этого пастыря и духовного отца, читатель узнает из предлагаемого очерка.

Происхождение его было совсем незнатно. Но, как сказал Апостол Павел, *...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное* ⟨...⟩ *избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом...* (1 Кор. 1, 27—29).

Отец Владимира Ивановича, Иван Константинович, происходил из простой, когда-то крестьянской, семьи, жил в Одинцове, работал на Белорусской железной дороге смазчиком и сцепщиком составов. Кроме того, он знал сапожное дело и после того, как оставил работу на железной дороге, был хозяином небольшой сапожной мастерской. Уровень его интересов был невысок — очень любил карты и все свободное время проводил за ними. Мать Владимира Ивановича, Ольга, решила заняться "делом": открыла небольшую торговую палатку, а через несколько лет — что-то вроде трактира. Отец бросил свою тяжелую работу, стал помогать матери в торговле, ездить на ярмарки, и весьма они "разжились", но ...соседи совершили поджог, дабы нажиться на обманно застрахованном своем имуществе. Смирновы же не были застрахованы. К тому же во время пожара имущество их было совсем разграблено. Это произвело такое удручающее действие на отца, что он начал пить. Этому способствовали и неурядицы в семье. У матери был весьма тяжелый и жесткий характер. Отец умер в 1910 году, и мать осталась с четырьмя детьми. Владимиру было около шести лет, и он был третьим из них. Положение было очень тяжелое. Немного помогал крестный отец Володи — псаломщик ближайшей церкви Алексей Андреевич, который проявлял заботу о своем крестнике и хотел устроить его в духовное училище, но из-за сословных ограничений ему не удалось этого сделать. Володя окончил четырехклассную одинцовскую школу на "очень хорошо".

Детские годы Володи отмечены одним событием, которое оказало решающее влияние на его мировоззрение и всю его последующую жизнь. Когда Володе было всего три — четыре года, неудачная операция на ноге сделала ребенка инвалидом. Ходить он мог только на костылях и потому сидел дома. "Лежал я на печи в новом доме (построенном после пожара), — вспоминает Владимир Иванович, — ходить не мог, зима... друзей у меня никого не было: у меня были единственные друзья: это Преподобный Сергий, Святитель Николай... Так я и рос"...

Все же его определили в упомянутую одинцовскую школу. В 1913 году, когда было торжественное прославление Святителя Гермогена в Московском Кремле и со всех

Очерк представляет собой литературную обработку магнитофонной записи беседы автора с отцом Владимиром, имевшей место летом 1979 года.

Протоиерей Владимир Смирнов

концов России туда потянулись тысячи паломников, поехала и группа учащихся школы во главе с учительницей. Увязался с ними и Володя, хоть и на костылях. И вот они в Кремле, огромная очередь, извиваясь по площади, ждет, чтобы войти в Успенский собор и приложиться к раке со святыми мощами святителя. Стоять в очереди нужно очень долго, не одни сутки. Но можно войти в собор с другого входа и издали поклониться мощам. Так и сделала учительница со своей группой. Но как хотелось Володе, чтобы она подвела его, страждущего, к мощам, дабы он получил исцеление. Тем более на их глазах на носилках поднесли к мощам тяжело больного мужчину, кричавшего от боли, и он там затих. Володя плакал и умолял учительницу, но та не решалась, наверное, нарушать общепринятый порядок и отказала ему. Горько было Володе, лишь издали со слезами он просил святителя об исцелении.

На следующий день, проснувшись, он почувствовал себя почти совершенно здоровым... Костыли были не нужны. На всю жизнь осталось это событие в сознании Володи, оно определило, хотя и не сразу, стремление служить Богу.

А пока отчим (в 1915 году мать вторично вышла замуж) посадил Володю на сапожную "липочку" латать обувь: нужно зарабатывать на хлеб и ни о какой учебе не думать.

Но учительнице жаль было своего воспитанника, и ей удалось все же уговорить отчима отпустить Володю в Москву на учебу в торговую школу Ростовцева. Деньги на обучение в школе дал местный священник. Но недолго пришлось учиться, всего около года, так как весной 1917 года отчим поступил работать в охрану железной дороги и вынужден был со всей семьей выехать в Минск. Там Володя поступил в частную гимназию, проучился целую зиму, а следующей весной семья вернулась в Одинцово, где Володя окончил школу, а затем поступил в московский железнодорожный техникум, потом — в институт инженеров транспорта, но его не смог закончить, так как отчим ушел из семьи и вся забота о ней легла на плечи юноши, которому пришлось поступить на тяжелую, низко оплачиваемую работу — на кирпичный завод. Но вскоре он получил письмо от сокурсницы, приглашавшей Володю в Самару, где имелась возможность хорошо устроиться на работу, так как ее отец занимал крупный пост на железной дороге. Володя поехал и проработал там всю зиму 1925/26 года, но потом приехал к матери на Пасху и остался уже здесь. Поступил работать сначала в местное райжилуправление, а с 1928 года — прорабом на строительстве и реконструкции железной дороги на участках Можайск—Москва—Волоколамск.

К началу 20-х годов относятся два события в жизни Володи, которые усилили религиозные чувства юноши, сохранявшего с детства твердую веру. Первое из них, случившееся вскоре после окончания школы, — это смерть племянницы заводчика Шейкина, с детьми которого Володя был близок еще по школе. Вопрос, есть ли загробная жизнь, со всей остротой встал перед молодыми людьми, потрясенными преждевременной смертью друга, и они решили побеседовать на эту тему с верующим школьным преподавателем математики и физики Е. В. Надеждиным, бывшим профессором Нижегородского университета, знавшим более десяти иностранных языков. Беседа с этим человеком была очень интересна и оставила в душе юноши глубокий след.

Вторым событием было знакомство с одним молодым человеком, интересовавшимся духовными вопросами, который привел Володю в Высокопетровский монастырь, когда во главе его стоял епископ Варфоломей. Очень там ему понравилась вся обстановка, и Володя стал там часто бывать в свободное от работы время, прислуживал, исполнял обязанности иподиакона, получил некоторые начатки духовного образования. В Высокопетровском монастыре в это время проживала группа монахов из закрытой Зосимовой пустыни (что на станции Арсаки): иеродиакон Никита, ставший архимандритом в Петровском монастыре, иеромонах Зосима, Герман (Полянский, родственник настоятеля церкви Благовещения на Бережках) и другие, в том числе и архимандрит Агафон, перешедший из Свияжского монастыря в поисках более строгой монашеской жизни в Зосимову пустынь (где он нес послушание ветеринара).

К этому старцу особенно было расположено сердце Володи, к нему он ходил и на исповедь. Под его влиянием у Володи зародилось стремление к монашеской жизни. Этому способствовали и его поездки вместе с его другом Ваней в Параклит к иеромонаху Агафодору. Около десяти лет пробыл Володя Смирнов в общении с братией Петровского монастыря, где он проводил почти все свое свободное время. Однажды, придя в монастырь, он внезапно вместе с монахами был арестован и брошен в Бутырку, а через месяц был выслан на "свободное поселение" на три года на Север -- в Вологду, затем -- в Котлас и Сыктывкар. Сначала ему было там очень тяжело, так как нигде нельзя было найти работу, но потом работал на огороде, а затем в 50 километрах от Сыктывкара на берегу реки Вычегды в селе Измаг на строительстве бумажно-целлюлозного комбината. Но прошел срок высылки, Владимир вернулся в Сыктывкар, а НКВД его не отпускал домой. Он стал было и унывать, так как жить было не на что.

Утешил его, боявшегося умереть там от недоедания и болезни, замечательный, благодатный и прозорливый батюшка, отец Лука, сказавший ему: "Не бойся, не умрешь, ты поправишься. Вот придет Благовещение, ты причастишься, пойдешь в ОГПУ, постучишь в окошко, тебе и дадут документы, ты и уедешь".

И точно, после соборования болезнь оставила его, а спустя какое-то время после Благовещения он получил право уехать домой, а целая группа во главе с Германом Ряшенцевым, управлявшим хором в церкви в селе Измаге, была задержана на неопределенное время.

Приехав в Москву, Владимир начал искать работу, а без прописки никуда не принимали. И что же, решил поступить на строительство железной дороги Москва — Минск, ведшееся под началом НКВД, и поселился в Голицыне, проработал там полгода, а затем по приглашению Бориса Уткина, будущего священника, с которым он сблизился еще в Петровском монастыре, где тот был иподиаконом, перешел работать в Коптево на строительство, которое велось Боткинской больницей.

Здесь, в Коптеве, в 1938 году Владимир Иванович и женился, здесь одно время и жил. Его супругой стала Зинаида Карловна Пашкевич, дочь московского присяжного поверенного, польского происхождения. Венчались в церкви святого Филиппа на Мещанской улице 27 июля 1938 года.

Вскоре Владимир Иванович перешел работать на станцию Сходня на строительство дачного поселка, где он поселился при конторе, впоследствии ставшей его домом на тридцать лет. Окончив строительство здесь, перебрались строить в Кучино, но вскоре началась Великая Отечественная война, и Владимира Ивановича Смирнова с первых дней мобилизовали.

Попал он под Смоленск и почти сразу на передовую. Во втором бою Владимир Иванович получил тяжелое ранение: сквозное в переносицу, около самых глаз, и в результате — полная слепота. Последовала срочная отправка в госпиталь в Москву, а затем в Горький, где пролежал на излечении около полугода. Слава Богу, зрение вернулось, но следы ранения остались на лице на всю жизнь. Получил "белый билет" и был направлен в распоряжение райвоенкомата, который дал ему работу при одном из госпиталей, а после отъезда последнего на запад, поближе к фронту, Владимир Иванович был послан работать кладовщиком на хлебозавод, где он "отъелся" (по его выражению) за последний полуголодный год, а затем в той же должности на строительство большого дома около Курского вокзала.

К тому времени война уже кончилась, а Владимир Иванович опять попал в "переплет".

Одного из его прежних начальников обвинили в растрате государственных средств, и во время следствия привлекался и Владимир Иванович как свидетель, и дело шло к тому, что и ему грозил судебный приговор. Возник вопрос о защитнике и средствах, чтобы его пригласить.

Одна благочестивая женщина посоветовала ему пойти в Новодевичий монастырь, где был спрос на духовные книги ввиду размещения там духовных школ, и выручить деньги от продажи имевшихся у Владимира Ивановича книг для защиты на суде. Владимир Иванович направился туда и познакомился там с отцом Александром Ветелевым. Встреча была промыслительной для него. Владимира Ивановича уже давно тяготила та суетливая жизнь, в которую он был погружен, а отец Александр предложил взять его к себе псаломщиком. И Владимир Иванович согласился, хотя и оговорился о возможности его осуждения по упомянутому делу. Действительно, он получил три года выселения. Один месяц пробыл под Котласом, но в это время умер Сталин, и Владимир Иванович был освобожден по амнистии. Пришел сразу в Новодевичий и таким образом окончательно перешел на службу в Святую Церковь.

Отец Александр его очень полюбил и хотел сделать диаконом, написал рапорт об этом Святейшему. Тот положительно отнесся к просьбе, но вскоре отцу Александру пришлось перейти в другое место, а сменивший его отец Валериан (Николаев) не хотел, с одной стороны, лишиться такого псаломщика, каким был Владимир Иванович Смирнов, а с другой стороны, и служившего там отца протодиакона Петра (Зверева), профессионального певца. "Ну какой из вас диакон в сравнении с отцом Петром? — говаривал отец Валериан псаломщику, — ведь от нас весь народ отойдет!". "Да ведь это же не моя воля, а отца Александра", — смиренно отвечал Владимир Иванович, который очень свыкся с мыслью о служении у Престола в

священном сане. Отец Иоанн Потапов, духовный отец Владимира Ивановича, служивший в то время в Новодевичьем монастыре, как мог утешал впавшее в уныние свое духовное чадо. Отец Александр, однако, решил упросить своего друга протоиерея Александра Толгского, настоятеля храма Илии Обыденного, взять Владимира Ивановича в помощники к престарелому протодиакону Николаю Николаевичу Орфёнову. Направил отцу Александру письмо, но тот даже письма не взял: "И у меня есть свой кандидат!". Но через несколько дней наступает праздник иконы Божией Матери "Нечаянная Радость", и вечером на всенощной Владимир Иванович получает известие, что завтра на литургии его должны рукоположить в сан диакона!

Действительно, он был рукоположен архиепископом Макарием (Даевым) во диакона к храму Илии Обыденного, где он и прослужил под руководством отца Александра Толгского почти десять лет, до смерти последнего.

Отец Александр Толгский полюбил Владимира Ивановича и не хотел к себе в храм приглашать кого-либо из протодиаконов. Святейший Патриарх Алексий часто также посещал этот храм без своего архидиакона, находя, очевидно, служение отца Владимира вполне приемлемым для патриаршей службы.

Спокойно и мирно протекало служение священнослужителей в этом храме под руководством отца Александра Толгского († 1962), а затем отца Николая (Тихомирова; † 1987). По смерти отца Александра Толгского, прослужившего в этом храме 26 лет, отец Владимир подал прошение о посвящении его в сан священника, и Святейший Патриарх Алексий сразу удовлетворил его просьбу: 22 апреля 1962 года, на Вербное воскресенье, отец Владимир был рукоположен в иерея.

Внутреннее спокойствие, преданность воле Божией, смирение, внимание к людям и их душевным и духовным нуждам, отзывчивость на их просьбы в сочетании с полной бескорыстностью и самоотвержением привлекли к нему очень и очень многих верующих, ищущих пастырского руководства и утешения в скорбях и жизненных неурядицах.

И внешне служение батюшки покоряло своей простотой, безыскусственностью и проникновенным звучанием его красивого бархатистого баритона.

Его предстояние у Престола Божия всегда было сопряжено с памятованием о духовных нуждах его многих духовных чад, к которым ему приходилось всегда выходить на солею и принимать их исповедь, или давать им советы, или утешать. Не получив даже семинарского образования, отец Владимир отличался, однако, большой начитанностью и осведомленностью в богословских вопросах, какие трудно встретить и у "академиков". И вообще ему была свойственна широта взглядов, привлекавшая к нему людей разных жизненных воззрений.

Шли годы. Все так же отец Владимир ездил на станцию Сходня, где была у него половина дома и небольшой сад. После поздно заканчивавшейся службы, когда рано надо было быть опять в храме, отцу Владимиру стелили постель в крестильной комнате.

Матушка Зиновия, одна на протяжении многих лет справлявшаяся с многохлопотливыми обязанностями алтарницы, уже с пяти часов утра в храме, а вскоре и отец Владимир приступал к совершению проскомидии, поминал всех своих многочисленных чад, живых и отошедших в иной мир. Начинал проскомидию отец Владимир, как правило, не менее чем за час-полтора до начала службы. Постепенно подходили и усердные певцы и чтецы, энтузиасты, подвижники церковного служения, участники хора, поющего на ранней воскресной литургии либо на будничной службе.

В начале 70-х годов Владимиру Ивановичу с матушкой Зинаидой Карловной и сыном пришлось покинуть свое гнездо и переехать в Люберцы, так как кому-то для чего-то понадобился их дом, где они столько лет прожили. Правда, сообщение вскоре стало относительно удобным. Это было первое испытание.

Второе случилось на Крещение в середине 70-х годов: садясь в автобус, батюшка поскользнулся, и нога его попала под колесо. Серьезная травма оставила след на всю жизнь.

Следующим ударом была смерть матушки Зиновии — верной сподвижницы и сомолитвенницы, заботливого друга не только отца Владимира, но и всех сослужителей его.

И, наконец, летом 1978 года у отца Владимира случилось нарушение мозгового кровообращения, вызвавшее почти полную потерю трудоспособности. Отец Владимир вскоре, однако, несколько оправился, смог медленно передвигаться, но стоять долго на ногах ему было очень трудно. Слава Богу, что речь сохранилась. Ему пришлось уйти на покой.

Отец Владимир в течение трех лет с покорностью воле Божией нес ниспосланный ему крест: находился дома вдали от родного храма, куда теперь он мог попадать лишь на большие праздники, несколько раз в году. Это "заключение" скрашивалось заботливым уходом матушки, приездами сына с внуком и посещением духовных детей, а летом — выездом на дачу. С нетерпением отец Владимир ждал этого и в мае 1981 года. Но не дождался. Силы покидали его, он слег и уже больше не вставал. 1 июня в 9-м часу вечера перестало биться его большое любвеобильное сердце, вмещавшее скорби и радости многочисленных духовных чад. Ушел добрый, образованный и благочестивый пастырь. 3 июня гроб с телом почившего был доставлен в храм, где отец Владимир прослужил четверть века. Была отслужена панихида отцом Владимиром Воробьевым, духовным сыном покойного.

Отпевание состоялось 4 июня, в Вознесение, после поздней литургии. Приехал Высокопреосвященнейший митрополит Минский Филарет, пожелавший попрощаться с покойным батюшкой, которого Владыка любил и уважал. Отпевание совершал притч храма во главе с настоятелем, отцом Николаем.

Участвовали в отпевании прибывшие отдать последний долг почившему его бывшие духовные дети и близкие, протоиерей Николай Ведерников, иереи отец Кирилл Чернетский, отец Сергий Бордзыка и другие. Всего участвовало в отпевании девять священников и пять диаконов.

Прочувственное слово об усопшем произнес отец Сергий Бордзыка, в течение нескольких лет служивший с отцом Владимиром в храме Пророка Илии. "Отец Владимир, -- сказал он, -- совершал богослужения со всем тщанием, соблюдал устав, молился от души и горячо. Особенно молился за ближних, всегда исполнял просьбы тех, кто просил его помолиться о здравии или за упокой или разделить какое-либо горе.

Он был проповедником, который проповедовал слово Божие не только во время богослужения, но и при совершении треб. Многим памятны его слова и при отпевании, и при венчании, и во время богослужений, и во внебогослужебное время. Он старался привести людей к Господу и был большим душепопечителем. Много сил, много времени отдавал он окормлению своих духовных детей и даже, может быть, больше сил, чем их у него было. При помощи своих многочисленных духовных чад оказывал помощь одиноким, больным, нуждающимся, причем делал это разумно и вдумчиво. И вот такая самоотверженная его жизнь, конечно, ослабила его силы... И сейчас мы провожаем отца Владимира в последний путь как пастыря доброго..."

Гроб с покойным при пении ирмосов канона Великой Субботы был торжественно обнесен вокруг храма. Похоронен отец Владимир на Ваганьковском кладбище.

Вечная тебе память, добрый, любящий отец и наставник!

Душа твоя во благих водворится!

С. А. ГОЛУБЦОВ

Памяти протоиерея Георгия Малахова

7 августа 1993 года на 50-м году жизни мирно скончался от продолжительной, тяжелой болезни настоятель Архангело-Михайловской церкви в г. Пятигорске (Ставропольско-Бакинская епархия) протоиерей Георгий Малахов.

Родился 21 июля 1944 года в г. Новокузнецке Кемеровской области. В 1958 году поступил в Кузнецкий металлургический техникум, который окончил с отличием в 1963 году по специальности "техник-металлург". В 1964 году поступил в Сибирский металлургический институт, который окончил в 1969 году по специальности "инженер-металлург". На гражданской работе трудился в г. Новокузнецке и в г. Подольске Московской области. В 1975 году переехал на жительство в г. Пятигорск Ставропольского края.

12 марта 1979 года рукоположен в сан диакона епископом Ставропольским и Бакинским Антонием. Диаконское послушание проходил в г. Нальчике. 12 июня 1979 года рукоположен в сан священника епископом Антонием. Священническое послушание проходил в Кабардино-Балкарии и на Кавминводах Ставропольского края.

В 1983 году отец Георгий заочно окончил Московскую Духовную Семинарию.

Где бы ни служил отец Георгий, везде проявлялись его организаторские способности, особенно в церковном строительстве. Прихожане горячо любили его за доброту, содержательные проповеди и глубокую преданность Православию.

Отец Георгий много лет был знаком с Высокопреосвященнейшим Митрополитом Гедеоном, его мамой -- старицей Матроной и испытывал к ним большую любовь и благоговение.

Зимою 1990 года Высокопреосвященнейший Гедеон назначил отца Георгия на должность настоятеля Архангело-Михайловского храма г. Пятигорска, который предстояло восстановить после 30 лет запустения. Превозмогая болезнь, отец Георгий с радостью и ревностью взялся за новое свое послушание.

15 сентября 1991 года отец Георгий получил сан протоиерея. К Пасхе 1992 года был награжден палицей.

9 августа 1993 года в Архангело-Михайловском храме были совершены Божественная литургия и чин отпевания, который возглавил Высокопреосвященнейший Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский, который сказал прочувственное слово, призвав всех к памяти смертной и усердной молитве об усопшем.

Тело почившего предано земле на городском кладбище, рядом с его блаженнопочившей матерью.

Вечная память приснопамятному протоиерею Георгию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Митрополит Вениамин (Федченков). **О вере, неверии и сомнении.** "Нева – Ладога – Онега". М. П. "Русло", М., 1992.

"Нет, не случайно, конечно, что мудрое слово святителя приходит к нам сегодня", – пишет в предисловии к изданию А. Светозарский. Верно отмечено и верно сказано. Рукопись пролежала полвека под архивным спудом и появилась в печати именно тогда, когда стала наиболее необходимой для соотечественников ее автора.

Надо сказать, что и все творчество замечательного богослова и церковного писателя митрополита Вениамина отмечено печатью предуготованности для будущего. Возможно, не сознавая того, автор работал для потомков, для нас – для людей, переживших общественное крушение. Такое явление может быть названо и гениальным прозрением, и Промыслом Божиим.

С трудом, но пробиваются в свет неопубликованные работы митрополита Вениамина: "Мысли о Литургии верных" (ЖМП, 1982), "Божии люди" ("Современник". М., 1991), "О вере, неверии и сомнении" ("Нева – Ладога – Онега". М. П. "Русло". М. 1992), "Святой сорокоуст" и "На рубеже двух эпох" (ЖМП, 1993). И о любом из этих произведений можно говорить как о значительном духовном и литературном явлении...

Несколько слов о последней публикации. Воспоминания "На рубеже двух эпох" – работа, ярко характеризующая автора как писателя. В отличие от светской беллетристики полувековые события трагического для России двадцатого века оценены в ней с твердых православных позиций. Подобного русская мемуарная литература не знала. Именно поэтому по прочтении воспоминаний многое для нас проясняется: и почему стала возможной трагедия 1917 года, и почему оказалось бессильным Белое движение в Гражданской войне, и почему, в конце концов, произошел новый церковный раскол.

Сочетание в одном лице богослова и писателя позволило автору создать произведения, которые, несомненно, заинтересуют и служителя Церкви, и мирянина, и даже неверующего.

Работу "О вере, неверии и сомнении" можно назвать итогом религиозного опыта, хотя она, по словам автора, и рассчитана на самую-самую духовную непросвещенность. Так считал автор, наше же мнение таково, что настоящая книга на какое-то время может оказаться настольной и для приходского священника, и для ищущего интеллигента, и для сомневающегося в вере. Книга о духовных проблемах сегодняшнего дня. Вот названия ее частей (или разделов): "Детская вера", "Разумная вера", "Религиозный опыт", "Свобода воли", "О сомнении", "Чудеса Божии". Это не богословие, это – беседа богослова на основе личного и общественного религиозного опыта, то, чего сегодня нам так ощутимо не хватает...

Автор говорит не о вере детей, а о детской вере. Вера по традиции, по преданию, по Евангелию столь же естественна, как естественны для человека свет, воздух, вода. И такая вера наиболее правая. Но человеку при свободе воли, данной ему Творцом, свойственна еще и вера "в ум, в силу знания, рационализм". Неизбежное разделение. И человек так или иначе проходит и через такое, умственное, что ли, искушение... Используя жизненные примеры, автор приглашает нас к собеседованию – и здесь сказывается опыт проповедника: привлекается личный и общественный духовный опыт: детство, Семинария и Духовная Академия, среди студентов которой, как узнаем, процветал в XIX веке не только дух рационализма, но и дух сомнения и даже неверия... И мы погружаемся в этот мир и начинаем сопереживать когда-то пережитое автором и его окружением. Такая форма поучения, или проповеди, направляемая опытным пастырем, легко усваивается, параллельно проводится и ревизия оценки общественных явлений. Так, уже после прочтения первого раздела становится ясно, что не только мы, но и наши предки были далеки от истинной детской веры. Общество и в XIX веке было поражено вирусом рационализма, атеизма, и трудно было обществу устоять перед натиском разрушительного нигилизма. "Нас воспитывали в идолопоклонстве уму, – чем страдало и все наше интеллигентное общество XIX века, особенно же с 60-х годов. И этот яд разлагал веру, унижал ее, как якобы темную область "чувства", а не разума. И постепенно рационализм переходил у них в прямое неверие, безбожие"... Мы даже не уловили того, как мудрый пастырь и проповедник перешел от пересказа жизненных примеров к богословскому толкованию: он исподволь доказывал, что "культ ума" держится на ложном основании, и не так-то уж он, ум человеческий, могуч, чтобы можно было его противопоставить вере в Бога. Ум человека лжив и лукав, блудлив и слеп, если он не напитан Божественной благодатью. Более того, автор считает, что разум не должен, не может противоречить вере, напротив, необольщенный ум приводит к вере, так что и вера может прийти к человеку не только по благодати, но и по разумению. При определенном духовном опыте знание не противоречит вере. И вот что примечательно, чем

выше ум, чем глубже знания, тем ближе человек к Богу. И чтобы показать, что не от всей интеллигенции "ушла вера", митрополит Вениамин напоминает работы западноевропейских авторов – Табрума, Деннерта и других – откуда следует, что большинство академических ученых считают себя верующими. Говоря о русской верующей интеллигенции, Владыка указывает на целый ряд ученых различных областей знаний – и в этом ряду оказываются люди, составляющие славу русского народа – Хомяков и Гоголь, хирург Пирогов и философ Владимир Соловьев, военачальники Суворов и Кутузов, академики Павлов и Филатов...

Знание не противоречит вере. Но лишь та наука достойна почитания, которая идет от Бога и так или иначе приводит к Богу. Однако нас, испорченных грехом детей века, соблазняет сила разума: вера, мол, верой, а как же ум? – Бога необходимо доказать. И мы тщетно пытаемся постичь непостижимое, познать и доказать или отвергнуть своего Творца... Как богослов и философ, автор без видимого труда справляется с поставленной перед собой задачей: он развенчивает культ ума и приходит к выводу, вслед за святым Антонием Великим: "Неверие есть легкомысленная дерзость". Это есть истинная темнота! И теперь я в свою очередь спрашиваю: почему вы, неверующие, не верите? Скажите нам: какие ученые доказательства привели вас к необходимости неверия?" Но ответа вряд ли мы дождемся. А ведь этот вопрос можно адресовать всей, без малого, так называемой "советской интеллигенции". Расщепив (читай: разрушив) атом, "строительный материал" Творца, наши современники решили, что превзошли в мудрости Самого Господа Бога, и это в то время, когда наука направлена не на созидание, а на разрушение... Все это вопросы актуальные, и понять их следует прежде всего образованному обществу, хотя автор уже не в первый раз подчеркивает, что пишет "в сущности полудетские записки".

Автор предлагает нам тщательное прочтение Священного Писания и шаг за шагом, казалось бы, на второстепенных деталях доказывает подлинность и достоверность Нового Завета. Более того, останавливаясь на мнимых противоречиях, убеждает, что эти самые противоречия и свидетельствуют о подлинности и достоверности Евангелий. Особенно глубок разбор Евангелия от Марка, записанного со слов Апостола Петра. В данном случае митрополит Вениамин продолжает дело святых отцов, в частности святого Иоанна Златоуста, но размышления автора тем более ценны, что, продолжая традиции христианского богословия, он говорит языком сегодняшнего дня, оперирует современными фактами, так что живая жизнь присутствует на страницах его произведения – и это для нашего современника убедительнее и понятнее, нежели слово тысячелетней давности...

И свобода воли, предоставленная человеку Творцом, – проявление свободы воли Самого Творца. Господь закабалил бы человечество, если бы лишил его свободы воли и выбора. И нелепы рассуждения, при которых требуют видимого вмешательства Божия в земные неурядицы. Бог всегда с человеком, но человек волен выбирать – верить или не верить, любить или ненавидеть – в этом в какой-то мере и заключается земной жизненный путь, ведущий нас либо к погибели, либо к спасению.

Сомнения же были и будут... Вслед за святыми отцами митрополит Вениамин рекомендует в сомнениях обращаться за помощью к Богу. И Бог поможет – об этом свидетельствует многовековой духовный опыт. Спаситель нас не оставит. "Когда [же] подвижник был искушаем, он говорил врагу: "Вон!" – отмечает автор.

Книга "О вере, неверии и сомнении" ценна прежде всего тем, что для церковнослужителя – это материал для проповеди, для православного верующего – радостное укрепление веры, для неверующего – прямой путь к вере – через разум, через знания.

Остается лишь напомнить о необходимости в жизни смирения – этой великой добродетели. "Не великое дело – творить чудеса; не великое дело видеть ангелов; великое дело – видеть собственные грехи свои", – сказал святой Антоний Великий. Этими словами и завершает свою книгу замечательный богослов и писатель XX века митрополит Вениамин.

Б. С.

СВЯТИТЕЛЬ СПИРИДОН ТРИМИФУНТСКИЙ

Икона начала XVIII века. ЦАК МДА.
Память совершается 12/25 декабря.
(Подрисуночная подпись к 3-й полосе обложки)

Сдано в набор 12.10.93. Подписано в печать 25.11.93. Заказ 1644. Индекс 71157
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви. № 1, с. 2 – 3.

Пасхальное послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви. № 4, с. 2 – 3.

Алексий II, Патриарх Московский.

Заступница Усердная. № 3, с. 30 – 31.

Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви по современному положению на территории бывшей Югославии. № 8, с. 2 – 3.

Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с началом спасительных дней Великого поста. № 3, с. 2 – 3.

Августин (Никитин), архимандрит.

Православная миссия Великого Новгорода. № 3, с. 51 – 60.

Акулов Николай, священник.

Кто мой ближний? (В Неделю 25-ю по Пятидесятнице). № 11, с. 6.

Анастасий Синаит, преподобный.

Путеводитель (Избранные главы). № 7, с. 72 – 83.

Антоний, митрополит Сурожский.

Вера. № 10, с. 2–3.

Рождество Христово. № 1, с. 33 – 34.

Антонов М.Ф.

Всему миру свет (Обзор литературы, вышедшей к 600-летию со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского). № 5, с.107 – 111.

Светоч земли Русской. № 1, с. 89 – 91.

Архипов Геннадий, священник.

Общий дом земного и небесного воинства. № 9, с. 13 – 17.

Афанасьев В.В.

Дивный старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси чудотворца. № 5, с. 9 – 39; № 6, с. 4 – 44; № 7, с. 2 – 34.

Афанасьев Николай, протоиерей.

Кафолическая Церковь. № 10, с. 20–35.

Таинства и тайнодействия. № 12, с. 72–83.

А.Т.

Библ.: Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн.1. Тверь, "Булат", 1992, 237 с. № 8, с.111 – 112.

Б.С.

"Вспомнить и донести...". № 11, с. 34–35.

Библ.: Митрополит Вениамин (Федченков). Божии люди. М.: Современник, 1991. № 8, с.112.

Библ.: Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. "Нева – Ладога – Онега". М.П. "Русло", 1992. № 12, с.116–117.

Библ.: Христианская семья и брак. Составители А.Зеленцов, Л.Исакова. М.: Воскресенье, 1992. 80 с. № 8, с.111.

Лики времени. № 9, с. 42 – 44.

Бакуменко В.

Духовные произведения С.В.Рахманинова. № 3, с. 66 – 69.

Баранов Ю.К., Щеглова Н.Г.

В пределах Отечества и в изгнании. № 11, с. 74–79.

Барская Н.А.

Уникальный альбом. № 5, с.111 – 112.

Бегунов Ю.К.

Новонайденная Ростовская сказочная повесть о святых Кирилле и Мефодии. № 3, с.101 – 106.

Богоявленский Алексий, протоиерей.

"От юности Христа возлюбил еси...". № 5, с. 40 – 41.

Больсунов Н.В.

Друг, как ты вошел сюда?.. № 7, с. 37 – 42.

Борисов Н.С.

Обнорская дорога (исторический очерк). № 1, с. 60 – 69.

Боровой Виталий, профессор-протопресвитер.

Церковь Христова, ее природа. Автокефальные Поместные Церкви. № 10, с. 8–19; № 11, с. 25–34.

Василий Великий, святитель.

Советы юношам. № 4, с. 43 – 50.

Васильев Борис, священник.

Последний этап поэтического творче-

ства А.С.Пушкина. № 6, с. 67 – 73.
Ведерников Николай, протоиерей.
В Неделю 13–ю по Пятидесятнице. № 9, с. 69.
Вениамин (Федченков), митрополит.
На рубеже двух эпох. № 2, с. 76 – 99; № 3, с. 72 – 95; № 4, с. 68 – 97; № 5, с. 84 – 101; № 6, с. 74 – 102; № 7, с. 84 – 112; № 8, с. 63 – 85; № 9, с. 87 – 112; № 10, с. 60–87.
Святой Сорокоуст (мысли по поводу указов Митрополита Сергия о лояльности). № 1, с. 77 – 88.
Ветелев Александр, протоиерей.
В день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших. № 6, с. 2 – 3.
Воробьев Владимир, протоиерей, Щелкачев А.В., Губонина З.Л.
Жизнь прожить.. № 11, с. 51–54.
Воропаев В.А.
Гоголь и монашество. № 4, с. 98 – 110; № 5, с.102 – 106.
Воршевский Евгений, протоиерей.
Памяти архиепископа Луки (Войно–Ясенецкого) (1877–1961). № 12, с. 58–59.
Вострышев М.И.
1922 год. Постановили: обобрать и расстрелять. (По архивам КГБ и ЦК КПСС). № 12, с. 60–64.
Библ.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1924. Париж,1990. 600 с. № 7, с.119 – 120.
И не введи нас во искушение (1 мая и Никола летний). № 5, с. 3 – 5.
Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. № 2, с. 37 – 43.
На основе устных директив. № 8, с. 5 – 10.
Следственное дело N 36960 (по архивам КГБ). № 3, с. 15 – 18.
Шесть дней в Петрограде и Кронштадте. № 9, с. 32.
Георгий, архимандрит.
Слово в Неделю сыропустную. № 2, с. 45 – 46.
Цель жизни христианской. № 9, с. 68.
Глушаков Алексий, протоиерей.
Поминайте наставников ваших. № 7, с. 62 – 64.
Голубцов Николай, протоиерей.
Заповеди Божии. № 9, с. 70.
Голубцов С.А.
Протоиерей храма Илии Обыденного в Москве Владимир Иванович Смирнов (1903–1981). № 12, с.111–115.
Гордун Сергий, священник.
Первое собрание духовенства Новогрудской епархии. № 2, с. 69 – 70.
Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год. № 1, с. 39 – 49; № 2, с. 11 – 24.
Григорий Нисский, святитель.
О молитве. № 5, с. 43 – 46; № 8, с. 24 – 28.
Губонина З.Л. – см. Воробьев Владимир, протоиерей.
Гумеров Афанасий, священник.
Право и правда. № 5, с. 57 – 74.
Дамаскин (Орловский), иеромонах.
Письмо А.Д.Овечкиной. № 8, с. 14.
"Я теперь не умру..". (Последние годы жизни Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского)). № 1, с. 20 – 31.
Дементьев Е.И.
Из далекого прошлого села Середы Юрьевской. № 8, с. 48 – 49.
Дронов Михаил, протоиерей.
Писание и Предание. № 11, с. 9–25.
Евлогий (Георгиевский), митрополит.
Холмщина. № 11, с. 79–87.
Емеличев Владимир, священник.
Храм просит помощи. № 3, с. 14.
Ермоген, Патриарх Московский.
Воззвание. № 5, с. 7 – 8.
Ефрем Сирин, преподобный.
Слова умилительные. № 3, с. 32 – 35.
Ефремов А.В.
Борисоглебский монастырь в селе Аносино. № 7, с. 56 – 59.
Спасо–Влахернский монастырь. № 3, с. 61 – 63.
Жила Стефан, протоиерей.
Сосуд Христовой любви. № 7, с. 60 – 61.
Зеленская Г.
Земной путь епископа Амфилохия (Казанского) (1818–1893). № 9, с. 26 – 31.
Зяблицев Георгий, священник.
Богословие преподобного Исаака Сирина. № 3, с. 41 – 50.
Богословие святителя Григория Нисского. № 8, с. 29 – 37.
Игнатий (Брянчанинов), святитель.
Из записок 1862–1866 гг. (Действия, существенно нужные для Российской Церкви). № 4, с. 42 – 43.
Игнатий (Дронов), иеромонах.

Возвращение святыни. № 1, с. 59.
Иларион (Алфеев), иеромонах.
Памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа. № 2, с.104 – 109.
Святитель Мелитон Сардийский и его сочинение "О Пасхе". № 4, с. 17 – 19.
Илышева-Введенская Н.Л.
История Очакова на Юго-Западе Москвы. № 9, с. 17 – 21.
Ильин И.А.
"Аксиомы религиозного опыта" (предисловие к книге и заключительная глава). № 11, с. 89–103.
Почему мы верим в Россию?. № 3, с. 27 – 29.
Иоанн (Вендланд), митрополит.
Небесная награда. № 6, с. 55.
Иоанн (Поммер), архиепископ Рижский и Латвийский.
В день погребения Святейшего Патриарха Тихона. № 1, с. 14 – 20.
Иоанн Златоуст, святитель.
Из бесед на Евангелие от Матфея (Мф.24,1–15). № 9, с. 71 – 76.
К.Р. (Константин Романов).
Псалмопевец Давид. № 1, с. 38.
Каллист (Уэйр), епископ Диоклийский.
На берегах Темзы и Трента (Православие на Британской земле). № 10, с. 88–90.
Киприан (Керн), архимандрит.
Дореволюционное русское духовенство за границей. № 11, с. 60–72.
Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.
Возрождение Православия и обновление России. № 9, с. 7 – 12.
Кисель В.Ю.
Житие Преподобного Сергия Радонежского в русской агиографии (библиографический очерк). № 1, с. 97 – 102; № 2, с.100 – 103.
Классон Христофер, протоиерей.
Моя жизнь в Святой Православной Церкви. № 8, с. 91 – 98.
Клеменев Александр, протоиерей.
В Неделю Святых Отец. № 12, с. 66–67.
Кожинов В.В.
Путь Руси из Киева во Владимир. № 1, с. 92 – 96; № 2, с. 24 – 29.
Козлов В.Ф.
Монастыри России в первые годы после революции. № 4, с. 26 – 33.
Свидетельствуют документы (об изъятии церковных ценностей). № 9, с. 47 – 52.
Возрождение святыни. Казанский собор Москвы и век XX. № 12, с. 2–6.
Колодяжная Л.И.
К Рождеству. № 12, с.83.
Молитвы русских поэтов. № 12, с.107–110.
Константин, епископ Новогрудский и Лидский.
"Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко". № 2, с. 44 – 45.
Костин Б.А.
За други своя. № 12, с. 24–37.
Священник полковой. № 1, с. 70 – 76.
Кошелев В.А.
"Хомяков жил в Церкви...". № 8, с. 50 – 57.
Кравецкий А.Г.
О достоверности Предания (По поводу книги "Чин и устав, како подобает приимати приходящих от жидов к правей вере христианской". СПб., 1993). № 8, с.108 – 111.
Кривонос Ф.Л.
Судьбы Православия в Белоруссии. № 2, с. 48 – 58.
Крикунов Алексий, священник.
Человек – храм Божий. № 2, с. 46 – 47.
Куликов Александр, протоиерей.
"Дева днесь предстоит в Церкви и с лики святых невидимо за ны молится Богу" (кондак). № 10, с. 3–4.
Кутузов Б.П.
Возрождать ли нам знаменный распев?. № 3, с. 69 – 71.
Знаменный распев в ключевых узлах литургии. № 10, с. 91–93.
Принцип меры и красоты в знаменном распеве. № 1, с.103 – 109.
Л.К.
Патриарх Тихон и Православная Русская Церковь. № 8, с. 3 – 5.
Лоргус Андрей, диакон.
О человеке. № 2, с. 2.
Похвала патриаршему служению. № 1, с. 4 – 6.
Царь из пастырей. № 1, с. 36 – 38.
Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ.
Воспоминания. № 12, с. 37–58.
Лупандин В.
Претерпевший до конца – спасется. № 8, с. 10 – 14.
Маловичко И.

Городищенские святыни (История почитания святой великомученицы Параскевы–Пятницы Иконийской в селе Городище Волгоградской области). № 3, с. 63 – 65.

Марк (Лозинский), игумен.
Гомилетические наставления Святителя Иоанна Златоуста. № 6, с. 52 – 55.

Мастеров А.В. – см. *Чельцов Г.М.*

Мелитон Сардийский, святитель.
О Пасхе. № 4, с. 4 – 17.

Мечев Алексий, протоиерей.
О мощах угодников Божиих. № 12, с. 68–71.

Нарциссов В.В.
Памяти Прасковьи Тихоновны Кориной (1900–1992). № 10, с.102–104.
Слово, не произнесенное на открытии юбилейной выставки 23 марта 1993 года. № 10, с. 98–101.

Недосекин И.
Страдания и любящий нас Бог. № 8, с. 85 – 90.

Немченко Г.Л.
Путь к вере (очерк). № 3, с. 4 – 13.

Нефедов Геннадий, протоиерей.
Сердце человеческое. № 8, с. 21 – 22.

Никодим, митрополит Харьковский и Богодуховский.
Великая святыня. № 9, с. 65 – 67.

Николаев Борис, протоиерей.
По закону осмогласия (К вопросу о знаменном распеве). № 11, с.104–112.

Орлов Михаил, протоиерей.
Лествица добродетелей. № 4, с. 52 – 53.

Осипов А.И., профессор.
Святитель Игнатий об основах духовной жизни. № 4, с. 58 – 67.

Островский Константин, священник.
В купели Крещения. № 10, с. 5–7.
"Возвеличься, жених, и ты возвеселись, невеста!.." № 4, с. 56 – 57.

Павлова Т.А.
Белая церковь. № 11, с. 36–37.

Петр (Полянский), митрополит Крутицкий.
Послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви. № 1, с. 31 – 32.

Пимен, архиепископ Саратовский и Вольский.
Дела Божии. № 4, с. 51.

Пискунов А.Ю.
Празднование 1000–летия христианства в Белоруссии. № 2, с. 58 – 65.

Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский.
Культурное наследие и современность. № 9, с. 77 – 86.
Милость Божия. № 11, с. 2–4.

Покровский Н.Н., профессор.
Миниатюры Коккиновафского кодекса (К иконографии Богоматери). № 8, с. 38 – 47.

Полищук Е.С.
"Рождественские образовательные чтения" (заметки участника). № 7, с. 35 – 37.
Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992). № 6, с.103 – 112.
Архимандрит Киприан (Керн). № 11, с. 59.
Библ.: Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. Византийские Отцы V–VIII веков. Москва, "Паломник", 1992. № 3, с.107.
Международная научная конференция "Преподобный Сергий Радонежский и традиции русской духовности" (заметки и впечатления). № 2, с. 3 – 10.
Протоиерей Н.Н.Афанасьев (1893–1966). № 10, с. 19–20.
Флорентийский Собор и его значение в истории Православной Церкви. № 1, с. 49 – 59.

Полосин Вячеслав, протоиерей.
Исцеления истинные и мнимые. № 8, с. 22 – 24.

Полунов А.Ю.
Церковная школа для народа в конце XIX века. № 6, с. 56 – 59.

Поселянин Е.
"Упование мое –Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святый.." (из книги: "Русские подвижники XIX века"). № 9, с. 22 – 26.

Православный.
Христос и Кришна (Свет и тьма). № 3, с. 96 – 100.

Пшенко Сергий, священник.
Возрождается храм. № 3, с.106.

Резников Вячеслав, священник.
Благодатная помощь. № 12, с. 65–66.
Нагорная проповедь. № 5, с. 41 – 42.

Рункевич С.Г.
Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 годов. № 9, с. 35 – 41.

Савина Л.Н.
К истории иконостаса трапезной церкви Троице–Сергиевой Лавры. № 10, с. 93–97.
Самойлов А.
Пастырские советы отца Иоанна совершителю богослужения. № 8, с. 99 – 106.
Самсонов И.
Православие и русская культура в древней Литве. № 7, с. 43 – 51.
Светлов Павел, профессор–протоиерей.
Афоризмы. № 7, с.113 – 118.
Светозарский А.К.
"Помолитеся о грехах моих...". № 2, с. 71 – 76.
Серафим (Соболев), архиепископ.
"Кто Бог велий, яко Бог наш...". № 5, с. 2 – 3.
Серафим, архимандрит.
Учение о благодати в творениях архиепископа Серафима (Соболева). № 5, с. 47 – 56.
Серба А.И.
Нет казачества без веры. № 8, с. 15 – 18.
Сергеев С.М.
Голоса истории (предисловие к статье Л.А.Тихомирова "Безотлагательность церковного Собора". № 9, с. 44 – 45.
Сергий (Страгородский), Патриарх.
Отношение православного человека к своей Церкви и инославию. № 3, с. 36 – 40.
Сидоров А.И.
Логико–богословский трактат в "Путеводителе" преподобного Анастасия Синаита. № 7, с. 65 – 71.
Симич Милорад, священник.
Вероучение в школе. № 4, с. 39 – 41.
Симон, архиепископ Рязанский и Касимовский.
Прославление Живоначальной Троицы. № 6, с. 45 – 51.
Смирнов Димитрий, протоиерей.
В Неделю 6–ю по Пятидесятнице. № 7, с. 62.
Смирнов И.Н.
Духовный подвиг Ивана Ильина (к 110–летию со дня рождения). № 3, с. 18 – 26.
Философия религии Ивана Ильина. № 11, с. 88–89.
Сорокин Иоанн, протоиерей.
В Неделю по Воздвижении Креста Господня. № 10, с. 4–5.
Небесные заступники. Собор святого Архистратига Михаила. № 11, с. 4–5.
Споров Б.Ф.
Уголька, или отец Иов. № 5, с. 75 – 83.
Стефан, епископ Пинский и Лунинецкий.
История Минской Духовной Академии. № 2, с. 66 – 69.
Т.З.
Размышление о воскресной школе. № 4, с. 34 – 39.
Тарасов К.К.
Выставка православной книги. № 8, с.106 – 108.
Деяния Священного Собора 1917–1918 годов как исторический первоисточник. № 1, с. 7 – 10.
Послесловие к статье С.Г.Рункевича "Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 годов". № 9, с. 41 – 42.
Тихомиров Л.А.
Безотлагательность церковного Собора. № 9, с. 45 – 47.
Тихон, Патриарх Московский.
Письмо Святейшего Патриарха Тихона Председателю ВЦИК М.И.Калинину. № 1, с. 12 – 14.
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона в связи с закрытием гражданскими властями Свято–Троицкой Сергиевой Лавры. № 11, с. 56 – 57.
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона о каноническом осуждении, запрещении в священнослужении и предании церковному суду главных деятелей обновленческого раскола. № 11, с. 57 – 58.
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона Константинопольскому Патриарху Герману V о воздвигнутых на Церковь Божию в России гонениях. № 11, с. 54 – 56.
Слово Святейшего Патриарха Тихона в ответ на приветствие от имени Петроградской Духовной Академии. № 9, с. 34.
Слово Святейшего Патриарха Тихона в ответ на речь председателя правления Братства православных приходов (отрывок). № 9, с. 34 – 35.
Слово Святейшего Патриарха Тихона к петроградской пастве в Александро–Невской Лавре. № 9, с. 33 – 34.
Слово Святейшего Патриарха Тихона

при посещении Кронштадта. № 9, с. 35.
Тулаев П.В.
Православный Херсонес. № 4, с. 20 – 25.
Усов А.
Первая в России. № 9, с. 53 – 64.
Уткин И.Н.
Дореволюционные методики преподавания и системы построения курса Закона Божия. № 6, с. 60 – 65.
Фарковец Михаил, протоиерей.
Путь на Фавор. № 8, с. 19 – 21.
Феодосий, игумен Троице–Сергиевой Лавры.
Благовещение Пресвятой Богородицы. № 4, с. 54 – 55.
Вера христианина. № 1, с. 34 – 35.
Феофан Затворник, святитель.
Слово на освящение храма. № 11, с. 6–8.
Филарет, епископ Дмитровский.
Слово на торжественном собрании в Московских Духовных школах 1 сентября 1993 года. № 12, с. 7–10.
Флоровский Г.В.
Предисловие к изданию 1972 г. книги "Восточные отцы IV века. Византийские Отцы V–VIII веков". № 3, с.107 – 108.
Хомяков А.С.
Послание к сербам (отрывок). № 8, с. 58 – 62.
Цыпин Владислав, протоиерей.
Преподобный Сергий и русское монашество. № 7, с. 52 – 56.
Чельцов Г.М., Мастеров А.В., Чельцова Л.Л.
Протоиерей Михаил Чельцов. Жизнь и деятельность. № 10, с. 36–48.
Чельцов Михаил, протоиерей.
Воспоминания смертника о пережитом (5 июля – 14 августа 1922 года по новому стилю). № 10, с. 48–59; № 11, с. 37–50.
Наука и религия. № 10, с.105–112.
Чельцова Л.Л. – см. *Чельцов Г.М.*
Шатов А.И.
Древнерусское церковное пение. № 1, с.109 – 112.
Шведов О.В.
Чинопоследование утрени – структура и симметрия. № 12, с. 84–96.
Щеглов А.Л.
Ермолай–Еразм. № 11, с. 73.
Щеглова Н.Г. – см. *Баранов Ю.К.*
Щелкачев А.В. – см. *Воробьев Владимир, протоиерей.*
Ярушевич Б. (митрополит Николай).
Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви (Историко–канонический очерк). № 2, с. 29 – 36.

"Журналу Московской Патриархии" – 50 лет. № 9, с. 2 – 6.
Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму,
Саровскому чудотворцу. № 7 (Приложение).
Архиепископ Серафим (Соболев) (биографическая справка). № 5, с. 56.
В Секретный Отдел ВЧК. № 1, с. 12.
"Во образ духовного союза Христа с Церковью...". № 4, с. 57.
К читателям. № 1, с. 4.
Коломенская икона Божией Матери "Державная". № 3, с. 31.
Конференция по исихазму. № 3, с. 14.
Круг чтения. № 5, с.112.
Молитва во время брани. № 1, с. 76.
Мытарства (частный суд по смерти). № 12, с. 97–106.
На земле ярославской. № 1, с. 96.
Обращение прихожан храма в честь иконы Казанской Божией Матери. № 9, с. 52.
Памяти Святейшего Патриарха Ермогена. № 5, с. 6 – 7.
Памяти протоиерея Георгия Малахова. № 12, с.115.
Письмо обновленческого синода (председателю ЦИК М.И.Калинину). № 1, с. 10 – 11.
Правила приема в Духовные учебные заведения Московской Патриархии на 1993/94 учебный год. № 3, с.110 – 112.
Псалмы 1, 50, 90. № 12 (Приложение).
Речения святых отцов. № 10, с. 7.
Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников. № 12, с. 11 – 24.
Святые отцы об унисонном пении. № 3, с. 71.
Священник Борис Васильев (биографическая справка). № 6, с. 66.
Стихиры "На хвалитех". Минея. Май, т.III. № 6, с. 3.
Хронограф. № 1, с.112; № 2, с.109 – 111; № 3, с.109; № 4, с.111 – 112.

Ѱалóмъ а̄.

Ѱалóмъ дв̄дѵ̀, не надпи́санъ ѻ̑ѵ̀ е҃вре́й.

Бл̄же́нъ мѫ́жъ, и҆́же не и҆́де на сов҃е́тъ нечести́выхъ, и҆̂ на пѫ́ть гр҃е́шныхъ не ста̀, и҆̂ на сѣда́лищи гѹби́телей не сѣ́де:

Но въ зако́нѣ гд̄не во́ля є҆гѡ̀, и҆̂ въ зако́нѣ є҆гѡ̀ поучи́тсѧ де́нь и҆̂ но́щь.

И҆̂ бѫ́детъ а҃кѡ дре́во насажде́ное при и҆схо́дищихъ во́дъ, е҆́же пло́дъ сво́й да́стъ во вре́мѧ свое́, и҆̂ ли́стъ є҆гѡ̀ не ѿпаде́тъ, и҆̂ всѧ̂, е҆ли́ка а҆́ще твори́тъ, ѹ҆спѣ́етъ.

Не та́кѡ нечести́вїи, не та́кѡ: но а҃кѡ пра́хъ є҆го́же возмета́етъ вѣ́тръ ѿ лица̀ земли́.

Сегѡ̀ ра́ди не воскре́снѫтъ нечести́вїи на сѫ́дъ, нижѐ гр҃е́шницы въ сов҃е́тъ пра́ведныхъ.

Я҆́кѡ вѣ́сть гд̄ь пѫ́ть пра́ведныхъ, и҆̂ пѫ́ть нечести́выхъ поги́бнетъ.

Ѱалóмъ и҃

Въ коне́цъ, ѱалóмъ дв̄дѵ̀, внегда̀ вни́ти къ немѹ̀ надда́нѵ̀ проро́кѵ̀.

Псалом 1

Псалом Давида.
Не надписан у евреев.

Блажен муж, который не идет на совет нечестивых, и на путь грешных не вступил, и не сидит в сборище губителей;

Но в законе Господнем воля его, и закону Его поучается он день и ночь.

И будет он, словно древо, насажденное у источников вод, что приносит плод свой во время свое; и листва его не опадет, и во всем, что творит, преуспеет.

Не так будет с нечестивыми, не так! Но они, как прах, взметаемый ветром с лица земли.

Посему не воскреснут нечестивые на суд, и грешники - в совет праведных.

Ибо ведом Господу путь праведных, а путь нечестивых погибнет.

Псалом 50

В конец, псалом Давида, воспетый им после прихода к нему пророка Нафана,

Ѥгда̀ вни́де къ вирсавіи́ жен҃ѣ ѹ҆рі́ев҃ѣ.

Поми́лу́й мѧ бжѐ по вели́ц҃ѣй ми́лости твое́й, и҆ по мно́жествѹ щедро́тъ твои́хъ ѡ҆чи́сти безза́ко́нїе моѐ.

Наипа́че ѡ҆мы́й мѧ ѿ беззако́нїѧ моегѡ̀, и҆ ѿ гр҃ѣха̀ моегѡ̀ ѡ҆чи́сти мѧ̀.

Ꙗ҆кѡ беззако́нїе моѐ а҆́зъ зна́ю, и҆ гр҃е́хъ мо́й предо мно́ю е҆́сть вы́нѹ.

Тебѣ̀ е҆ди́номѹ согр҃ѣши́хъ, и҆ лѹка́вое пред҃ тобо́ю сотвори́хъ: ꙗ҆кѡ да ѡ҆правди́шисѧ во словесе́хъ твои́хъ, и҆ поб҃ѣди́ши, внегда̀ сѹди́ти тѝ.

Сѐ бо въ беззако́нїихъ зача́тъ е҆́смь, и҆ во гр҃е́сѣхъ роди́ мѧ ма́ти моѧ̀.

Сѐ бо и҆́стинѹ возлюби́лъ е҆сѝ, безвѣ́стнаѧ и҆ та́йнаѧ премѹ́дрости твоеѧ̀ ꙗ҆ви́лъ мѝ е҆сѝ.

Ѡ҆кропи́ши мѧ̀ и҃ссѡ́помъ, и҆ ѡ҆чи́цѹсѧ, ѡ҆мы́еши мѧ̀, и҆ па́че сне́га ѹ҆бѣлю́сѧ.

Слу́хѹ моемѹ̀ да́си ра́дость и҆ весе́лїе, возра́дѹютсѧ ко́сти смире́нныѧ.

После того, как Давид вошел к Вирсавии, жене Урии

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти меня от беззакония моего!

Наипаче омой меня от беззакония моего, от греха моего очисти меня;

Ибо я беззаконие мое знаю, и грех мой всегда предо мною.

Тебе Единому я согрешил и лукавое пред Тобою сотворил; но праведен Ты в приговорах Твоих, и победишь, когда будешь судить.

Знаю, в беззакониях зачат я, и в грехах родила меня мать моя.

Знаю, истину Ты возлюбил, неведомые тайны премудрости Твоей явил мне.

Окропишь меня иссопом, и очищусь; омоешь меня, и стану снега белее.

Слуху моему даруешь радость и веселие; возрадуются кости смиренные.

Ѿврати́ лице́ твое́ ѿ гр҃ѣ́хъ мои́хъ, и̂ всѣ̂ беззако́нїа мо́а ѡ҆чи́сти.

Се́рдце чи́сто созижди́ во мнѣ̀ бо́же, и̂ дх҃ъ пра́въ ѡ҆бнови́ во ѹ҆тро́бѣ мое́й.

Не ѿве́ржи мене́ ѿ лица́ твоего́, и̂ дх҃а твоего́ ст҃а́го не ѿими́ ѿ мене́.

Воздади́ мѝ ра́дость спсе́нїа твоего́, и̂ дх҃о́мъ вл҃а́дѣющимъ ѹ҆тверди́ ма.

Навы́ беззако́нныа пѫтє́мъ твои́мъ, и̂ нечести́вїи къ тебѣ̀ ѡ҆брата́тсѧ.

Изба́ви мѧ ѿ кровє́й бо́же, бо́же спсе́нїа моего́: возра́дуетсѧ а҆зы́къ мо́й пра́вдѣ твое́й.

Г҃ди, ѹ҆стнѣ̀ мои́ ѿве́рзеши, и̂ ѹ҆ста́ моа̀ возвѣ́стятъ хвалу́ твою̀.

Е҆́ако а҆́ще бы восхотѣ́лъ е҆́сѝ же́ртвы, да́лъ бы́хъ у҆́бо: всесожже́нїа не бл҃говоли́ши.

Же́ртва бг҃ꙋ́ дх҃ъ сокрꙋше́нъ: се́рдце сокрꙋше́нно и̂ смире́нно бг҃ъ не ѹ҆ничижи́тъ.

Ѹ҆блажи́ г҃ди бл҃говоле́нїемъ твои́мъ сі҃о́на, и̂ да созижду́тсѧ ст҃ѣ́ны і҆ерл҃и́мскїа.

Отврати лицо Твое от грехов моих, и от всех беззаконий моих очисти меня!

Сердце чистым созижди во мне, Боже, и дух правды возроди в груди моей!

Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня!

Даруй мне радость о спасении моем, и Духом державным утверди меня!

Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся.

Избавь меня от крови, Боже, Боже, спасающий меня, и в радости восхвалит язык мой правду Твою.

Господи, уста мои отверзи, и уста мои изрекут хвалу Тебе.

Если бы восхотел Ты жертвы, я принес бы ее, но к всесожжению Ты не благоволишь.

Жертва Богу - дух сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное не унизит Бог.

Окажи, Господи, благоволение Твое Сиону, и да созиждутся стены Иерусалимские!

Тогда̀ бл҃говоли́ши же́ртвꙋ пра́вды, возноше́нїе и̂ всесожега́емаѧ: тогда̀ возложа́тъ на̀ о̂лта́рь твои́ тельцы̀.

Тогда благоволить будешь к жертве правды, возношению и всесожжению; тогда возложат на алтарь Твой тельцов.

Ѱалмъ ч҃.

Хвала̀ пѣ́сни дв҃довы, не надпи́санъ о҆у҆ е҆вре́й.

Живы́й въ по́мощи вы́шнягѡ, въ кро́вѣ бг҃а нб҃нягѡ водвори́тсѧ.

Рече́тъ гд҃еви: засту́пникъ мо́й е҆сѝ и҆ прибѣ́жище моѐ, бг҃ъ мо́й, и҆ о҆у҆пова́ю на него̀.

Ꙗ҆́кѡ то́й и҆зба́витъ тѧ̀ ѿ сѣ́ти ло́вчи, и҆ ѿ словесѐ мате́жна.

Плещма̀ свои́ма ѡ҆сѣни́тъ тѧ̀, и҆ по̀д крилѣ́ е҆гѡ̀ надѣ́еши сѧ: о҆рꙋ́жїемъ ѡ҆бы́детъ тѧ̀ и҆́стина е҆гѡ̀.

Не о҆у҆бои́шисѧ ѿ стра́ха нощна́гѡ, ѿ стрѣ́лы лета́ющїѧ во дни́,

҃Ѳ҃ ве́щи во тьмѣ́ преходя́щїѧ, ѿ ҆сра́ща҆ и҆ бѣ́са полу́деннагѡ.

Паде́тъ ѿ страны̀ твоеѧ̀ ты́сѧща, и҆ тьма̀ ѡ҆десну́ю тебѣ̀, къ тебѣ́ же не прибли́житсѧ:

Живущий помощью Всевышнего, под кровом Бога Небесного водворится.

Скажет он Господу: "Заступник мой, Прибежище мое, Бог мой! Уповаю на Него!"

Ибо Он избавит тебя от сети ловцов и от слова мятежного;

Плечами Своими оградит Он тебя, под крылами Его безопасен будешь; щитом покроет тебя истина Его.

Не убоишься страха ночного, стрелы, летящей днем,

Беды, во тьме приходящей, недуга и беса полуденного.

Падет возле тебя тысяча, и много тысяч вокруг тебя, тебя же ничто не коснется;

Ѻбáче ѻчи́ма твои́ма смо́триши, и̂ воздаа́нїе гр҃ѣшникѡвъ ѹ҃зриши.

Ꙗ҃кѡ ты̀ гд҃и ѻ҃пова́нїе моѐ: вы́шнаго положи́лъ е̂сѝ прибѣ́жище твоѐ.

Не прїи́детъ къ тебѣ́ зло̀, и̂ ра́на не прибли́жится ѹ҃тѣ́лесѝ твоемѹ̀.

Ꙗ҃кѡ а҃гг҃лѡмъ свои́мъ запове́стъ ѡ҃ тебѣ́, сохрани́ти тѧ̀ во всѣ́хъ пѹтёхъ твои́хъ.

На рѹка́хъ во́змѹтъ тѧ̀, да не когда̀ прет҃кне́ши ѡ҃ ка́мень но́гѹ твою̀.

На а҃спїда̀ и̂ васїлі́ска наступи́ши, и̂ попере́ши льва̀ и̂ зми́а.

Ꙗ҃кѡ на мѧ̀ ѻ҃пова̀, и̂ и҃зба́влю и҃: покры́ю и҃: ꙗ҃кѡ позна̀ и҃ма̀ моѐ.

Воззове́тъ ко мнѣ̀, и̂ ѹ҃слы́шѹ е҃гѡ̀: съ ни́мъ е҃смь въ ско́рби, и҃змѹ̀ е҃гѡ̀, и̂ просла́влю е҃гѡ̀:

Долгото́ю дне́й и҃спо́лню е҃гѡ̀, и̂ ꙗ҃влю̀ е҃мѹ̀ сп҃се́нїе моѐ.

Но ты будешь смотреть очами твоими, и воздаяние грешникам узришь.

Ибо *ты сказал*: "Господи, Ты упование мое!" Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.

Не постигнет тебя зло, и язва не приблизится к шатру твоему;

Ибо Ангелам Своим заповедает Он о тебе - охранять тебя на всех путях твоих.

На руках понесут тебя, да не преткнется о камень нога твоя.

На аспида и василиска наступишь, и попирать будешь льва и змея.

"На Меня уповал он, и Я избавлю его; осеню его, ибо он познал имя Мое.

Воззовет ко Мне, и услышу его; посещу его в скорби, извлеку его из бед и прославлю его;

Долголетием одарю его, и явлю ему спасение Мое!"

Параллельный перевод на русский язык Е.Н.Бирюковой (ум. 1986г.) и И.Н.Бирукова.

Αγιος
Σπιριδον.

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ